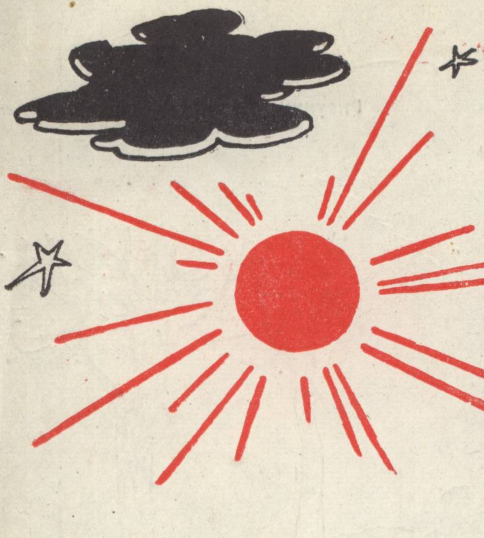
ПИОНЕР

ФЕВРАЛЬ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1962 г.

Весело и споро идет работа у пионеров в деревне Веряже! Они собирают золу для колхозных полей. Полную лоханку набрали Рая Хорькова и Вова Белозеров. Они высыпают золу в общий котел, а позади уже спешат другие ребята, и у каждого в руках ведерко с золой. Удобришь землю — оплатит она золотым урожаем. Молодцы веряжские ребята!

Фото С. Карасева.



Год издания 39-й

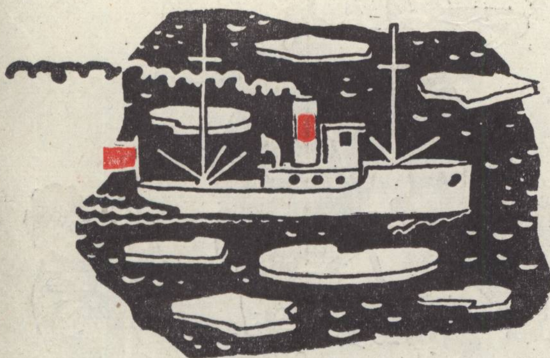
ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ЛЕДОХОД

Начался ледоход.
Вышел первый пароход.
Ветер гонит к морю льдинки.
Весел, радостен народ.

Лора Куликова, 9 лет,
Мурманск.



* * *

Крылья синие
в белом инее,
в белом инее,
в серебре.
Ну и жаркое
солнце яркое,
солнце яркое
на дворе.
Самолет плывет,
в облака нырнет,
в облака нырнет
самолет.
И уверенно
к звездам ввысь идет,
к звездам ввысь идет
наш пилот.

Андрюша Карлов, 6 лет,
Москва.

ВЫСОКОВОЛЬТНАЯ ЛИНИЯ

Шагает меж гор и долин,
Идет по тропинкам и рекам,
Бежит по ней ток-господин,
И послан он мной, человеком!

Такими шагами большими
Никто не ходил никогда.
А эта могучая линия
Несет на себе провода.

Николай Булгаков, 10 лет,
Москва.

ЧУДАК ИЗ ШЕСТОГО «Б»

В. ЖЕЛЕЗНИКОВ

Рисунки Б. Винокурова.

ПОВЕСТЬ

Окончание

В первый зимний день у меня наконец возникла еще одна блестящая идея: отвезти всех ребят на стадион, чтобы они поступили в кружок юных фигуристов.

Дело в том, что последнее время у меня вообще не было никаких идей. Неудача с маминым днем рождения сильно подействовала на меня. А тут пришло от папы письмо. В нем была всего одна строчка: «Куда истратил деньги?»

Значит, папа не поверил, что я проел их на мороженое. И я ему все честно написал: и про пирожок Гене Симагину, и про кино, и про Иннокентия Иннокентьевича и Нину.

В письме легче все объяснить. А то, когда так рассказываешь, получается, что ты оправдываешься и выкручиваешься.

Написал письмо, настроение сразу улучшилось. А тут под ногами первый снег похрустывает, вот и родилась идея о фигуристах.

Тем более это тоже слабое место в нашем спорте.

Договорились собраться возле школы. Все ребята пришли, не было только Нины, Зины и Гены Симагина. Потом появилась Нина и сказала:

— Зина отказалась идти. Ее мама заявила, что у нее завтра важная тренировка и ей не до октябрятских мероприятий.

— Так,— сказал я.— А где Генка?

— А Генка помогает маме убирать снег,— ответила Нина.— У них много работы.

Она мне это сказала с какой-то обидой. Точно я виноват в том, что Зина стала задаваться и метит чуть ли не в чемпионки города по плаванию среди девочек ее возраста, а Генка работает.

— Ну, пошли,— сказал я.— А то опоздаем.

Все тронулись, но я чувствовал, что у малышей не было настроения. Они не возились и не шумели.

— Вот что,— сказал я.— Зайдем все же за Генкой. Может быть, он пойдет с нами.

Развернулись и пошли к Генке.

Еще издали я увидел его. Он сгребал снег лопатой, а его мама скребком чистила тротуар.

— Здравствуйте,— сказал я.

Все ребята столпились вокруг меня. Генина мама посмотрела на нас. Она была одета в короткую тужурку и в теплый пуховый платок. От работы ей, видно, было жарко.

— Приветик,— сказал Генка. Он приподнял шапку, и от головы у него повалил пар.

Первыми принялись за работу мальчишки.

— Ну-ка надень шапку, постреленок! — строго сказала ему мать.— А то застудишься.

Генка напялил шапку.

— Вот ему вся физкультура. Он теперь этой физкультурой будет заниматься всю зиму,— сказала Генкина мать.— И полезно, и матери подмога. Так что вы, ребятишки, идите по своим делам.

— Что вы,— сказал я,— разве мы пришли Гену

сманивать? Мы пришли вам помогать. Сейчас все переделаем.

— Тетя Маруся,— крикнул Костиков,— мы живо поможем! Это нам пустяк.

— Вот это уж ни к чему,— ответила тетя Маруся.— Мы и сами справимся.

А Генка не стал возражать: он-то отлично понял нашу хитрость. Нам важно было, чтобы Генка побыстрее освободился и мы отправились на каток.

Генка тут же сбегал куда-то и принес две лопаты и три скребка.

Что тут началось! Каждый выхватывал у него эти лопаты и скребки.

Пришлось установить очередь. Первыми принялись за работу мальчишки.

Они скребли эти тротуары отчаянно. Но работа была не такой уж легкой. Неизвестно откуда под снегом образовался крепкий ледок, и скребки его не брали.

Мальчишки раскраснелись.

Тетя Маруся принесла лом и стала колоть ледок.

Потом этот лом у нее взял я. Тяжелый он был до чертиков, но я не показывал виду. Колол себе, и все, а про себя ругал наших конструкторов: «Это в наше-то время, когда запускают спутники, людям приходится вот так колоть лед ломом! Конечно, может быть, этот лом и историческая ценность. Я уверен, что такие ломы уже не выпускают лет сто. Но все равно он никому не нужен».

Когда работа подходила к концу, вдруг из ворот выплыли Зина и ее мама.

Разоделись в пух и прах. Зина в новом голубом пальто и в берете. Волосы коротко подстрижены. Она первая в классе остригла косы. Они, видите ли, мешали ей плавать.

А сама Босина напялила на голову ярко-красную модную папаху.

Лично я не против нарядов. Мне даже нравится, когда люди красиво одеты. Но здесь все это как-то было не к месту.

Все ребята, как по команде, повернулись в Зинину сторону.

— А, это вы, молодой человек! — Босина оглянулась на ребят и сказала: — Знаете, ваша идея на этот раз не так удачна. Вы просто неоригинальный чудак. Работать дворниками в атомный век!

Она назвала меня чудаком, словно дураком сбругала. Но я-то был доволен, что попал в отряд чудаков. А она, видно, думала, что обидела меня.

— Мы помогаем Гениной маме,— сказала Нина.

— А директор школы об этом знает? — спросила Босина.

— При чем тут директор? — сказал я.

— А при том, что это эксплуатация детского труда.— Она посмотрела на тетю Марусю.— Да-да. Идем, Зиночка.

И они удалились. А меня даже в жар бросило от ее слов. Боялся поднять глаза на тетю Марусю.

— Ну, хватит, ребята,— сказала тетя Маруся.— Спасибо за помощь. Бегите по своим делам.

Мы прибежали на каток, мокрые, как мыши. В раздевалке катка уже никого не было. Только какая-то тетя, видно, уборщица, разговаривала с маленьким сухопарым мужчиной.

Мы влетели всей оравой, и они сразу замолчали и уставились на нас.

— Это что еще за безобразие? — зашумела женщина.— С этими детьми нет сладу. Один день тише воды, ниже травы, зато потом на другой день отыграются.

Она прошлась по комнате, точно набиралась сил, а потом как закричит:

— Вы что, не знаете? Занятия кружка закончились. Давай-давай по домам!

Я хотел переждать, пока она перекричится. Лучше всего переждать, но тут ничего не вышло с такой тактикой. Она кричала, размахивала руками и вытесняла нас потихоньку.

Тогда я шмыгнул под ее руку и подошел к мужчине. И торопливо рассказал ему, в чем дело. И тут нам абсолютно повезло. Можно сказать, фантастически повезло.

— Тетя Катя, погоди одну минуту,— сказал мужчина.— Дай я поговорю с ребятами.

Все малыши собрались вокруг нас, а Костиков, чтобы задобрить мужчину, сказал:

— Здравствуйте, дядя!

— Здравствуйте, тетя!

Это было несколько неожиданно. И, может быть, обидно для Костикова. Он ведь не хотел посмеяться над этим мужчиной.

Но мужчина весело рассмеялся. И все ребята рассмеялись.

— Значит, хотите всем классом учиться фигурному катанию? А коньков ни у кого, разумеется, нет? А в магазине купить нельзя, потому что они дорогие? А в кружки записаться тоже нельзя, потому что запись прекращена?

— Что же делать? — робко спросила Нина.— Нам так хотелось.— Это она спасала мою затею.— Мы уже были осенью в бассейне. А там такой злой тренер! Взял только одну нашу девочку.

«Ну вот,— подумал я.— Теперь все пропало. Он, может быть, решит, что мы ходим по всем стадионам, лишь бы куда-нибудь пристроиться».

— Так,— сказал мужчина.— Ну, вот что, ты, паренек-вожатый, составь список всех ребят и против каждой фамилии поставь номер ботинок. Если наберем коньки, будем заниматься.

Вдруг из ворот выплыли Зина и ее мама.

Тут я вытащил свою тетрадь с фотографиями малышей и протянул мужчине.

Он взял ее и стал перелистывать. Медленно так перелистывал.

— Где это вы так сфотографировались?

— В моментальной автоматической, в ГУМе.

— Скажи-ка!..

По-моему, моя тетрадь ему понравилась. Это было переломным моментом в нашей беседе.

— Ну, вот что, ребята. Я иду против правил,— сказал мужчина.— Но обожаю энтузиастов. Только по-честному, не опаздывать. Буду заниматься сверхурочно.

* * *

Однажды к нам в класс пришла Наташа.

— Ребята,— сказала Наташа.— В совете дружины довольны работой Бориса Збандуто. Они хотят, чтобы мы еще одного вожатого дали для октябрят, во второй «Б». Кто хочет?

И вдруг Сашка Смолин сам поднял руку.

У меня от удивления глаза на лоб полезли. А Сашка покраснел, когда поймал мой взгляд, но руку не опустил.

— Ты, Смолин? — удивилась Наташа.

— А что? — спросил Сашка.— Не доверяете?

— Наташа,— сказал я.— Раз Смолин хочет сам, значит, ему можно доверить. Мне же вы доверили.

И Сашка Смолин стал вожатым октябрят второго «Б».

Через несколько дней он совершенно спокойно подходит ко мне и говорит:

— А твои по сравнению с моими слабаки.

— Почему ты решил? — спокойно спросил я.— Без года неделя, как попал в вожатые, и уже все знаешь.

— А потому, что я взял классные журналы и сравнил. У твоих отметочки хуже.— И он мне показал аккуратно выписанные отметки своего и моего классов.

— А ты буквоед и бюрократ,— сказал я.— Но отметки — это еще не все. У моих душа хорошая.

— Ты что же, считаешь, что у моих души нет?

— Думаю.

— Один индюк думал, да в суп попал.

— А ты тот суп ел?

— Что-то не хочется, я из знакомых индюков супы не ем.

— Так вот заруби на своей картошке, именуемой в анатомии носом, что этот индюк пока жив и здоров и постарается обставить второй «Б».— Я подбросил вверх теннисный мячик, который держал в руке, и преспокойно удалился.

* * *

Утром, как всегда, я побежал к Нине.

Я теперь каждый день бегал к ней: боялся, проспит. Ужасно, до чего она любила спать. Вечером может лечь хоть в двенадцать часов, а утром не подымешь. Бабушка с ней справиться не могла, и я стал прибегать по утрам. Мы вместе делали зарядку, я — второй раз. Потом Нина завтракала, и мы шли в школу.

— Все готово? — спросил я у Нины.— На зарядку становись! Заводи пластинку.

Я считал, что зарядку веселее делать под музыку. И мы обычно занимались зарядкой под мексиканские народные мелодии.

— Ничего не готово,— ответила Нина.— У бабушки болят ноги, и нет завтрака.

— Так,— сказал я.— А где бабушка?

Мы прошли к бабушке в комнату. Она лежала на кровати, грустная.

— Здравствуй, Боря. Ходить сегодня не могу, ноги болят, и завтрак не приготовила.

— Хлеб есть? — спросил я.

— Нет хлеба,— ответила Нина.— Бабушка не любит с вечера покупать хлеб, она любит свежий.

— Ты извини меня, Боря. С детства так привыкла. Мы всегда покупали хлеб утром.

— Аврал,— сказал я.— Зарядка на сегодня отменяется. Я бегу за хлебом и маслом, а ты кипятишь чай и варишь яйца.

Через пять минут я уже вернулся. У Нины вовсю горел газ.

— Газ нужно открывать поменьше,— сказал я.— Чтобы не обгорал чайник.

— Боря, а у меня яйца полопались,— сказала Нина.

— Эх ты, голова садовая! Если яйца опускаешь в кипяток, нужно его посолить, тогда они и лопаться не будут. Ну, садись питайся, а я бабушку покормлю.

Я налил чаю в стакан, намазал ломоть хлеба маслом, взял два яйца и пошел к бабушке.

— Вот, бабушка, позавтракайте, вам сразу лучше станет.

— Что ты, Боря,— сказала бабушка,— при моем тромбофлебите яйца есть нельзя.

— При чем?

— Болезнь такая. Тромбофлебит. У старых обычно бывает, а в яйцах есть вещество, которое усиливает эту болезнь.

Вот не знал я этого!

— А что же вы кушать будете?

— Выпью чай, съем хлеб. Боренька,— сказала бабушка,— ну-ка наклонись ко мне.— Она охватила меня за шею и зашептала на ухо: — Ты за Ниночкой последи. Видишь, какая она неприспособленная.

Потом она поцеловала меня в щеку.

Я терпеть не мог, когда меня облизывали, и мама поэтому меня очень редко целовала. Но тут я видел, что бабушка разволновалась, и промолчал.

— Не волнуйтесь,— сказал я.— Мы все организуем.

— И куда их понесло, в какую-то Африку! Не знаю, вызывать их или не вызывать.

— Зачем же вызывать? Все обойдется.

— Боря, я уже позавтракала,— сказала Нина.— Можно идти.

Я посмотрел на бабушку, и мне стало почему-то очень ее жалко.

— Вот что, Нина, ты оставайся дома. А я поговорю с вашей учительницей. Первый урок ты пропустишь, а на второй тебя кто-нибудь подменит. Ясно?

— Ясно.

На улице меня ждал Толя Костиков. Он поджидал нас с Ниной каждый день.

— Что так долго? Можно опоздать, а мы сегодня с Ниной дежурные. Ты сам говорил, что дежурные должны приходить в класс первыми.

— Говорил. Бабушка у Нины заболела.

— Заболела? Я тоже недавно болел, наелся мороженого и заболел ангиной. Пришлось уколы делать. За каждый укол мне мама давала по конфете. Я потом так притерпелся, что мог сколько угодно уколов вынести. А у нее что, грипп или, может быть, свинка?

— Да нет,— ответил я.— У нее другая болезнь, старческая. Яйца есть нельзя и так далее.

— Это плохо,— сказал Костиков.— Я люблю яйца вкрутую. Мама ест белок, а я только желток.

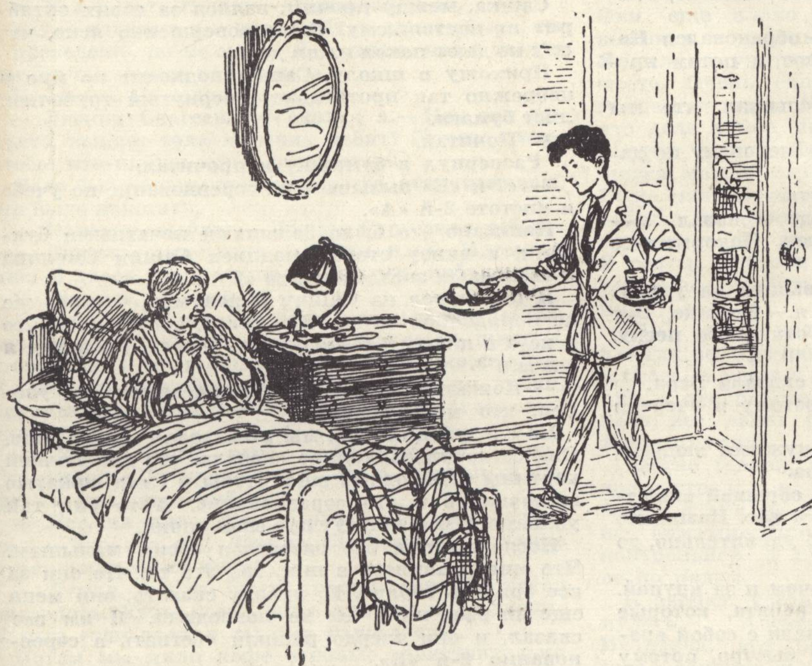
— Нужно тебя, Костиков, обсудить на октябрятском сборе,— сказал я.— Неправильно тебя воспитывают, растешь ты, как тепличное растение. За каждый укол по конфете, в яйцах только желтки ешь. Что это такое?

Круглое, толстое лицо Костикова стало пунцово-красным.

— А что, разве нельзя одно любить, а другое нет?

— Можно. Но, понимаешь, у тебя это носит какой-то не такой характер. Вырастешь ты, поедешь, к примеру, в Сибирь, кто тебе там будет одни желтки от яиц давать?

— Я в Сибирь не поеду,— сказал Костиков.— Я буду полярником, поеду в Антарктиду.


— Вот, бабушка, позавтракайте, вам сразу лучше станет.

— В Антарктиду? Тем более, там мороз семьдесят градусов и полное самообслуживание.

Вдруг Костиков рассмеялся.

— Ты чего? — удивился я.— По-моему, смеяться нечего.

— В Антарктиду берут консервы?

— Берут,— ответил я.

— А я буду там есть консервированный яичный порошок. Он из одних желтков.

В школе я сразу побежал искать Александру Ивановну, учительницу второго «А», чтобы попросить ее отпускать по одному ученику каждый урок к Нининой бабушке.

После уроков я отправил всех малышей домой, велел им пообедать и собраться у дома Нины.

А Нину повел к себе домой, чтобы покормить обедом.

Потихоньку открыл дверь.

— Ой, какая у вас большая передняя!— сказала Нина.— У нас она намного меньше.

— Тсс! — сказал я.

Я боялся, что услышит Ольга Андреевна и что-нибудь выйдет не так.

— У вас что, нельзя громко разговаривать? — спросила Нина.

— Можно. Но, знаешь, а вдруг соседка спит. Ты раздевайся и проходи в комнату. А я пойду разогрею обед. Самое главное — это успеть пообедать до прихода мамы.

— Очень вкусный суп. Мама моя тоже готовит вкусные супы, а бабушка любит борщи да щи.

Мне неудобно было подгонять Нину, а ее прямо распирало от желания поговорить.

— Когда я ем, я глух и нем,— сказал я.

И тут вошла мама.

Она увидела Нину и остановилась как вкопанная. Как будто Нина была не худенькая, бледненькая девочка с тоненькими косичками, а дракон. Ну, прямо она не могла произнести ни слова.

— Здравствуйте,— сказала Нина.

Она очень покраснела, я тоже покраснел, точно мы сделали что-то недозволенное и нас поймали.

— Здравствуй, девочка,— сказала мама.— Сиди, сиди. Сейчас я вымою руки и пообедаю вместе с вами.

— Мама, мама,— сказал я. Я был так рад, что готов был впервые в жизни сам расцеловать маму.— Нина сказала, что ты готовишь очень вкусные супы.

— Ах, так это и есть Нина, у которой папа и мама уехали в Африку?

— Конечно, это она. У нее бабушка заболела, и у них нет обеда. Вот я ее и привел. А сейчас мы пойдем к ее бабушке. Там все малыши соберутся, мы там одно дело придумали.

Потом мама убежала на кухню, а к нам в комнату пришла Ольга Андреевна. Она только качала головой, точно чему-то удивлялась.

— А мне Боря рассказывал,— сказала Нина,— что у вас сын в Сибири.

— Боря у нас молодец,— сказала Ольга Андреевна.

Мама пришла из кухни и принесла две кастрюльки.

— Вот, Ниночка, это твоей бабушке. А то что же она голодная.

— Что вы! — сказала Нина и покраснела.

— Боря, неси, да не разлей.

Вообще я терпеть не мог ходить с кастрюлями и с авоськами, а тут я шел и думал: «Хорошая у меня мама!» — и совсем не стеснялся, что у меня в руках авоська.

У Нининого подъезда нас поджидали малыши. Я велел прийти пятерым, а они пришли всем классом.

— Почему вы все пришли? — спросил я.
— Ну, Боря! — жалобно сказал Гена Симагин.— Всем хочется помочь Нине.
— Ладно,— согласился я.— Придется разбить вас на группы.— Я сосчитал ребят.— Первая группа пойдет за сахаром, вторая — за манной крупой, третья — в поликлинику, чтобы вызвать врача. Четвертая группа в резерве. Сейчас я подымусь с Ниной в квартиру и вернусь с деньгами.
Дверь мы открыли потихоньку, чтобы не потревожить бабушку, и услыхали громкий голос Костикова. Он был дежурным.
— ...У меня есть слабости. Я очень люблю сладкое и желтки от яиц. Боря сегодня мне сказал, что я избалованный. А я пришел домой и рассказал маме. Она мне говорит: что про желтки — это Боря прав, а про сладкое нет. А как вы думаете?
— Я тоже так думаю,— ответила бабушка.— Если сладкое у тебя не отбивает аппетит, значит, ничего страшного.
— Нет, совсем не отбивает! — обрадовался Костиков.— Я могу съесть пирожное, а потом преспокойно пообедать.
Нина засмеялась. Костиков услышал, что мы пришли, и выскочил в коридор.
— Что ты, Костиков, больному человеку не даешь отдохнуть? — спросил я.
— Я просто хотел ее развеселить.
— Ну, ладно, Костиков, ты иди,— сказал я.— Теперь Нина побудет с бабушкой. Покормит ее обедом.
Я взял у бабушки деньги и вышел на улицу.
— Сахарная группа,— сказал я.— Ко мне. Вот вам деньги, купите килограмм сахарного песку. Кому из вас дать деньги?
— Я обычно забываю сдачу,— сказала Вера.
— А я медленно считаю, и поэтому в очереди меня всегда ругают.
— А я, когда разговариваю с чужими людьми, начинаю заикаться,— сказал Леша.
— Это ерунда,— сказал я.— Не обращай внимания, просто не думай об этом — и все. Назначаю тебя старшим, вот деньги. Просто удивительно, до чего у вас много недостатков.
Потом я отправил ребят за врачом и за крупой.
Самыми первыми вернулись ребята, которые ходили в поликлинику. Они привели с собой врача. Это им удалось сделать так быстро, потому что они не знали существующих порядков по вызову врачей. Они не знали, что нужно записаться, а потом идти домой и ждать, когда врач придет.
Ребята сидели в поликлинике и ждали, когда же им дадут врача. Им объясняли, что они могут идти, а врач придет позже. А они сидели. Потом к ним подошел какой-то старичок и сказал, что он врач, что он отработал свою смену, но с удовольствием пойдет с ребятами.
— Тише,— сказал врач.— Вы так галдите, что я не могу прослушать у больной сердце.
Скоро врач вышел от бабушки.
— Кто родственник больной? — спросил врач.
— Я родственник,— сказала Нина.
Врач посмотрел на Нину поверх очков. У него были седые лохматые брови и совсем лысая голова; она блестела, точно отполированная.
— Ты? Ну, а кто-нибудь постарше здесь есть?
— Боря,— ответила Нина.— Он наш вожатый.
Врач так же подозрительно посмотрел на меня и сказал:
— Ничего страшного, маленькое обострение. Но лежать, категорически лежать. На вашу ответственность, товарищ вожатый.
— Понятно,— ответил я.
— Ну и прекрасно, если понятно. Сейчас я выпишу лекарство, вы пойдете в аптеку и получите его. Больной нельзя есть ни шпинат, ни томат, ни мясо. Не пить кофе и крепкий чай.
— А что же ей тогда можно? — спросил я.
— Знаете ли, все остальное: творог со сметаной, свежую рыбу, всякие каши. Очень вкусна, например, каша по-гурьевски. Само собой, категорически запрещается употреблять алкоголь. Я имею в виду водку, вино и даже пиво. Курить — курить тоже нельзя.
После этого врач ушел. А я подумал, что за бабушкой придется ухаживать нам.

* * *

Сашка, между прочим, взялся за своих октябрят по-настоящему. Было совершенно ясно, что ему не дают покоя наши дела.
Прихожу в школу, Сашка подходит ко мне и небрежно так протягивает свернутый трубочкой лист бумаги.
— Почитай.
Развернул я бумажку и прочитал:
— «2-й «Б» вызывает на соревнование по учебе и чистоте 2-й «А».
Написано это было большими печатными буквами, а внизу стояли подписи Сашки Смолина и звеньевых звездочек 2-го «Б».
Я посмотрел на Сашку и подумал, что все же он порядочная ехида. Вызывает, когда знает, что у него в классе ребята лучше учатся. Но вслух я сказал:
— Пожалуйста, мы принимаем вызов, и я уверен, что мы победим.
На следующий день мы рассказали все Наташе. Она согласилась, только сказала, что для полной картины необходимо еще, чтобы и сами вожатые включились в это соревнование. А то они так увлекутся, что забудут про свои уроки.
После этого я все рассказал своим малышам. Что мне нравилось в них, так это то, что они за все брались горячо. И, правду сказать, они меня еще ни разу ни в чем не подводили. Я им все сказал, и они твердо решили обогнать в соревновании 2-й «Б».
— Можешь на меня надеяться,— сказал Толя Костиков.— Получу все четверки.
— И на меня тоже можешь надеяться,— сказал Гена Симагин.
— И на меня, и на меня! — закричали все.
— Только придется бороться со своими недостатками,— сказал я.— У нас ужас сколько недостатков. Вы мне свои назовете, а я вам свои. Одни любят поспать,— я посмотрел на Нину,— другие любят похвастаться,— я посмотрел на Толю Костикова,— третьи — такие лентяи, что дома ничего не делают.
— А как же я буду бороться со своим недостатком? — спросил Леша Щеглов.— Я вот себе говорю: не буду заикаться, а потом волнуюсь и начинаю заикаться.
— Тебе, Леша, надо вырабатывать силу воли,— сказал я.
— И еще тебе надо петь,— сказала Нина.— Мне папа говорил, тебе надо петь.
— У нас соседи,— грустно сказал Леша.— Они будут ругаться.

— А ты приходи к нам. Моя бабушка любит, когда поют. Мы вместе с тобой будем петь.

— Хорошо,— сказал Леша.— Я попробую.

* * *

Как-то вечером я возвращался от Нины. Смотрю: идет Леонид Сергеевич, наш тренер по фигурному катанию.

Мы с ним подружились с тех пор, как стали заниматься у него в кружке. А тут он посмотрел на меня и прошел мимо. Точно не узнал.

— Леонид Сергеевич! Леонид Сергеевич! — крикнул я.

Он остановился. Скучный такой. Мокрый снег облепил его шапку и воротник пальто. Он как-то даже ссутулился, совсем не был похож на себя.

— А! Энтузиаст! — сказал он.— Куда путь держишь?

Я держал путь домой, но ответил, что никуда не держу. Гуляю просто.

— И я просто гуляю,— обрадовался он.

«Ну,— подумал я,— кого-нибудь, может быть, ты и проведешь, но не меня! Я-то знаю, что в такую погоду так просто не гуляют».

Постояли. Помолчали.

— Леонид Сергеевич,— сказал я.— Как вы думаете, выйдет толк из моих ребят? Хочется мне, чтобы кто-нибудь стал фигуристом.

Надо было о чем-то спросить его, хотя, в общем, это было некстати.

— Конечно, выйдет.— Леонид Сергеевич помялся.— Знаешь, энтузиаст, у меня идея. Идем ко мне. Я здесь близко живу. Посидим, побалакаем.

Я, конечно, согласился.

У Леонида Сергеевича была отдельная однокомнатная квартира. Там стояли какие-то шкафы, стол, стулья, ну, в общем, как во всех квартирах. Но в этих шкафах были серебряные кубки, хрустальные вазы, висели большие круглые медали.

— Сейчас будем пить кофе,— сказал Леонид Сергеевич.— По-морскому, с солью. Отличный кофе. Ты пил когда-нибудь?

— Нет, не пил.— Тут я расхрабрился и спросил: — Что это вы, Леонид Сергеевич, на улице проскочили мимо меня?

— Думал, может быть, торопишься. Не хотел надоедать. Хуже всего, если другому надоедаешь. У него свои дела, а ты ему надоедаешь.

Потом мы пили кофе с солью. Действительно вкусно. Чего только моряки не придумают...

— Ваши кубки? — спросил я.

— Мои и моей жены,— ответил Леонид Сергеевич.— Еще довоенные. До войны мы с ней много призов брали в парном фигурном катании.

— А после войны перестали выступать?

— Жена погибла на фронте. Она была медицинской сестрой. А сын уехал в Сибирь.

Когда он сказал про жену, я сразу замолчал. Неудобно так получилось, что я ему про это напомнил. А он, видно, совсем расстроился. Не знаешь никогда, что в таких случаях делать: как-то хочется помочь человеку, а что делать,— неизвестно.

— Что же, вы так один и живете? — спросил я.

— Один,— ответил он.

— Ну, раз вы живете один, Леонид Сергеевич, то мы вас принимаем в свою октябрятскую компанию. Приготовьте фотокарточку, я вклею ее в свою тетрадь.

— Хорошо, энтузиаст. Я принимаю твое предложение.

По-моему, это было совсем неплохое предложение, мои малыши кого хочешь развеселят, но я-то видел, что настроение у Леонида Сергеевича ненамного улучшилось.

Так я и ушел домой.

* * *

Дело в том, что я просидел долго у Леонида Сергеевича и не выучил историю. Сидел и дрожал, что меня вызовут и полетит в тартарары все наше соревнование с Сашкой. И вдруг перед самым уроком истории в наш класс приходит Александра Ивановна, учительница из 2-го «А», и говорит:

— Боря, я должна срочно уйти, а у нас сейчас контрольная по арифметике. Ты, пожалуйста, посиди на уроке и последи за дисциплиной.

— А как же история? — спросил я.

— Я уже договорилась с твоей учительницей.

Я побежал во второй класс. Ребята тихие-тихие. Они еще плохо привыкли к контрольным. Я сел на учительское место. Очень скоро я увидал по лицу Нины, что дела у нее подвигаются плохо. Я прошелся между партами. Боже мой, почти у всех ребят в примерах была одна и та же ошибка! Я сел на место и стал усиленно теребить руки.

У Сашки был жалкий и несчастный вид.

«Ну вот,— подумал я.—Так все удачно сложилось, я ушел с истории, а теперь все пропало, все летит вверх тормашками».

Честно говоря, я недолго страдал и колебался, я тут же решил на бумажке примеры контрольной и пустил ее по рядам.

К звонку, когда вернулась Александра Ивановна, все ребята уже закончили контрольную работу.

Я вернулся в свой класс и узнал, что Сашка схватил двойку по истории. Не знаю, почему уж это случилось, но он тоже не выучил историю. У него было такое расстроенное лицо, что я сказал:

— Хочешь, мы эту двойку не будем принимать во внимание?

— Зачем же? — гордо ответил Сашка.— Я ее исправлю.

А на следующий день над Сашкой разразилась настоящая катастрофа. Мой класс получил по контрольной пятерки и четверки, а его — несколько троек и даже одну двойку. Мы твердо выходили на первое место.

Сашка перестал хорохориться, у него был жалкий и несчастный вид. И, чтобы успокоить Сашку, я взял и рассказал ему все про контрольную.

— Так-так,— сказал Сашка. Он даже покраснел.— Запрещенные приемчики! Это просто под-

ло. Да ты знаешь, что за это в честной спортивной борьбе навсегда лишают права выступать?

— Брось читать мораль,— сказал я.— Злишься, что проиграл?

— На всю жизнь,— сказал он.— А сам так поступаешь? Тоже мне друг! — Сашка повернулся и ушел.

У меня испортилось настроение. Он даже не смотрел в мою сторону. После уроков Сашка все же ко мне подошел.

— Я все рассказал Наташе,— сказал он.

— Рассказал? — Я представил себе лицо Наташи, потом Александры Ивановны, мамы, Иннокентия Иннокентьевича.— Ябеда ты, просто ябеда. Ты знаешь, что ты наделал? Ты знаешь, сколько я людей подвел? Мне теперь хоть из дома уходи. Всех, всех я подвел. Вот если бы ты так поступил, я бы никогда не раздувал дело.

— Я бы тоже не раздувал,— сказал Сашка.— Но только вчера я дал себе слово поступать всегда честно и никогда не врать.

Все было кончено. У меня в жизни еще никогда не было такого несчастья, и я просто не знал, что делать.

— Иди к Наташе,— сказал Сашка.

— Я тебя ненавижу! — сказал я.— Я тебя ненавижу! Ты все мне погубил. Все!

— Это очень плохо, что ты так поступил,— сказала Наташа.— Тебе все же нельзя было доверять воспитание детей. Ты слишком легкомысленный. Ну, в общем, от работы с октябрятами я тебя отстраняю, а твое поведение будем разбирать на сборе отряда. Как бы у Александры Ивановны не было из-за тебя неприятностей на педсовете.

На следующий день надо было идти на занятия к Леониду Сергеевичу. Но я, конечно, не пошел. Сидел один дома, и все. Долго сидел, стемнело уже, а я сидел, не зажигая света. И вдруг звонок. Открыл дверь. А за дверями сам Леонид Сергеевич.

— Ну, здравствуй, энтузиаст! — сказал Леонид Сергеевич.— Что такой печальный?

Точно он не знает, что со мной случилось.

— Да так,— ответил я.

— Разговаривать не хочется?

— Нет.

— Понятно. Помолчим вместе. Вместе веселее.

В это время опять кто-то зазвонил в нашу дверь. Я побежал открывать.

На пороге стояла Наташа. Как она быстро прибежала! То ни разу не была, а тут прилетела.

— Мамы нет дома,— сказал я.— Рано пришла.

Хотелось хлопнуть дверью перед ее носом. Но в коридор вышел Леонид Сергеевич.

— В чем дело? — спросил он.

Хоть я был сильно расстроен, но все же заметил, что Леонид Сергеевич произвел впечатление на Наташу.

— Мне надо поговорить с Бориной мамой. Я из школы.

— Мы и без мамы все обсудим. Раздевайтесь, проходите.

Леонид Сергеевич, как настоящий кавалер, помог Наташе снять пальто. Наташа даже покраснела. Это, конечно, произошло у нее первый раз в жизни.

В общем, пока они соревновались в вежливости, я преспокойно стоял в стороне и наблюдал. Внутри у меня все переворачивалось от тоски, а я стоял себе и с пренебрежением наблюдал, как они друг перед другом хорохорились.

Леонид Сергеевич пригласил Наташу в нашу комнату, а я пошел к Ольге Андреевне,

Потом появился хирург.

Никто не виноват, что в нашем доме такие тонкие перегородки между комнатами и все слышно.

— Вы понимаете,— сказала Наташа.— Ему доверили малышей. А он так поступил. Сам врун и их учит обманывать. Это ужасно.

Она изобразила меня просто негодяем. И самое страшное было в том, что это все правда. Сашку обманул, ребят всех подвел. Никому ведь не объяснишь, что я так увлекся и все забыл.

— Печальная история,— ответил Леонид Сергеевич.— Не подумал он, ну, и сделал глупость. А парень он хороший. Октябрят своих любит. Все что-то придумывает для них. Они к нему даже домой бегают.

— Это правда, они к нему привязались,— сказала Наташа.— Но нельзя же так поступать. Он на них дурно влияет. Они слушаются его во всем. А если он их, к примеру, толкнет на воровство? Здесь налицо просто спайка, а не октябрятская общественная организация.

После этого они оба замолчали. Я ждал, что Леонид Сергеевич ей на это ответит, а он молчал.

Неужели поверил, что я могу толкнуть малышей на воровство?

— Зря вы так. Разве можно подумать такое про Борьку! Он, вы знаете, когда играет в шахматы, всегда поет. Фантазирует. А если он из своих октябрят таких же фантазеров и мечтателей сделает — это же чудно! Зависти нет. Безразличия нет. Совсем не эгоист. Все сделает для другого.

— Доброта — это формальное качество,— сказала Наташа.— Капиталисты тоже добренькими бывают. На доброте коммунизм не построишь.

Это уж было просто оскорбление. Если бы кто-нибудь такое сказал про Леонида Сергеевича, я бы его в два счета выгнал. А он вместо этого возьми и скажи:

— Наташа, интересно, что вы будете делать после школы?

Когда я услышал его вопрос, не поверил своим ушам. Он просто перевел разговор на другую тему.

— Не знаю,— ответила Наташа.

— Советую вам, поезжайте в Сибирь. У меня там сынишка работает.

Он ей еще предлагал поехать в Сибирь! Да. Быстро они договорились. Меня он не зовет в Сибирь, а ее: поезжайте к моему сыну, пожалуйста, в Сибирь. Вот, мол, адресок. Пришлите только телеграммку, а он вас там встретит. Мне все было ясно, противно стало слушать, что они там дальше говорили.

Включил я радио на полную мощность и стал прыгать и корчить рожи перед зеркалом. Пусть думают, что танцую. Быстро они спелись, я даже не ожидал.

Наконец Леонид Сергеевич постучал мне кулаком в стену. Я сначала не хотел к нему идти, а потом все же пошел. Не было у меня выдержки.

— Ушла? — сказал я, хотя отлично слышал, как она уходила. И даже видел в замочную скважину, как он ей подавал пальто.

— Ушла... Неплохая девушка, но...— Он помахал в воздухе рукой.— Я ее в Сибирь пригласил. Там ее ребята быстро уму-разуму научат.

— Понятно.

— А с тобой все в порядке. Конечно, разберут тебя на сборе, как полагается. А маме можно об этом пока не докладывать. А то знаешь — женщины. Паника. Отцу напишет и так далее.

Это уже было неплохо, но я даже глазом не моргнул. Пусть не думает, что я собираюсь перед ним рассыпаться в благодарностях. Вообще ненавижу, когда благодарят.

— Ну, пойду,— сказал Леонид Сергеевич. И ушел.

* * *

Прошло несколько дней. На сборе отряда меня еще не разбирали. Но ребята из второго «А» попрежнему прибегали ко мне каждый день. Я не ходил к ним, а они бегали ко мне чаще, чем раньше.

Каждую перемену несколько человек. И все разные. Точно они дежурство установили за моей персоной.

Только теперь в нашем классе никто надо мной не смеялся. Я даже думаю, что некоторые из наших завидовали, что малыши ко мне так привязались.

А тут после уроков ко мне ворвались Толя Костиков и Гена Симагин и сказали, что Нину увезли в больницу.

У меня прямо похолодело все внутри.

— У нее заболел живот, и ее увезли,— сказал Костиков.— «Скорая» приезжала.

Я побежал в учительскую к Александре Ивановне. Я бежал так быстро, что Костиков и Симагин отстали от меня. Когда я вышел из учительской, весь второй «А» стоял около дверей.

— У нее аппендицит. Будут делать операцию,— сказала Александра Ивановна.

Мы пошли всем классом в больницу. Всем ребятам хотелось узнать, что с Ниной. Но ничего не узнали, операция еще не закончилась.

— Часа через два я снова пойду в больницу,— сказал я ребятам.— Кто хочет, может пойти со мной.

Дома я позвонил Нининой бабушке и соврал ей, что Нина задержалась в школе. Не мог же я сказать, что Нине вот сейчас делают операцию!

Когда через два часа я вышел на улицу, то у подъезда меня ждал весь класс. Даже Зина пришла.

— У матерей отпросились? — спросил я.

Они закивали головами.

— Мне мама сказала,— ответил Гена Симагин,— чтобы я не приходил домой до тех пор, пока все благополучно не кончится.

— А моя мама сказала, что сейчас аппендицит — неопасная операция,— сказал Леша.

— Неопасная! — возмутился Толя Костиков.— Живот разрезают — думаешь, не больно?

Все сразу замолчали.

Ребята остались во дворе больницы, а я пошел в приемный покой.

В приемном покое было тихо и пахло больницей.

Оказывается, мы пришли не в приемные часы, и узнать что-нибудь было не так просто. Какая-то женщина пообещала узнать, ушла и пропала. Так она и не пришла.

Потом появился какой-то мужчина. Видно, хирург.

— Что вы здесь делаете, молодой человек? — спросил он меня.

Ребята остались во дворе больницы.

— Здесь девочке одной делали операцию. Пришел узнать.

— А вы ее брат?

— Вожатый я.

— А, значит, служебная необходимость. Понятно.

«Чудак какой-то в белом колпаке,— подумал я.— Служебная необходимость!»

— Нет, я так просто,— сказал я.— Да я не один. Я показал ему на окно. Там, во дворе на скамейке, сидели мои малыши. Они сжались в комочки и болтали ногами. Издали они были похожи на замерзших воробьев, усевшихся на проволоке.

— Весь класс, что ли? — удивился хирург.

Я кивнул головой.

— Как зовут твою девочку?

— Нина Морозова. Маленькая такая, с косичками.

— Подожди,— сказал хирург.

Он снова надел халат и белый колпак и пошел наверх.

А я разволновался до ужаса. Я, когда волнуюсь, все время зеваю и не могу сидеть на одном месте: хожу и хожу.

Ругал себя на чем свет стоит за то, что не запретил Нине ездить на пузе по перилам лестницы. Ведь все из-за этого и получилось. Она съехала на пузе и не смогла разогнуться. Ее прямо в больницу.

Я знал, что Нина любила так ездить, и не ругал ее. Мне ее за это было ругать просто глупо. Я сам так катаюсь. А у меня железное правило — никогда не ругать малышей за то, что я сам не прочь сделать. Сначала сам избавься от дурной привычки, а потом других грызи.

А теперь я себя во всем винил. Хирурга все не было. На улице потемнело.

Наконец он появился:

— Можете спокойно отправляться спать. Ваша подружка хорошо перенесла операцию. Завтра приходите и приносите ей апельсины.

Ух, до чего я обрадовался! От радости чуть не расплакался. До чего мне дорога была эта маленькая девочка!

Доктор посмотрел на меня и сказал:

— Что-то у меня сегодня хорошее настроение. От души рад с вами познакомиться.

«Чудак какой-то в белом колпаке»,— подумал я. Но времени не было с ним разговаривать.

Я выскочил во двор, чтобы обрадовать малышей. Они повскакали со своих мест. И я им все рассказал.

— Она во время операции даже ни разу не крикнула,— сказал я.

Хирург мне этого не говорил, но я-то знал, что это было так.

— Вот это да! — сказал Гена.— Сила!

Остальные ничего не сказали. Не знаю, о чем они там думали про себя, но только мне понравилось, что мои малыши такие сдержанные.

Было уже поздно. На улице даже горело мало фонарей. Шел мелкий дождь. Такая зима стояла! И нам казалось, что мы идем одни в этой темноте. Асфальт был черный, и небо черное. Но, когда проехала машина, я увидел, что мы были не одни. Просто асфальт своей чернотой прятал людей.

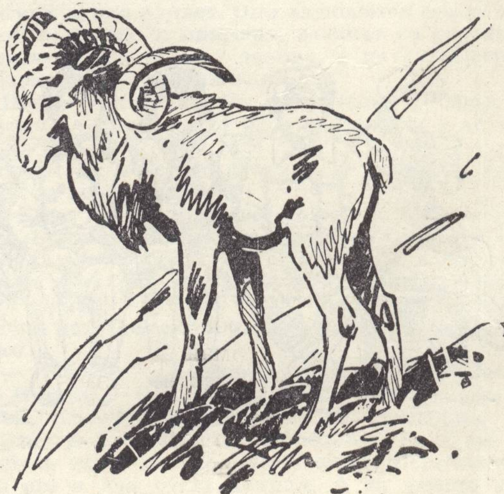
И во многих окнах горел свет: может, там сидели бабушки и дедушки, папы и мамы моих малышей. Они ждали и волновались за Нину.

Нет, мы были не одни.

ХОЗЯИН ТРОПЫ

Владимир ЦЫБИН

Архар ходил на водопой
незабураненной тропой,
незрячий и глухой спросонья,
и теплой наспанной губой
он волны трогал на затоне.
И осторожно лез в ручей...
Но с детства помнит круторогий
и пни и лунки от дождей.
Он был хозяином дороги.
Через некрепкий, тонкий ил
к протоке,
скрытой тальниками,
он тропку верно проложил
чутьем, копытом и рогами.
От прошлых зим поджар и сед,
он видел около тропинки
крестящийся зайчиный след,
забытый возле хворостинки.
И различает он едва
левей тропы своей,
за пнями,
что вновь поклевана трава
тетеревиными следами.
Теперь у камня под ольхой
лежит,
задавленный рогами,
и тихо слушает с тоской,
как на тропе его глухой
тальник кончают топорами...



Накануне забастовки горняки собрались на митинг. Коммунист Элио Фиорани призвал всех рабочих к борьбе.

БОРЬБА ЗА ПРАВО НА ТРУД

Н. Агаянц

Короткое свидание с семьей, и шахтер снова спустится под землю к товарищам.

Вильрю... Попробуйте отыскать этот французский городок на географической карте! Вряд ли вам это удастся: очень уж он невелик.

Городок раскинулся в лощине. Вокруг него невысокие горы, недра которых содержат железную руду. День и ночь дымят трубы двух металлургических заводов, выплавляющих из этой руды чугун и сталь. Копоть толстым слоем покрывает черепичные крыши домишек, где живут рабочие, чахлые, низенькие деревца на улицах.

Пятнадцать тысяч жителей в Вильрю. Большинство взрослых работает на заводах, добывает руду в шахтах.

Трудна и опасна работа горняков. Хозяин думает только о том, чтобы побольше прибылей загрести в свой карман, и не хочет тратить деньги на замену старого, изношенного оборудования. Поэтому так часты на шахтах несчастные случаи. Много горя видел городок Вильрю. Лишь за последние восемь лет во время обвалов погибло триста сорок пять рабочих. А сколько людей получили тяжелые увечья! У девятилетнего Раймона Бове отец лишился ноги, у маленькой Жанетты Ренке брату отбило глыбой три пальца на правой руке. Среди горняков Вильрю почти нет таких, кто не пострадал бы на шахте.

Но даже и эта опасная и трудная работа дорога шахтерам. Ведь работа — это хлеб для детей, работа — это возможность научить их читать и писать. Каждый раз, когда горняк отправляется в шахту, он крепко целует дочь или сына. Ради них он идет под землю. И долго не гаснет свет в домиках Вильрю: близкие ждут возвращения шахтеров...

Несколько месяцев назад капиталисты Франции решили закрыть свои шахты и рудники под предлогом, что они якобы «истощены» и «бесполезны». На самом деле это не так. Правительство генерала де Голля заискивает перед западногерманскими монополиями, производящими сталь и уголь, и предоставляет им свою страну для выгодного сбыта продукции.

Генерал де Голль, конечно, не собирается обидеть «своих» капиталистов. Владельцы закрытых шахт получат от правительства огромные деньги. Пострадают только трудящиеся. И те, которым придется платить эти деньги в виде новых налогов, и еще больше те, которых выгонят с работы...

Тревожная новость пришла и в городок Вильрю. Хозяин шахты «Обрив» объявил о своем намерении уволить часть рабочих.

— Подыщите себе другое место! Шахта приносит одни убытки, — сказал он. — 1-го ноября двадцать восемь человек получат расчет.

Горняки собрались на митинг. Коммунист Элио Фиорани, высокий, словно вылитый из бронзы шахтер, который работал в «Обрив» с 1943 года, сказал:

— Ребята! Мы не можем допустить, чтобы выгнали наших товарищей! Вы же знаете: сначала двадцать восемь человек, потом — всех! А что будет с нашими детьми? С нашими сестрами, женами и стариками?

— Бороться! Бастовать! — единодушно заявили шахтеры.

Рано утром, когда мелкий осенний дождь стучал в сонные стекла домов, а холодный ветер гнал по улицам городка порыжевшую листву,

В вагонетках не руда, а продовольствие. Рабочие других предприятий помогали забастовщикам.

Чтобы скоротать время, развлекались играми.

Вот так они и спали — на сыром, холодном камне, подстелив одеяла и даже не снимая шахтерских касок.

семьдесят пять горняков шахты «Обрив» спустились вниз, под землю.

Они решили оставаться там до тех пор, пока хозяин не отменит свой приказ об увольнении шахтеров.

На четыре километра протянулась в глубине горы штольня. Горняки знали здесь каждый поворот, каждое крепление, каждую царапину на боку вагонетки. Сюда они приходили изо дня в день в течение многих лет... Нет! Нельзя позволить, чтобы их выбросили на улицу. Они будут бороться до победы, несмотря ни на что.

Шахтеры были под землей, а наверху тоже шла борьба. В назначенный день, несмотря на проливной дождь, десять тысяч человек заполнили улицы городка Вильрю. Это была демонстрация солидарности. Жены и дети забастовщиков, делегаты других предприятий требовали: «Никаких увольнений!»

Медленно идет время под землей. Тусклый свет лампочек освещает черные, мокрые стены шахты, суровые лица горняков. Сырой, холодный воздух вызывает тяжелый кашель. Но никто не думает о том, чтобы бросить товарищей, подняться наверх. Все понимают: их сила — в единстве.

Горняки устроили под землей «столовую» — сколотили несколько грубых деревянных столов, скамей — и «кухню», где готовили себе пищу из продуктов, которые присылали жены и матери. Спали прямо на земле. У входа в шахту дежурили пикетчики, не пропускавшие посторонних...

Двадцать дней продолжалась эта героическая забастовка. Двадцать дней шахтеры повторяли свое требование — «Никаких увольнений!». А наверху тем временем тоже шла борьба. Жены и дети горняков, металлисты Вильрю и рабочие из соседних городов делали все возможное, чтобы помочь бастующим.

Во время демонстрации, которая состоялась на центральной площади Вильрю, женщины устроили сбор средств в пользу шахтеров, а дети вывесили написанные ими транспаранты: «Никаких увольнений!», «Молодцы шахтеры!», «Держитесь, отцы и братья!»...

На двадцатый день забастовки хозяин не выдержал, он пообещал, что все горняки смогут продолжать работать. Единство рабочих, их стойкость победили!

Вот какие события разыгрались недавно в маленьком городке Вильрю на севере Франции. О них мне рассказал руководитель бастовавших шахтеров Элио Фиорани, делегат V Всемирного конгресса профсоюзов, который проходил в конце прошлого года в Москве.

Фиорани показал мне небольшой коричневый альбом.

— Здесь, — сказал он, — наши парни собрали все, что касается забастовки. Вот снимки, сделанные в шахте. А вот те, что товарищи снимали во время демонстрации...

Некоторые фотографии из этого замечательного альбома напечатаны здесь, в вашем журнале, ребята. Посмотрите на них внимательно. Они познакомят вас с героями, которые живут в маленьком французском городке, где день и ночь дымят трубы металлургических заводов и долго не гаснет свет в окнах шахтерских домиков...

Таких героев много во Франции. Вслед за шахтерами Вильрю объявили «подземную» забастовку углекопы Деказвиля. Они вынесли еще более трудные испытания. Бастующих поддержали десятки тысяч рабочих. Борьба горняков продолжается...

Гюнтер и Иоганна БРАУН

Чуко и колдун

Рисунки Ф. Лемкуля.

Густые желтые клубы дыма вырываются из высоких труб. Ветер относит их в сторону и гонит над огромными серыми холмами пустой породы, на которые взбираются вагонетки. Они вываливают новые порции камней, громыхают вниз и снова, нагруженные, возвращаются обратно.

Между терриконами, словно стволы огромных высохших деревьев, высятся копры шахт. За ними — плавильные печи с дымящими трубами.

Это Витвотерсранд, кольцо золотых копей, опоясывающее Иоганнесбург — крупнейший промышленный центр Южно-Африканского Союза. Асфальтированное шоссе длиной в шестьдесят пять миль проходит мимо множества шахт и открытых разработок. Это самая дорогая дорога в мире: она построена буквально на золоте.

За завесой дыма и пыли стоят белые холодные громады новых небоскребов. На узких улицах оживленное движение. Телеграф разносит по всему свету цифры, вызывающие лихорадку на биржах Лондона и Нью-Йорка: много ли еще золота в копях Витвотерсранда или же они начинают истощаться? Стоит ли покупать акции компаний Иоганнесбурга?

Да, стоит. Иоганнесбург растет. Вокруг города с его небоскребами и красивыми виллами европейцев ширится кольцо пригородов — поселков, состоящих из жалких палаток и бараков.

Один такой поселок носит название Морока.

Полуденное солнце безжалостно жжет хижины Мороки, убогие постройки из проржавевших жестяных рекламных щитов, пустых бидонов, старых мешков и хвороста. У некоторых хижин ярко-красные крыши из волнистого железа. На кучах мусора играют голые черные ребятишки. Возле водоразборной колонки толпятся женщины и дети с ведрами и большими пустыми консервными банками. Они шумят и спорят. Скоро из копей вернутся мужчины и потребуют ужин, а эта вода... Как медленно она течет!

Вдруг женщины умолкли и стали подталкивать друг друга локтями. Их блестящие от пота черные лица помрачнели. С противоположного конца поселка шли, раскачиваясь, два парня. На них пестрые рубашки навыпуск и длинные узкие брюки. Короткие курчавые волосы ярко блестят, обильно смазанные дешевой помадой. Проходя мимо колонки, они замедлили шаги и нагло оглядели притихших женщин.

Женщины наклонились над ведрами и отважились снова заговорить лишь тогда, когда парни скрылись за хижинами.

А молодчики направились в «Эврисинг базар» — большую универсальную лавку индийца Назира Хусаина, расположенную в центре поселка. Резко откинув в сторону пеструю ситцевую занавеску, заменявшую дверь, они вошли в низкое помещение.

У прилавка стоял маленький мальчик. Остальные покупатели, не обращая на него внимания, щупали наваленные на прилавок ткани, постукивали по горшкам, нюхали табак.

Парни оттолкнули мальчика в сторону, и тот, что был повыше, потребовал:

— Бутылку!

Глаза лавочника недоверчиво уставились на них из-под тюрбана.

— Сначала деньги,— проворчал он.

— Не бойся, старик, заплатим,— зло ответил высокий.— Заплатим так, что будешь доволен.

Второй переглянулся с ним, сдернул две монетки со шнурка и швырнул их на прилавок.

Назир Хусаин опустил руку под конторку.

— Виски?

— Давай! — сказал высокий, вырвал бутылку из рук индийца и посмотрел ее содержимое на свет. Затем перочинным ножом ловко вытащил пробку.

Торговец вынул из коробки два картонных стаканчика и протянул их парням. Но те даже не взглянули на них и отошли с бутылкой в угол лавки.

Мальчика совсем оттеснили от прилавка. Он уселся на большую банку из-под сала и стал ждать. В левой руке он сжимал монетку.

Оба парня встали неподалеку от него, скрытые высокой деревянной стойкой, на которой Хусаин развесил поношенную одежду. Они пили, курили и изредка обменивались короткими фразами. Мальчик услышал, как один из них сказал:

— Когда со старичком кончим, махнем в Александру.

Другой ответил:

— Это место я знаю. Там можно будет поработать.

— Когда же мы его пристукнем? — спросил первый.

— Скоро.— Голос второго прозвучал совсем тихо.

Затем оба замолчали.

Мальчик соскользнул с банки. Он протиснулся между покупателями к самому прилавку.

— Тебе конфет? — наклонился к нему продавец.

Мальчик отрицательно покачал головой. Он разжал кулак и показал Хусаину деньги.

— Мне тетрадь.

— Тетрадь?

— Да, в линейку.

Торговец посмотрел на монетку и вернул ее назад.

— Мало, Чуко. Тетрадь стоит вдвое дороже.

Но мальчик не уходил. Ведь он так долго прождал!

О другой конец прилавка, немного в стороне от остальных покупателей, облокотился молодой человек. На нем была рубашка цвета хаки с накладными карманами. Широкий пояс охватывал талию. Кожа у этого человека была светлее, чем у других жителей Мороки, мягкие черные волосы не курчавились, а лежали длинными волнистыми прядями. Он пил из картонного стаканчика кока-кола.

Молодой человек попросил у Хусаина пачку сигарет. На его руке блеснули модные часы.

— Что хочет мальчик? — спросил он хозяина.— Почему он не уходит?

— У него не хватает денег, мистер Самуэль,— ответил Хусаин.

Самуэль улыбнулся. Он запустил пальцы в густые волосы мальчика.

— Хочешь купить жевательную резинку?

Чуко отодвинулся назад и ничего не ответил.

— Он хочет тетрадь, мистер Самуэль,— пояснил торговец.

Самуэль засмеялся.

— Рисовать человечков, да? — Он полез в карман брюк.— Дай ему, Назир. Я заплачу.

Мальчик схватил тетрадь.

— Поблагодари господина, Чуко!

Чуко молча кивнул и побежал к выходу.

Мальчик сел на землю позади хилой акации, росшей рядом с лавкой. Тетрадь он спрятал за пояс штанов из дешевой красной хлопчатобумажной ткани.

Чуко задумался. Нет, он не скажет матери, что за тетрадь заплатил Самуэль. Никто не должен знать об этом. Самуэля все презирают. Взрослые называют его шпиком. Они обходят его, когда встречаются с ним на улице. Некоторые даже говорят, что он друг белого полицейского начальника в Иоганнесбурге. Ему, мол, поручено следить, чтобы черные не варили самодельного пива — сладкого хмельного напитка из ячменного сусла.

Чуко не любил Самуэля. Но Самуэль поступил благородно, заплатив за тетрадь. Пусть взрослые называют его негодяем. Чуко знал, что есть куда большие негодяи. Например, те парни, которые сейчас распивают виски в лавке Хусаина и хотят убить старого индийца.

Снова звякнули медные кольца занавески, подвешенной у входа в лавку. На улицу вышел Самуэль. Чуко тихонько поднялся и побежал за ним.

— Мистер Самуэль!

Самуэль обернулся:

— В чем дело?

— Я хочу кое-что сказать вам. Но не здесь. Это тайна.

— Глупости. Что тебе нужно?

— Пойдемте,— настойчиво прошептал Чуко.

Молодой человек нехотя последовал за ним. Детские тайны! Наверно, этот сорванец нашел змеиное гнездо. Или осколок стекла, который принял за бриллиант.

Они дошли до высокого проволочного забора, отделявшего Мороку от остального мира. И только тогда Чуко тихо спросил у Самуэля:

— Правда, что белый полицейский начальник твой друг?

— Чушь! Кто тебе это сказал?

Мальчик хитро улыбнулся:

— Об этом рассказывает ветер.

— Ну и что?

— Скажи своему белому другу: в лавке у Хусаина двое.

Он быстро взмахнул худой рукой, как будто ударил кого-то ножом. Самуэль понял.

— Из шайки Тзоти? — спросил он.— Откуда ты знаешь?

— Я вижу их в поселке уже два дня подряд. Они приходят, когда мужчины на работе. Я сейчас услышал, что они задумали.

И он рассказал о разговоре, который невольно подслушал в лавке.

Самуэль схватил Чуко за плечо.

— А ты не врешь?

— Нет. Клянусь!

— Ну, хорошо.— Самуэль взглянул на часы.— Я поеду на автобусе. Если их поймают, я тебе кое-что подарю. Хочешь ножик? Или тенниску?

Мальчик отрицательно замотал головой, потом круто повернулся и убежал.

Самуэль медленно по-

Молодчики направились в «Эврисинг базар».

шел следом. До отправления автобуса в Иоганнесбург было еще много времени. Он успеет умыться и переодеться.

Самуэль отшвырнул ногой моток заржавевшей проволоки. Под сандалиями зашуршала старая газета. «Проклятая жизнь! — думал он. Его взгляд скользнул по женщинам у водоразборной колонки.— На шестьсот человек одна колонка. Электричества нет. Свинская жизнь.

Поймать бы этих двух парней, тогда удалось бы напасть на след всей шайки. Нужно посадить в лавке Хусаина засаду, скрытно, конечно. Предложу-ка это мистеру Муизенхоеку».

До сих пор полиции никак не удавалось справиться с бандой Амалаиты и Тзоти. По мнению Самуэля, это потому, что у полиции не было точных данных. Бандиты не только воровали в толчее улиц Иоганнесбурга бумажники и чемоданы, они нападали на людей, которые отваживались появляться ночью на глухих окраинах, убивали их, а изуродованные трупы прятали где-нибудь. Никто не был застрахован от нападения шайки Тзоти.

●

Инспектор полиции Ян Муизенхоек сидел в своем кабинете и листал толстое дело, когда вошел секретарь и доложил, что с ним хочет говорить какой-то человек.

Муизенхоек недовольно поморщился и захлопнул папку.

— Так поздно?

— Это человек из Мороки — сказал секретарь.

— Из Мороки? — Инспектор кивнул.— Пусть войдет.

Он взял со стола ярко раскрашенную жестяную коробку с надписью «Виллем ван Оранье» и достал тонкую длинную сигару. Секретарь щелкнул зажигалкой, дал прикурить начальнику и удалился.

В дверь постучали. Вошел Самуэль. Он остановился на пороге и склонил голову. Его плечи опустились, а ноги в больших светлых сандалиях стояли на блестящем паркете, словно чужие.

Инспектор подозвал Самуэля. Тот приблизился и, не доходя трех шагов до письменного стола, за которым восседал мистер Муизенхоек, почтительно замер.

— В чем дело? — спросил инспектор. Он протянул руку и взял с пола бутылку с содовой водой.— Ведь я говорил тебе, чтобы ты приходил днем!

Он откупорил бутылку и приложил горлышко к губам. Через зеленоватое стекло Самуэль увидел, как пенятся пузырьки. От долгой езды в переполненном автобусе и от жары на улицах Иоганнесбурга у него пересохло в горле и мучительно хотелось пить.

— Дело очень срочное, мистер Муизенхоек,— сказал он и стал докладывать, что узнал о намерениях бандитов из шайки Тзоти.— Парни Тзоти очень опасны, мистер Муизенхоек. Лишь две недели назад — вы, конечно, помните — я докладывал об убийстве в Мороке. Вы сказали тогда другому мистеру: «Шайка Тзоти — позорное пятно на всем Южно-Африканском Союзе».— Ну как, начальник, объявите тревогу?

Инспектор грубо бросил:

— Ты что, приказываешь мне?

Самуэль вздрогнул. «Мистер Муизенхоек должен обращаться ко мне на «вы»,— подумал он.— Я ведь не какой-нибудь глупый негр. Мой отец был белым матросом, только у матери темная кожа. Я могу читать и писать, говорю по-английски, по-французски. Я считаю быстро, как арифмометр. Я знаю, как опасна шайка Тзоти. Нет, мистер Муизенхоек не прав, он обязан говорить со мной на «вы».

Инспектор постучал указательным пальцем по столу.

— Я недоволен тобой, Самуэль. Ты не видишь главного. Ты ведь не сторож в лавке какого-то Хусаина. Ты должен добывать для нас важные сведения. Именно за это тебе платят.

— На прошлой неделе я доложил о трех подпольных пивоварнях. А шайка Тзоти? Разве это не важно?

Инспектор сделал вид, что не расслышал.

— В среде туземцев происходят нежелательные вещи. Но ты ни о чем не знаешь.

«Неужели он хочет меня прогнать? — Самуэль испугался.— Неужели он не даст мне денег?»

— Я докладываю обо всем, что узнаю,— заверил он.

— Ты знаешь очень мало, сын мой,— холодно улыбнувшись, насмешливо возразил инспектор. Он наклонился и резко спросил:

— Где в Мороке подпольная школа?

Самуэль удивленно поднял голову и пожал плечами. Подпольными школами он никогда не интересовался. Этого ему не поручали.

— У нас имеются сведения,— сказал инспектор,— что в Мороке есть подпольная школа. Ты знаешь, где она?

Самуэль не ответил. Он думал о бандитах Тзоти, о Хусаине, о Чуко, которому обещал подарок. Мистер Муизенхоек внимательно ощупывал его своими маленькими глазками. «Он, видимо, не понимает, как опасны для нас подпольные школы,— подумал он.— Нужно ему объяснить».

— Слушай, Самуэль,— начал инспектор.— Пока в стране мало школ, учиться могут немногие туземцы. И они должны с этим мириться. Обучение цветных разрешено только в государственных и миссионерских школах. О всех случаях нарушения этого порядка следует немедленно доносить. Понятно?

— Понятно, начальник.

Муизенхоек махнул рукой. Этот жест означал, что Самуэль свободен и может уйти. Но тот не уходил.

— А как же с шайкой Тзоти, начальник?

— Не твое дело,— отрезал инспектор.— Обрати внимание на школу. На следующей неделе жду от тебя донесения.

Он смотрел вслед Самуэлю, пока тот медленно плелся к двери.

«Никак не вдолбишь в его дурацкую башку! — мистер Муизенхоек разозлился.— Тзоти кажется ему опаснее подпольной школы. Дурак! Бандитов, конечно, надо обезвредить, но запрещенная школа — этого болван не знает — по крайней мере так же опасна для Южно-Африканского Союза, как и банда убийц».

Ян Муизенхоек отложил в сторону свою сигару и переоделся, чтобы ехать домой. «Каждый негр станет образованным человеком, каждый подпольный пивовар — философом! — мелькнуло у него в голове.— Этого еще не хватало! В конце концов это может привести к открытому бунту, к перевороту. Цветные начнут требовать равных прав с белыми. Они захотят сидеть рядом с белыми в кино и театрах, автобусах, трамваях, поездах. Они захотят работать техниками и инженерами на предприятиях, служить в учреждениях. Может статься, в один прекрасный день вот такой черный выродок попытается занять и мое место».

Инспектор запер стол и вышел из кабинета. Он усмехнулся: «Глупые фантазии! На то мы и сидим здесь, чтобы до этого никогда не дошло».

Подпольная школа разместилась в нескольких милях к северу от Мороки в заброшенном старом бараке, скрытом эвкалиптами и высохшими акациями. На расстоянии трех шагов от барака были слышны чей-то приятный низкий голос и звонкие голоса детей.

Где-то поблизости хрипло закудахтала куропатка. Раз, другой. В бараке все затихло. Затем пролаяла дикая собака, и в бараке снова послышались голоса.

Шагах в пятидесяти от барака, рассыпавшись цепочкой по кругу, прятались за кустами десять негритянских мальчиков. Один даже забрался на макушку акации. Это были наблюдательные посты.

Чуко лежал на животе. В нескольких шагах от него на корточках примостился его друг Мзамба.

— Ты что-нибудь видишь? — тихо спросил Мзамба.

Шагах в пятидесяти от барака находились наблюдательные посты.

— Нет,— шепотом ответил Чуко. Он приподнялся на руках и прищурился, всматриваясь в даль. Ни души.

— Чуко, вон там женщина! — прошипел вдруг Мзамба.

Чуко повернул голову:

— Где?

В их сторону ковыляла какая-то толстая пожилая женщина. Она опиралась на палку. За спиной у нее болтался узел.

— Давать сигнал? — спросил Мзамба.

Чуко кивнул.

— Из-за старухи?

— Конечно, мистер Абрахам сказал, что никто не должен знать, где находится школа. А старухи болтливы.

Чуко привстал и издал звук, похожий на кудахтанье куропатки. Он прислушался. С противоположной стороны ответили таким же кудахтаньем. Ребята поняли его предупреждение.

Чуко и Мзамба лежали тихо. Они прижали головы к земле и слушали.

Когда с другой стороны донесся лай собаки, Чуко пролаял в ответ.

Мзамба подполз к другу. Ему, как и Чуко, было десять лет. Оба они маленькие и худые, с желтовато-коричневой кожей.

— Чуко,— зашептал Мзамба,— моя бабушка сказала, что нас всех накажут. Из-за школы.

— Полиция? — спросил Чуко.— Самуэль ничего не знает. Он заплатил сегодня за мою тетрадь. Он даже не спросил меня, для чего она мне.

Чуко помолчал.

— Может быть,— медленно начал он снова,— может быть, он заплатил, чтобы я рассказал ему о школе? Как ты думаешь, Мзамба?

Мзамба покачал головой.

— Не думаю. Моя бабушка говорит, что нас покарает Мукуру. Он пошлет ночью в наш дом кобру, и она нас убьет. Так говорит моя бабушка.

Чуко хотел ответить, но тут на тропинке показался какой-то темнокожий человек в светло-желтой рубашке. Самуэль? Чуко дважды прокудахтал и стал наблюдать за человеком.

Нет, это какой-то незнакомец. Он прошел почти рядом с постами, остановился, чтобы завязать распустившийся шнурок ботинка, и двинулся дальше.

Скоро издали раздался лай дикой собаки. Чуко тоже пролаял в ответ. Потом тихо спросил Мзамбу:

— Почему Мукуру хочет наслать на нас змею?
— Учитель — враг Мукуру. Так сказала бабушка.
— А откуда бабушка знает?
— Ей сказал колдун Камохомбо. Ты его знаешь?
Чуко кивнул.
— Он заговорил моему отцу больной зуб. Когда я встречаюсь с Камохомбо, я прячусь.
Негромкий свист прервал разговор мальчиков. Они вскочили и передали пост другим ребятам, которые пришли их сменить.

Когда Чуко и Мзамба вошли в барак, где помещалась школа, учитель стирал со стены написанные мелом буквы. Мальчики сели на пол поближе к учителю и вытащили тетради и огрызки карандашей.
— Давайте познакомимся с буквой «S»,— сказал учитель.— Сейчас я вам ее напишу.
Это был высокий стройный человек. Он с трудом мог выпрямиться в низком бараке. Носил он светлый полотняный костюм, залатанный во многих местах. На ногах старые, стоптанные туфли.
Учитель снова взял мел и медленно вывел на стене большую букву «S».
— Эту букву легко запомнить. Она похожа на змею. Не правда ли, Мзамба?
Мзамба уставился на стену.
— Как кобра,— пробормотал он.
Учитель протянул ему мел.
— А теперь напиши сам.
Мальчик встал. Он дотронулся мелом до стены и, услышав скрип, вздрогнул. Мел выпал у него из пальцев и разбился.
— Что с тобой? — сросил учитель.
— Я... не могу.— Мзамба дрожал.
— Ничего, научишься.
— Нет, нет, мистер Абрахам. Я не хочу учить эту букву!
Мзамба собрал кусочки мела, протянул их учителю и сел на свое место.
Мистер Абрахам удивился.
— Я полагаю, что ты пришел сюда, чтобы учиться. Не так ли? — спросил он ласково.
Рядом с Мзамбой поднялась маленькая темная рука.
— Говори, Чуко.
— Мзамба боится. Мукуру хочет послать к ним в дом змею. Так сказал Камохомбо.
— Колдун? — Мистер Абрахам засмеялся.— Я же учил вас, что никакого Мукуру не существует. А если б он и был, то зачем ему насылать на вас змей?
Чуко смущенно уставился в землю.
— Камохомбо говорит, что учитель — враг Мукуру.
Мистер Абрахам хотел было снова рассмеяться, но вдруг углы его рта горько опустились. Он очень серьезно обратился к детям:
— Камохомбо лжет. Он не хочет, чтобы вы стали умными. Он хочет, чтобы вы остались глупыми и темными, чтобы он мог пугать вас змеями и лесными духами. Не слушайте Камохомбо. Он злой человек.
Дети молчали. Вдруг поднялся Чуко.
— Мистер Абрахам, разрешите мне написать букву «S».
Он подошел к стене. «Мистер Абрахам опечален,— подумал мальчик.— Я нарисую красивую змею, чтобы он снова стал веселым. Да, плохо иметь такого врага, как Камохомбо».

Когда Самуэль вернулся из Иоганнесбурга, уже стемнело. В лавке Назира Хусаина горел свет. Старый индиец вытирал прилавок.
— Рюмку виски,— сказал Самуэль. «Надо его предупредить»,— подумал он, глядя, как индиец наливает стаканчик.
— Хусаин,— начал Самуэль и запнулся. «Все равно я не могу ему помочь. Тзоти не так важен, сказал мистер Муизенхоек. Значит, меня это не касается».
Самуэль выпил виски.
— Еще раз, Хусаин,— быстро сказал он, а сам подумал: «Все же нужно его предупредить. Он честный человек и часто дает в долг».
— Хусаин,—снова начал Самуэль, но сказал совсем не то, что хотел.— Хусаин, не знаешь ли ты, где находится подпольная школа?
Назир Хусаин поднял свой кривой нос и сдвинул назад сползший на лоб тюрбан.
— Подпольная школа? — переспросил он.
— Да. Где она?
— Я ничего не знаю, мистер Самуэль. Мне никто ничего не говорил. Я продаю тетради. А где пишут в них, меня не касается.
— Гм,— промычал Самуэль и прикусил свой палец. Он задумался: «Хусаин продает тетради. Чуко, например, а Чуко...» Он хихикнул. Подпольную школу найти будет нетрудно. Самуэль допил виски и направился к выходу. На пороге он обернулся.
— Будь осторожен, Хусаин,— тихо сказал Самуэль.— Кругом бродят парни в узких брюках.
Индиец безразлично ответил:
— Мне все равно, когда умирать. Сегодня, завтра или, может быть, через много лет. Не беспокойтесь обо мне, мистер Самуэль.
Этой ночью Самуэль спал неспокойно. Он часто просыпался и прислушивался. Но все было тихо. «Они не пришли,— с надеждой подумал он.— Они раздумали». Он был рад, что инспектор полиции не предпринял никаких мер против шайки Тзоти. А то

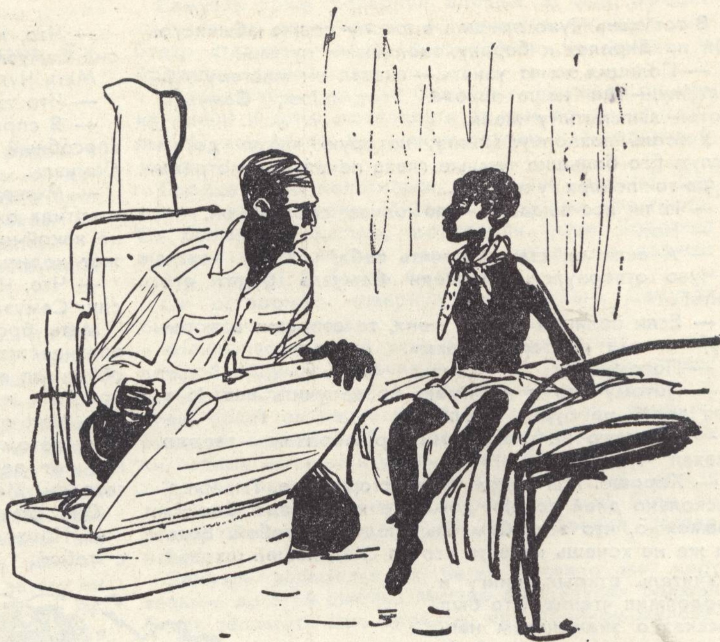
— Нет, нет, мистер Абрахам. Я не хочу учить эту букву!

полицейским пришлось бы зря ехать в Мороку, и он, Самуэль, получил бы нагоняй от мистера Муизенхоека. «Ты не видишь главного, Самуэль»,— сказал начальник. Теперь он научится видеть главное. Он постарается, чтобы мистер Муизенхоек был им доволен. Может быть, в один прекрасный день он получит повышение. Ведь его отец — белый человек. Может быть, через несколько лет он будет жить в белом домике под красной черепичной крышей. У него будет мотороллер, может быть, даже автомобиль. Неважно, что он будет маленьким, лишь бы можно было взять с собой на прогулку подругу — белую девушку, которая не станет спрашивать, почему у Самуэля темная кожа, и которой он будет дарить цветы, шоколад... Он снова заснул.

Самуэль проснулся, когда солнце высоко поднялось над бедными хижинами Мороки.

На улице гремели ведрами, слышались взволнованные голоса, крики женщин.

Самуэль вскочил и потянулся. Ему не хотелось терять времени. Подпольную школу он должен найти обязательно сегодня.



Самуэль стал рыться в своем чемодане.

Самуэль вышел на улицу и подставил голову под кран. Не успела вода стечь с его мокрой головы, как он увидел Чуко. Мальчик нес ведро. Он поставил его на землю и побежал к Самуэлю.

— Ты не говорил со своим другом в полиции? — еще издали закричал Чуко.

Самуэль засмеялся:

— А-а, ты хочешь получить обещанный подарок. Но тебе придется подождать.

Чуко перевел дух.

— Не нужно мне никакого подарка! Они убили мистера Хусаина!

— Врешь! — Самуэль стал быстро закручивать кран.— Врешь! Я не спал всю ночь. Я услышал бы.

— Никто ничего не слышал. Мой отец нашел его сегодня утром возле проволочного забора. Сейчас мистер Хусаин лежит в своей лавке. Пойдешь туда?

Самуэль не ответил. Он насухо вытер полотенцем лицо и смахнул капли воды с туфель. Чуко повернулся и пошел к своему ведру.

— Постой-ка! — закричал Самуэль.— Вылей свое ведро и пойдем со мной. Я хочу с тобой поговорить.

Чуко послушался. Они зашли в старую будку, где жил Самуэль. Метис был очень любезен. Он даже разрешил Чуко сесть на кровать.

— Сигарету? — предложил Самуэль, как взрослому, протягивая мальчику пеструю пачку.

— Огня?

Чуко кивнул. Самуэль щелкнул маленькой блестящей зажигалкой, дал прикурить Чуко, затем закурил сам.

— Итак, дорогой мой Чуко,— сказал он таким тоном, словно разговаривал с каким-нибудь взрослым другом,— я должен посоветоваться с тобой.

— Пожалуйста,— ответил мальчик.

Сигарета была ему противна, но он продолжал затягиваться. Пусть Самуэль не думает, что он слабый.

— Да, Чуко, есть дело,— сказал Самуэль.— Не знаю только, сможешь ли ты помочь мне... Впрочем: ты уже исписал свою тетрадь? Покажи-ка.

— Зачем?

Самуэль рассмеялся.

— Я кое-что понимаю в этом. Могу читать и писать. А считать в вашей школе тоже учат?

Чуко выплюнул попавшие в рот крошки табака и закашлялся.

— Я учился с большой охотой,— снова начал Самуэль.— Я бы и сейчас учился, если б у меня было время. А как, кстати, зовут вашего учителя? Может быть, я знаю его?

Чуко снова закашлялся.

— Твой табак никуда не годится,— прохрипел он.

Самуэль хлопнул его по плечу.

— Ты молодец, Чуко. А далеко тебе ходить в школу?

Чуко отшвырнул сигарету.

— Я не знаю никакой школы.

Самуэль разразился оглушительным хохотом.

— Ах ты, хитрец. Ну, говори, что ты хочешь за это?

Чуко неподвижно уставился перед собой. Самуэль подошел к своему чемодану и стал рыться в нем.

— Вот! — закричал он и бросил мальчику шейный платок в красную крапинку, уже порядком выгоревший и потрепанный.— Возьми! Дарю!

Чуко отшвырнул платок. Самуэль поднял его и повязал мальчику вокруг шеи.

— Ты выглядишь, как настоящий джентльмен, Чуко.— Он протянул осколок зеркала.— Ну, так где же ваша школа?

— Нет у нас никакой школы.

Самуэль тихо свистнул. Этот сорванец требует большей платы.

— Подумай-ка,— спокойно сказал он.— Если ты до завтра узнаешь, где ваша школа,— получишь рубашку. Почти новую. Ну, как?

— Мне не надо твоей рубашки,— гордо ответил Чуко и вышел.

Самуэль смотрел ему вслед. «Какие хитрые нынче дети,— думал он.— Придется дать ему нож. Новый, с пятью лезвиями. Дорогое удовольствие!»

В тот день Чуко пришел в школу позже обычного. Он пробирался к бараку окольными путями.

— Полиция хочет узнать,— сказал он мистеру Абрахаму,— где наша школа. Этот шпик, Самуэль, хотел выпытать у меня.

Учитель захлопнул книгу, которую читал детям вслух. Его большие темные глаза печально смотрели куда-то поверх учеников...

— И ты нас выдашь? — помолчав, спросил он.

— Нет.

— А если он станет мучить тебя?

Чуко отвернулся. Неужели Самуэль будет его бить?

— Если полиция найдет меня, то отправит в тюрьму,— сказал мистер Абрахам.

— Почему?

— Потому что я не имею права учить вас. И у вас долго не будет школы.

— Я ничего не скажу, мистер Абрахам,— твердо сказал Чуко.

— Хорошо. Мы будем еще осторожнее. Ты, Чуко, несколько дней посиди дома, не ходи сюда. Весьма возможно, что этот Самуэль следит за тобой. Ведь ты же не хочешь навести его на след нашей школы?

Учитель открыл книгу и продолжил чтение. Это был рассказ о знаменитом негритянском певце Поле Робсоне. Мистер Абрахам читал его уже не один раз.

Чуко думал: «Как долго не придется мне слушать мистера Абрахама? Что я буду делать без школы?»

Мальчик вернулся в тот вечер домой очень расстроенным.

На следующий день Самуэль с раннего утра был на ногах. Он составил план. «Подарками я не добьюсь ничего,— думал он.— Мальчишка ограбит меня, а я от него так ничего и не узнаю». Он решил, что будет весь день следить за Чуко и узнает путь в школу.

Первым делом Самуэль написал письмо мистеру Муизенхоеку и отправил его с шофером автобуса. Он написал: «Высокочтимый мистер Муизенхоек! Позапрошлой ночью неизвестными был убит индийский торговец Назир Хусаин. Я думаю, что это дело рук Тзоти. Нижайше преданный Вам Самуэль». Теперь инспектор может, если захочет, начать розыски бандитов.

Отправив письмо, Самуэль пошел к хижине Чуко. Семья малыша жила в старом автомобильном кузове, стоявшем на кирпичном фундаменте. Мать Чуко варила суп на очаге, отгоняя мух сложенной газетой.

— Что, мальчик уже в школе?— приветливо спросил Самуэль.

Мать Чуко продолжала размахивать газетой.

— Что ты там мелешь? Что тебе нужно?

— Я спрашиваю, ушел ли Чуко в школу. Он очень способный ребенок,— не глядя на женщину, ответил Самуэль.

— Можешь не расхваливать мне моего ребенка,— ответила она неприязненно.— Я и сама знаю, что он не какой-нибудь дурак. Жаль только, что он не может ходить в школу.

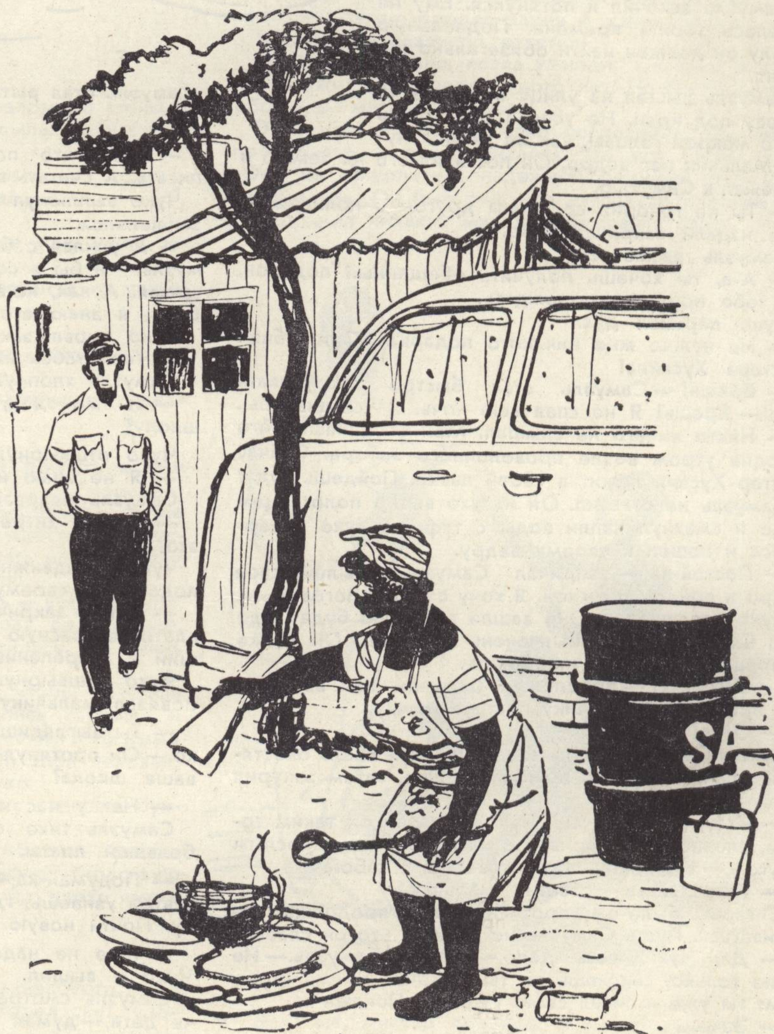
— Что, Чуко болен? — с озабоченной миной спросил Самуэль.

Мать бросила ложку в котел. Это была сильная, плотная женщина. Цветастый ситцевый фартук туго обтягивал ее тело. Голова была повязана выцветшим красным платком.

— Нет, он не болен. А в школу он не может ходить потому, что ее нет. Да если бы и была, то у нас нет денег, чтобы купить книжки, карандаши и тетради. Мой муж столько не зарабатывает.

Она отвернулась от Самуэля.

— Проходи, проходи. У меня нет времени болтать с тобой.



Мать Чуко варила суп на очаге.

Самуэль рассмеялся.

— Однако не очень-то ты любезна, Роза.

Поняв, что Розу расспрашивать бесполезно, Самуэль ушел.

Чуко наполнил водой бочку, стоявшую рядом с его домом. Мать собиралась стирать. Потом он помогал ей развешивать веревки наискось через площадку перед старым автомобильным кузовом от ржавой железной трубы до кривого эвкалипта.

— Ты сегодня не пойдешь? — тихо спросила мать.

— Нет,— ответил Чуко.— Сегодня нет.

Он глотнул слюну.

Потом вдруг сорвался с места и побежал. Что будет сегодня рассказывать мистер Абрахам? Может быть, что-нибудь о самолетах? Или о большом море, о белых кораблях, об огромных китах, из которых на фабриках в Капской провинции добывают жир? Может быть, он будет рассказывать о белых детях, которые живут и учатся далеко-далеко, в холодной стране... А может быть, мистер Абрахам будет рассказывать что-нибудь совсем новое. Все будут слушать, и лишь он не имеет права быть там.

«Что же я сделал плохого, что меня так наказывают? Я предупредил мистера Абрахама, и за это он запрещает мне посещать школу! А что, если он нарисует сегодня новую букву, а завтра еще одну, а послезавтра еще? Как же я смогу научиться писать, если все это пропущу?»

Чуко ощупал живот. Вот она, его тетрадка. А карандаш ему одолжит Мзамба.

Чуко бросился бежать. Может быть, мистер Абрахам уже начал?..

Самуэль выбросил пустую банку из-под мясных консервов за дверь. Ему захотелось глотнуть виски, но лавка Назира Хусаина была наглухо забита досками.

Самуэль запер свое жилище и отправился бродить по поселку. Настроение у него было скверное. Хорошенькое заданьице — найти эту проклятую школу!

Вдруг возле одной из крайних хижин он заметил мальчика в красных штанах. «Чуко? Ну, конечно же, он!» Самуэль стал наблюдать, как мальчик перебегает поле. Все время в одном направлении — на север. «Значит, это правда! Чертенок бежит в школу».

Самуэль подождал, пока Чуко удалился на порядочное расстояние, затем последовал за ним.

Мальчик бежал, не оглядываясь. «Мистер Абрахам рассердится,— думал он на бегу.— Он запретил мне приходить в школу, это слышали все дети. Они будут следить и, пожалуй, не пропустят меня. Им хорошо! Сидят и слушают рассказы мистера Абрахама, учат новые буквы! Ничего, я проберусь так, что никто не заметит, к самому бараку. Голос мистера Абрахама я смогу услышать и снаружи».

За одним из кустов Самуэль остановился. Теперь он был от Чуко всего в нескольких метрах. Он мог одним прыжком оказаться возле мальчика и схватить его. Но делать этого Самуэль не собирался. Нет, он незаметно проследит за мальчишкой до самой проклятой школы, вернется назад, сядет на автобус и поедет к мистеру Муизенхоеку. На своих машинах и мотоциклах полиция быстро доберется до школы, застанет там учителя и детей врасплох во время урока. Милый сюрприз!

Чуко бежал быстро. Не желая отставать от мальчика, Самуэль вынужден был выйти из спасительного кустарника. Он снял сандалии и спрятал их за пазуху. Босиком преследовать Чуко было легче.

Теперь Чуко повернул вправо и бежал наискось, на северо-восток.

Самуэль тоже повернул вправо. В этот момент мальчик его заметил. Он остановился, нагнулся, как будто стараясь что-то рассмотреть на земле, и бросился дальше.

«Проклятие,— подумал Самуэль.— Неужели он меня узнал? Я хотел проследить за ним до самой школы. Ну, все равно. Во всяком случае, направление я знаю».

Сердце Чуко колотилось. «Что мне делать? Самуэль найдет школу. Мистера Абрахама арестуют». Он бежал так быстро, что горели пятки. Короткая жесткая трава колола ноги. «Самуэль не должен найти школу! Я бегаю быстрее».

Он осторожно повернул голову. Тень Самуэля была совсем рядом:

«Наши часовые его увидят и дадут сигнал,— с надеждой подумал мальчик.— Мистер Абрахам успеет скрыться. Он спрячется в кустах, а потом уедет. А куда? Когда он вернется? И вернется ли вообще? Будет ли еще кто-нибудь рассказывать детям Мороки разные истории и учить писать буквы?»

Школа была уже совсем близко. «Нет, нельзя допустить, чтобы мистер Абрахам уехал! Если он уедет, то виной тому буду я!» Чуко бросил взгляд назад.

Самуэль задыхался от бега: «Далеко же, черт возьми, до этой школы! Мистер Муизенхоек должен будет заплатить мне двойное, нет, тройное жалованье».

Чуко остановился и стал осматриваться. Казалось, он что-то обдумывает. Неожиданно он резко свернул в сторону и побежал на север, мимо акаций, вдоль зарослей верблюжьей колючки...

Самуэль потерял мальчика из виду. Он увидел его снова лишь тогда, когда тот уже далеко повернул влево. Самуэль заковылял назад. Он был вне себя от ярости.

Чуко снова нырнул под изгородь, окружавшую Мороку.

По лбу и груди Самуэля градом катился пот. Бежать он больше не мог, так как куском стекла порезал себе ногу. Из раны текла кровь. Самуэль разорвал носовой платок и перевязал рану. Мистера Муизенхоека бы сюда! Он с трудом встал и захромал дальше.

Чуко исчез. «Я знаю по крайней мере направление,— пытался утешить себя Самуэль.— Направление... да, а какое? Сначала на север, потом на восток, затем на запад, нет, на север... мимо зарослей верблюжатника... Так или не так?»

Прошло пять дней. Самуэль забеспокоился. «Самое позднее завтра я должен доложить мистеру Муизенхоеку о школе! Что он обо мне подумает?»

Он проклинал себя за то, что начал эту историю с Чуко. Мальчишка водит его за нос да еще и посмеивается!

— Где школа?

— Не знаю.

— Спроси у своих друзей.

— Они мне не говорят.

— Почему?

— Они ничего не знают.

Так заканчивался каждый разговор с Чуко.

«Я заставлю его говорить»,— подумал Самуэль. Он вышел, чтобы поискать мальчика, и вскоре увидел его. Чуко весело плескался у водопроводной колонки.

— Пойдем, Чуко,— приветливо сказал Самуэль.— Я придумал, что тебе подарить. Можешь сейчас же получить.

— Не хочу.

— Ты меня обижаешь, Чуко.

— Ну, ладно, иду.

Они вошли в будку Самуэля. Чуко сел на кровать. Он видел, как шпик запер на ключ дверь и заставил окно куском жести. В будке стало темно.

Чуко испугался.

— Почему ты запер дверь на ключ?

— Так просто,— ответил Самуэль. Затем он сел рядом с Чуко. Мальчик услышал его громкое дыхание.

— Чуко, в последний раз: где школа?

— Я не знаю,— прошептал мальчик.

Самуэль встал, отошел в угол и покопался в каком-то ящике. Когда он снова вернулся, в руках у него был конец стального троса.

— Возьми,— приказал он.

Мальчик дотронулся кончиками пальцев до металла. Его охватил озноб.

Самуэль поднял руку с зажатым в ней тросом.

— Знаешь, зачем это?

— Нет.— Голос Чуко дрожал.

— Гм,— проворчал Самуэль.— Где школа? Говори! — закричал он вдруг не своим голосом.

Чуко молчал.

Тогда Самуэль ударил его в грудь и придавил к жесткой постели. «Он убьет меня, убьет! Если я буду мертвым, то не смогу больше слушать истории, которые рассказывает мистер Абрахам. Я не буду никогда большим и сильным, как отец. Я никогда не построю себе хижины. Никогда не увижу моря и больших кораблей».

— Ну, скажешь?

Губы Чуко задвигались. Он закрыл глаза.

— Ну?

— Да, мистер Самуэль. Я знаю.

Он чуточку приоткрыл глаза и увидел лицо Самуэля. Глаза его горели злобой. Чуко на секунду представил себе спокойное черное лицо мистера Абрахама, его большие добрые глаза. Разве это не его голос? Нет, это голос Самуэля.

— Говори!

Чуко сжал губы и отвернулся.

— Говори! — заорал Самуэль.

Чуко молчал. Шпику он не скажет ничего. Он никогда не назовет имени мистера Абрахама. Если Самуэль его убьет, дети скажут: «Чуко был настоящим героем». Мистер Абрахам будет рассказывать о нем прекрасные истории всем черным детям. Только мать, она будет плакать! По щеке мальчика покатилась слеза.

Затем Самуэль ударил... Трос со свистом рассек воздух и опустился на тело ребенка. Еще удар и еще... Чуко вздрогнул и затих.

Самуэль испугался. «Неужели умер?» — подумал он. Он приложил ухо к груди мальчика. Сердце билось. «Не умер! Ах ты, чертенок!» Он стащил бесчувственного Чуко с кровати, отпер дверь и выбросил его на улицу.

●

На следующее утро Самуэль нашел перед дверью своей будки записку. На ней большими корявыми буквами было написано: «Если ты не оставишь в покое наших детей, тебе будет худо».

Самуэль разорвал записку. Пусть только попробуют! Он находится под защитой полиции. Он не кто-нибудь, а уполномоченный полицейского управления Иоганнесбурга!

Он оделся, старательно причесал волосы и, закурив сигарету, вышел на главную улицу Мороки. Пусть его видят все! Он не боится этого черного сброда!

У большой кучи мусора играли дети. Увидев Самуэля, они закричали и бросились прочь. Навстречу шли две женщины с корзиной белья в руках. Самуэль вежливо поздоровался, изобразив на лице улыбку. Женщины сплюнули и, гордо подняв головы, прошли мимо.

Он дошел до остановки автобуса. Человек, продававший там с тележки кофе и печенье, нагнулся и сделал вид, что занят.

— Здорово, старик! — с наигранной веселостью крикнул Самуэль.

Человек не ответил.

— Эй ты, олух, дай-ка мне кофе!

Человек поднял голову и пожал плечами.

— Ну, скоро ты? — разозлился Самуэль.

Человек поставил перед ним чашку. Кофе пролилось через край.

— Пирога! — потребовал Самуэль.

Человек швырнул ему крендель и повернулся к шпику спиной.

«Ну, погоди, собака! А у тебя есть разрешение на торговлю? Наверняка, нет. Дай-ка мне только разделаться со школой»,— Самуэль бросил на тележку монету, вылил на землю кофе, швырнул крендель и растоптал его каблуком.

Затем он отправился домой.

У двери его ждал какой-то человек. На его черном подбородке поблескивали клочки серебристых волос. На плечи человека было накинуто шерстяное одеяло, доходившее ему почти до самых пят. Это был дедушка Чуко.

— Что тебе здесь надо? — набросился на него Самуэль.

— Я хочу поговорить с тобой,— спокойно ответил старик.

— У меня нет времени на болтовню.

— У тебя есть время.

Самуэль неохотно впустил старика. Тот подошел к кровати.

— Я вижу здесь кровь,— сказал он.— Кровь одного из твоих братьев, Самуэль. Ты избил до крови своего брата.

Губы Самуэля дрогнули.

— Моего брата? Ты что, спятил? Я не негр.

— Твоя мать была черной.

— Мой отец белый. У белых принято давать детям имя по отцу.

Старик покачал головой.

— Твой отец не был мужем твоей матери. Он ушел в море, откуда пришел. Ты нам это сам рассказал. Тебя вырастила твоя мать. Поэтому ты такой же негр, как и мы.

— Плевал я на это! — крикнул Самуэль.— Мне нет до вас никакого дела!

Дедушка Чуко промолчал. Он лишь плотнее завернулся в одеяло. Его подбородок опустился на грудь. Наконец он сказал:

— Твоему хозяину из полиции тоже нет до тебя никакого дела. Для него ты и так хорош — бить детей и доносить на честных людей! Попробуй-ка не делать этого, так он втопчет тебя в грязь. Ты его раб, а не друг. У тебя нет друзей. А друзья нужны любому человеку.

— Ну и что?

— Ты не найдешь друзей, Самуэль,— сказал старик.— Ни в Иоганнесбурге, ни здесь. Ты враг всей Мороки. И ты хочешь дальше жить так?

— Тебе какое дело? — закричал Самуэль.— Я разве спрашиваю твое мнение?

Дедушка Чуко поднялся.

— Человек без друзей — что сухая трава, которую сжигает солнце. Ее не орошает дождь, не ласкает прохладой ветер. Вот такой ты человек.

— А ну, убирайся отсюда! — крикнул Самуэль.

— А ну, убирайся отсюда! — вне себя крикнул Самуэль.

Он вытолкнул старика на улицу, запер дверь на ключ и лег на кровать. Из-под подушки он вытащил зачитанный журнал. Полистал его и отбросил.

«Мне ведь тоже хочется жить,— мучительно думал Самуэль.— Если я не буду слушаться, мистер Муизенхоек не даст мне денег. Мы недовольны тобой, скажет он, если я приду сегодня к нему с пустыми руками. Эх, если б только Чуко заговорил! Я бы никогда не сделал ему больно. Наоборот, я дал бы ему нож и резиновую рогатку. Чуко сам виноват. Да и мистер Муизенхоек виноват. Виновата эта проклятая, вонючая Морока».

Самуэль встал и умылся. Затем он отправился на остановку автобуса, чтобы ехать в Иоганнесбург. Автобус был переполнен, но сидевшие в нем рабочие, как по команде, повернулись спинами к Самуэлю. Он сидел на скамье один.

Инспектор принял Самуэля нелюбезно.

— А, это опять ты!

Самуэль робко опустил голову.

— Все это время я выслеживал школу.

— Ну и как? — Маленькие глазки Муизенхоека смерили его пытливым взглядом.

— Я испробовал все,— пробормотал Самуэль.

— Что?

— Я завоевал доверие одного негритенка. Мне казалось, что он посещает подпольную школу...— Самуэль сделал паузу. Потом быстро сказал:— Я обещал ему подарки, затем избил его. Он потерял сознание.

— Ну и что? — Мистер Муизенхоек стукнул кулаком по столу.

Самуэль трусливо заморгал глазами.

— В Мороке нет подпольной школы.

Мистер Муизенхоек издал блеющий смешок. Самуэль втянул голову в плечи. «Сейчас он выгонит меня»,— мелькнула трусливая мысль.

Инспектор вынул из стоящего на столе ящика листок бумаги.

— Как зовут этого мальчишку? Где он живет?

Самуэль ответил.

— Хорошо,— сказал Муизенхоек.— Я докажу тебе, что подпольная школа в Мороке все же есть. Я возьмусь за это дело сам.

— Вы хотите приехать в Мороку?

Муизенхоек язвительно ухмыльнулся.

— Еще чего не хватает!

Он взял со стола блокнот и стал что-то писать.

Самуэль ждал.

— Ты что уставился? — спросил Муизенхоек.— Можешь идти.

— Я хотел бы попросить немного денег, начальник. Вот уже две недели...

— Денег? Тебе еще денег? — заорал инспектор.— Будь доволен, что я не приказал посадить тебя в тюрьму, ты, бездельник! Вон! Не мешай мне!

— Я могу выдать вам нескольких подпольных пивоваров,— неуверенно начал он.

— Вон!

Он нажал на кнопку звонка. Вошел секретарь.

— Выпроводите этого субъекта вниз,— приказал Муизенхоек.— Да поживее!

Самуэль взглянул на секретаря. В его взгляде были беспомощность и упрямство. Секретарь распахнул дверь и сделал жест рукой. Медленно передвигая одеревеневшие ноги, Самуэль покинул кабинет.

Когда секретарь вернулся, инспектор приказал:

— А теперь впустите другого.

— Колдуна?

— Да. Вы запомнили его имя?

— Я записал, господин инспектор,— ответил секретарь, подбежал к своему столику и прочитал по слогам: — «Ка-мо-хом-бо...».

Чуко разрешили вставать. Четыре дня пролежал он на своей подстилке с мокрой тряпкой на лбу, с ногами и руками, обмотанными самодельными бинтами. Он с трудом держался на ногах, изредка выходил на улицу, да и то сразу садился и, как только начинала болеть голова, заползал обратно в свою полутемную автохижину.

Однажды к нему прибежал Мзамба. Он подозрительно осмотрелся по сторонам и наконец извлек из-под рубахи книжку.

— Это послал тебе мистер Абрахам,— прошептал Мзамба.— Можешь оставить ее насовсем.

Чуко раскрыл книгу. В ней были яркие цветные картинки: дикие звери, рыбы, корабли и самолеты, люди в диковинных одеждах.

Чуко просиял от радости.

— Он мне ее подарил?

— Да, и желает тебе поскорее поправиться.

Мзамба рассказал, что посты вокруг школы усилены.

— Пойдем к нам домой, мама даст тебе пирожок,— пригласил он товарища.

— Мне нельзя выходить,— возразил Чуко.— Дедушка запретил. Самуэль следит за мной. Он накричал на дедушку.

Мзамба кивнул. Его глаза расширились от страха.

— Значит, теперь ты никогда не выйдешь на улицу?

— Не знаю,— вздохнул Чуко. Он подумал о пирожке, которым хотела угостить его мать Мзамбы.— Может быть, я приду позже, когда дедушка заснет.

Над Морокой сгустились сумерки. Мать Чуко ушла к подруге. Отец еще не вернулся с работы. В углу на старом автомобильном сиденье примостился дедушка. Его голова свесилась вниз. Он храпел.

Чуко подкрался к двери, тихонько нажал на нее. Дверь скрипнула. Дедушка продолжал храпеть.

Мальчик заковылял по улице.

— Снова на ногах? Будь осторожен, Чуко! — крикнули ему из соседней хижины.

Мзамба жил далеко. Хижина его родителей находилась рядом с проволочным забором, окружавшим Мороку.

Когда Чуко проходил мимо лавки убитого Хусаина, его силы были уже на исходе. Нога, изуродованная Самуэлем, горела, как в огне. Он присел на камень рядом с кривой акацией. «Интересно, каким пирожком угостит меня мама Мзамбы?» — подумал он.

Вдруг из-за дерева показалась чья-то тень. Еще одна. Люди набросились на Чуко. Один из них раскрыл ему рот и запихнул туда тряпку, другой накинул на мальчика мешок и затянул его веревкой. Тот, что был пониже ростом, взвалил мешок себе на плечи.

Чуко повис головой вниз. Он думал, что задохнется в пыльном мешке. Мальчик стал брыкаться ногами и руками. Тогда кто-то ударил его по спине.

— Не шевелись, а то получишь! — прошипел злобный голос.

У Чуко закружилась голова. Ему показалось, что его с силой вращают по кругу. Потом перед ним открылась темная дыра, и он провалился в бездну.

Чуко очнулся в какой-то низкой, но длинной комнате. Сначала он увидел грязную красную занавеску, потом соломенную циновку и деревянный табурет. В плошке с маслом плавал горящий фитиль.

Мальчик глубоко вздохнул. Кто-то вынул у него изо рта платок. Он расправил руки, пошевелил ногами: «Я жив,— подумал Чуко и засмеялся.— Вот так история для мистера Абрахама! Волшебная птица подняла меня в воздух и перенесла в чужую хижину».

Он снова рассмеялся, но уже тише. За красной занавеской послышались шаги.

Занавеску раздвинули. Высокая фигура приблизилась к Чуко. Мальчик испуганно закрыл лицо руками.

Фигура с головы до пят была облачена в балахон из черно-белой змеиной кожи. Над жутко ухмыляющейся деревянной маской изгибались два больших буйволиных рога. Между ними свешивались пестрые птичьи перья, деревянные бусы, зубы леопарда. На длинном ожерелье, перекинутом через шею, висел красный глиняный свисток.

— Ты знаешь меня? — спросила фигура загробным голосом.

Страшная фигура приблизилась к Чуко.

Чуко взглянул сквозь пальцы рук.

— Камохомбо,— прошептал он.

— Да, это я, Камохомбо, властелин всех людей и зверей. Камохомбо, которому подчиняются змеи, Камохомбо, услышав голос которого, дрожат в горах леопарды, Комохомбо, который может остановить ветер и дождь, Камохомбо, перед которым пресмыкаются злые духи. Следуй за мной!

Камохомбо схватил Чуко за руку и потащил за собой. Колдун завел мальчика за занавеску.

— Открой глаза! — приказал он.

Чуко повиновался. Со стен на него смотрели бесчисленные рожи — маски из дерева, глины, выдубленной кожи. Они скалили зубы, высовывали языки, пучили глаза, жутко ухмылялись. На большом столе Чуко увидел змеиные шкуры, вымытые добела кости, засохшие травы, отрубленные и высушенные лапы обезьян, панцири черепах, деревянные колотушки, нанизанные на нитки зубы. Рядом, на крашеной циновке, стояли горшки и кувшины, а посередине комнаты — ящик, затянутый сверху проволочной сеткой.

— Загляни внутрь! — приказал Камохомбо.

В ящике лежала кобра. Она, шурша, извивалась кольцами и шаркала своим чешуйчатым телом по дну ящика.

Чуко отвернулся. «Змея,— подумал он.— Вот оно, наказание Мукуру...»

Камохомбо набил трубку травами и принялся курить. Едкий дым щипал Чуко глаза, щекотал в горле. Мальчик закашлялся.

— Садись,— сказал Камохомбо и указал на ящик со змеей.

Чуко отпрянул назад.

— Нет-нет! — закричал он.

Колдун схватил его и силой прижал к проволочной сетке.

— Сиди! А то я превращу тебя в змею,— пригрозил он.— Потом я сдеру с тебя кожу и подарю ее твоей матери. Она будет отгонять ею злых духов, если это доставит ей удовольствие...

Он разразился противным смехом.

Чуко сидел и дрожал. Под ним шуршала змея. «Я буду наказан,— думал он.— Мукуру сердится на меня».

Камохомбо пустил в лицо Чуко густую струю дыма и продолжал:

— Великий Мукуру говорил с Камохомбо. Камохомбо должен наказать всех, кто посещает дом врага. Учитель — враг Мукуру. Он учит детей презирать Мукуру. Но Мукуру велик и могуч, он послал Камохомбо, чтобы тот мстил и наказывал.

Мальчик молчал.

Колдун заговорил дальше:

— Если Чуко скажет Камохомбо, где дом врага, то Чуко не будет наказан. Мукуру простит его и будет всегда защищать его. У Чуко будет много сыновей и много еды в его хижине. Если же Чуко не скажет, то змея убьет его.

Чуко вскочил с ящика, но костлявая рука колдуна заставила его сесть обратно.

— Ну как, будешь говорить?

— Я не хочу...— пролепетал Чуко.

— Тогда ты умрешь,— прошипел Камохомбо.

Чуко заплакал. Он протянул к колдуну руки. Тот стоял, вытянувшись во весь рост и застыв, как статуя.

— Я даю тебе время подумать, пока я не выкурю свою трубку,— сказал Камохомбо.— Если ты не скажешь, я выпущу змею.

Чуко следил за дымом. Он выходил тонкой струйкой из отверстия в маске и из трубки. «Я разгневал Мукуру,— думал Чуко.— Я нарисовал на стене в доме его врага змею. Я принял подарок от мистера Абрахама. Я сам сказал: «Мукуру нет на свете». Я верил мистеру Абрахаму. Но Мукуру есть! Он послал двух духов, которые унесли меня по воздуху. Он могуч. Он все может, все знает!»

— Где школа? — спросил Камохомбо.

— Да ведь Мукуру знает,— ответил Чуко.— Почему Мукуру не сказал об этом своему слуге Камохомбо? Зачем ему нужен Чуко, если он все знает?

Колдун гневно боднул воздух рогами.

— Не клевещи на великого Мукуру! — Он вытряхнул из трубки остатки тлеющих трав.— Хватит! Я выпускаю змею!

Он столкнул мальчика на пол и поднял сетку. Голова кобры появилась над ящиком.

— Я скажу! — закричал Чуко.

Сетка упала обратно.

●

Весь в пыли, голодный, Самуэль возвращался из Иоганнесбурга. Он снова ходил к мистеру Муизенхоеку, но тот его не принял. Он передал через привратника, что для Самуэля у него больше нет работы.

Когда Самуэль достиг первых хижин Мороки, в его плечо ударил камень. Он обернулся. На дороге стоял какой-то мальчик и поднимал с земли новый камень.

— Ты что...— начал было Самуэль, но мальчик крикнул:

— Где Чуко? Ты убил его! Ты!

Самуэль испугался.

— Чуко? — выдавил он.— Чуко... Я ничего не знаю!

В спину ударил другой камень. Самуэль побежал.

— Убийца! Где Чуко? — кричали люди.

Дорогу загородила мать Чуко. Она вцепилась ему в рубашку и принялась трясти его.

— Что ты сделал с Чуко?

Самуэль вырвался и, спотыкаясь, бросился прочь. «Скорее запереться дома и спать»,— думал он, нащупывая в кармане ключ. Но ключ ему не понадобился: дверь будки была распахнута настежь. С его жилища сорвали крышу, выбили окна. Стены едва держались. Посреди улицы, ножками вверх, валялась его кровать.

«Дождь не оросит тебя,— вспомнил Самуэль слова дедушки Чуко.— Прохладный ветер не приласкает тебя. Без друзей человек не может жить».

Свой чемодан Самуэль нашел за будкой. Он поднял его, повесил на длинный ремень через плечо и зашагал прочь. Жители Мороки видели, как он ушел на север, в степь.

●

Камохомбо рисовал черепком на глиняном полу хижины. Сначала он начертил крест.

— Это Морока,— пояснил он Чуко. Затем, протянув длинную линию, спросил: — Дорога к школе идет так?

Чуко кивнул.

— Хорошо,— сказал колдун.— Теперь Мукуру накажет своего врага Абрахама. Он разрушит дом богохульника. Но тебе, Чуко, он пошлет благословение.— Камохомбо поднялся: — Оставайся здесь и не шевелись, пока тебе не скажут.

Он исчез за красной занавеской.

Чуко сковал страх. Со стен презрительно ухмылялись маски. Змеиные кожи на столе, казалось, ожили.

«Чего я боюсь? — подумал мальчик.— Я же сделал

все, что требовал от меня Мукуру. Теперь пусть боится мистер Абрахам. Бедный мистер Абрахам! Его схватят злые духи и унесут далеко в степь. Вдали от людей он умрет от голода и жажды. Мукуру очень злой».

За зачавеской раздались голоса. Чуко услышал голос Камохомбо, но он звучал теперь совсем по-иному, как у обыкновенного человека. Камохомбо говорил тихо. Другой отвечал ему. Третий вмешался в разговор. Чуко не мог понять, о чем они говорят.

Затем занавеску откинули, и к Чуко подошли два человека. Один из них высокий. На обоих — пестрые рубашки навыпуск и узкие брюки.

Бандиты из шайки Тзоти! Чуко громко вскрикнул. Один из бандитов дал ему оплеуху. От страха Чуко открыл рот. Тотчас же в него сунули скомканный платок. Бандиты затолкали мальчика в мешок и крепко связали ему ноги поверх мешка.

«Как попали бандиты в хижину Камохомбо? — спрашивал себя Чуко.— Неужели сюда меня принесли тоже они? А не черные волшебные птицы? Что общего между Мукуру и Тзоти? Почему змея не напала на бандитов? Почему Мукуру не покарал их?»

Бандиты шли быстро. При каждом шаге Чуко сильно встряхивало. Один из бандитов сказал:

— А этот колдун прилично платит?

— Не знаю,— ответил другой.— Если его дело выгорит, то он получит деньги от инспектора, а уж тогда должен раскошелиться. А не то...

Он рассмеялся.

— Колдун должен нам хорошо заплатить,— снова начал первый.— Обычно мы не занимаемся такими делами. Люди Тзоти не бегают из-за какой-то там паршивой школы.

— Попридержим язык,— предупредил второй и заговорил шепотом: — Мальчишка считает нас слугами Мукуру. Камохомбо хитро провернул это дело, нагнал на малого страху. Пусть он верит в Мукуру.

Оба расхохотались. Чуко окаменел.

Через некоторое время один из бандитов сказал:

— Ну, хватит его тащить!

Они бросили мешок в кусты и ушли. Их шаги становились все тише и тише и наконец замерли вдали.

Чуко заворочался в мешке. Веревка развязалась. Мальчик выполз из мешка и огляделся. Бандиты притащили его к северной окраине Мороки. Чуко вытащил изо рта грязный платок. В горле болело, он закашлялся. Когда он снова начал свободно дышать, то горько заплакал. Что он наделал! Он выдал этим бандитам мистера Абрахама. Не Мукуру, а белый инспектор был врагом учителя. Камохомбо делал то, что приказал ему белый полицейский начальник, а не то, что хотел Мукуру. Значит, прав был мистер Абрахам, когда говорил: «Никакого Мукуру не существует. Мукуру — это злые люди, которые хотят сделать черных детей несчастными». Его, Чуко, Мукуру уже сделал несчастным. Чуко стал предателем.

Чуко всхлипнул. Он почувствовал страшную слабость. Ему хотелось так и остаться в кустарнике и никогда не вставать. «Я умру здесь»,— подумал мальчик. У него болели голова, живот, ноги, руки.

«Увидеть бы снова мистера Абрахама,— пронеслось у него в голове.— Если бы я смог ему сказать: я выдал вас не нарочно. Я думал, что так хочет Мукуру».

Чуко смотрел на небо. Солнце стояло в зените. Несколько птиц, устало взмахивая крыльями, плыли в вышине. «Теперь явится полиция. Я сказал Камохомбо: занятия в школе начинаются после полудня. И теперь туда помчатся не злые духи, а полицейские на мотоциклах».

Чуко поднялся и, хромая, вышел из кустарника. Он должен предупредить мистера Абрахама. Мальчик заковылял по траве, упал и, поднявшись на четвереньки, пополз дальше. Солнце пекло немилосердно. «Оно сожжет меня, я не доберусь до мистера Абрахама»,— испугался Чуко.

Он вполз в скудную тень чахлой акации, поднял голову, и громкий крик вырвался из его пересохшего горла:

— Самуэль!

Ноги Самуэля раскачивались над землей, лицо и руки облепили тучи мух.

Самуэль повесился!

Чуко уставился на мертвеца широко раскрытыми глазами. Рядом валялся чемодан. Из него выпали пара рубашек, старый журнал, перочинный нож и авторучка.

Чуко ни до чего не дотронулся. Он прополз дальше, зарылся в траву и закрыл лицо руками.

Скоро, однако, он снова поднялся и заковылял к хижинам.

Мистер Муизенхоек закурил длинную сигару и откинулся на спинку кресла из гнутых стальных трубок. Вошел секретарь, которого он посылал за содовой водой.

Муизенхоек приветливо кивнул ему и протянул коробку с сигарами. Инспектор самодовольно ухмылялся.

— Ну, школа у нас в кармане. Найдем и в других поселках, не только в Мороке. Полиция — что господь-бог, от нее ничего не скроешь.

Секретарь ответил подобострастным смешком на шутку начальника.

— Отряд уже в пути,— сказал он, подошел к карте и пальцем показал дорогу, по которой отправились полицейские.

По улицам Мороки мчались два больших автомобиля, битком набитые полицейскими. На каждой машине был укреплен пулемет. Во главе колонны ехал «джип» с полицейскими офицерами.

Жители Мороки разбегались по домам. Собаки, визжа и захлебываясь от лая, бросались в стороны.

К северу от Мороки над травой поднялось громадное желтое облако пыли. Оно, как гигантская змея, ползло на эвкалипты и акации, за которыми спряталась подпольная школа.

Не доезжая до школьного барака метров двести, машины остановились. Полицейские спрыгнули на землю и окружили школу. Из «джипа» раздалась команда. Полицейские пошли вперед, сужая круг. Они держали наготове пистолеты и резиновые дубинки.

Новая команда. Полицейские с силой толкнули дверь барака, ворвались внутрь...

Барак был пуст.

На северо-восток от Мороки, где проходит дорога в Преторию, мимо низких кустарников и тенистых акаций устало идут мистер Абрахам и Чуко. Время от времени учитель несет мальчика на спине, заботливо прикрыв голову ребенка своим белым пиджаком. В такие моменты Чуко сладко засыпает, и ему снятся книги и картинки и, конечно, истории, которые он еще услышит от своего большого друга — учителя.

Перевели с немецкого
А. Гиллер и В. Чернявский.

Невыдуманные рассказы

Майор В. САМСОНОВ

Рисунки В. Федотова и В. Константинова.

Сайгачонок

Как он появился в лагере, никто не знал. Утром дневальный по батарее нашел его между палатками. Это было маленькое тонконогое существо, похожее на козленка. Может быть, он отстал ночью от матери, заблудился и, обессилев, упал.

Пока дневальный раздумывал, как же быть дальше, прозвучал сигнал «подъем», и из палаток высыпали солдаты на физзарядку. Общими усилиями установили, что это сайгачонок — сын степной антилопы.

— Что же нам с ним делать? — размышлял вслух старшина батареи сержант Середа, задумчиво глядя на живой комочек.

— Давайте возьмем шефство над ним,— предложил дневальный — маленький рыжеватый солдат с синими глазами,— воспитаем, приручим.

— Чего там чикаться, в котел его! — засмеялся кто-то из солдат.

— У тебя, брат, у самого не голова, а котел,— сердито оборвал его старшина,— животное, можно сказать, к нам пришло за помощью, а ты — в котел!..

Как только открылся магазин военторга, старшина направил туда дневального.

— У вас соски есть?

— Есть,— удивленно посмотрела продавщица на солдата,— а вам, извините, для чего нужна соска?

Когда дневальный рассказал, для чего, продавщица в придачу к соске отыскала пустую бутылку и сказала, где можно брать молоко.

Вскоре сайгачонок аппетитно сосал молоко из бутылки через большую резиновую соску.

Так и прижился он на ракетной батарее. Стал всеобщим любимцем. Повара старались выделить ему кусочек повкуснее, солдаты играли с ним. Он окреп, заметно подрос и совершенно не боялся людей в шинелях. Все думали, что он вот-вот задаст стрекача, но сайгачонок, казалось, и не думал об этом. Степь не интересовала его.

Каждое утро солдаты уходили на огневую позицию на учебу. Сзади, за строем, вприпрыжку бежал на своих тонких ножках сайгачонок.

Наступила пора боевых стрельб.

Накануне расчеты отлично сдали предстрельбовую подготовку, проверили и зарядили ракеты. Утром все пошло по расписанию. Воздушная цель была обнаружена

на предельной дальности, точно и своевременно подготовлены все необходимые данные для стрельбы. Командир подал команду. Когда цель подойдет к нужной границе, офицер нажмет кнопку, и ракета, опалив землю огнем, умчится ввысь навстречу воздушной цели.

И в это время зазвенел телефон.

— Сайгачонок около ракеты! — доложил взволнованный голос наблюдателя.

Командир побледнел. Через несколько мгновений произойдет старт ракеты — и от сайгачонка не останется и горстки пепла...

Но сайгачонок уцелел. Видимо, в самый последний миг ускакал от ракеты.

...Вечером старшина батареи посадил сайгачонка в машину и увез далеко в степь.

Думали, что он все равно вернется. Ждали день, другой — сайгачонок не вернулся.

Лисята

В день, когда не было стрельб, специальная команда под руководством старшины сверхсрочной службы Николая Боброва занималась сбором металлолома, разбросанного на большом пространстве вокруг полигона.

Лето еще только начиналось, и степь была вся в ярких цветах.

Ехали на двух машинах. Старшина Бобров, уже немолодой, с пшеничными усами и выгоревшими на солнце белесыми бровями, внимательно посматривал по сторонам. На этот раз, кроме лома, его интересовало и другое. Давно еще сын Валерка наказывал ему привезти для школьного живого уголка каких-нибудь интересных диких животных.

Старшина обещал. К тому же он сам и натолкнул сына на эту мысль, рассказав, что видел в степи лису, зайца и сайгаков.

Но одно дело — увидеть, а другое — поймать. Уже несколько раз ездил старшина в степь, но поймал за это время только двух больших рыжих ящериц.

Неудачной, казалось, была и эта поездка. Нагрузив кузова кусками жженого металла, старшина Бобров со своей командой возвращался обратно.

— Смотри справа! — неожиданно крикнули из кузова машины.

Когда подъехали ближе, увидели зарывшуюся глубоко в землю гильзу снаряда. Над поверхностью торчал только ее черный край, из-за которого выглядывала остренькая мордочка и блестели две любопытные бусинки глаз.

В гильзе было устроено гнездо лисы-корсака. В нем оказались три маленьких лисенка. Матери не было дома, она, вероятно, где-то охотилась.

Лисята шипели, тявкали, когда их вытаскивали. Видно, им очень не хотелось расставаться со своим железным домом.

Старшина же был доволен, но еще больше радовался лисятам Валерка — сын старшины.

Яшка

Яшка родился на верхушке невысокого стога прошлогоднего сена. Днем мать улетала добывать ему корм, и Яшка оставался наедине с широкой, еще не успевшей выгореть зеленой степью. Яшка — неуклюжий птенец степного орла, в белом пуху, на длинных ногах и с большой головой.

Через две недели, когда орлица охотилась на сусликов, к стогу подошли солдаты и забрали Яшку с собой.

Так Яшка стал ракетчиком. Его поселили в лагере и зачислили на все виды довольствия. Сперва орленок ничего не признавал, кроме мяса, но постепенно его приучили есть все, что ели солдаты. Скоро он сам пришел к выводу, что жирная солдатская каша или консервы ничуть не хуже сырого мяса.

Яшка рос, мужал, одевался перьями. Месяца через три он стал почти взрослым.

— Подрастет и улетит. Орел — птица вольная,— говорил с грустью повар Сергей Захарчук, подкладывая Яшке в миску каши с мясом.

Лейтенант Махортов был другого мнения.

— А чего ему улетать? Он же не в клетке живет, и о харчах заботиться не нужно.

Лейтенант подолгу занимался с орленком. Учил его летать, разговаривал с ним. Яшка тихонько попискивал, хлопал отросшими крыльями, делал прыжки, но подняться в воздух не мог.

— Трусишка,— ласково говорил Махортов и подбрасывал Яшку вверх.

Постепенно орленок научился летать.

Однажды Яшка поднялся в воздух и, тяжело махая длинными крыльями, полетел в степь, туда, где виднелся стог старого сена, на котором он родился.

«Вот и улетел... Не понравилось ему у нас»,— печально подумал лейтенант.

Сделав большой круг, Яшка вернулся. Прошел еще месяц. Яшка превратился в красавца орла: черно-коричневый, в белых брючках и белой манишке.

Спал он обычно где-нибудь на дровах около кухни, поближе к теплым котлам.

— Яшка, на завтрак! — кричит ему утром Захарчук.

Орел, подпрыгивая, охотно идет к своей миске.

Потом Яшка летит вслед за солдатами на огневую позицию и садится на свое излюбленное место — антенну радиолокатора. Но там ему долго не дают сидеть. Перед включением передатчика Яшку сгоняют: мощное излучение антенны может погубить его. Яшка не обижается, словно понимает. Он спокойно перелетает на ракету и сидит на ней до первого перерыва. Если надоест, он летит посмотреть,

как идут дела у шоферов. Шоферы копаются в моторах, а Яшка сидит на крыле машины и внимательно наблюдает.

Перед обедом он летит обратно на огневую позицию, садится на кабину, в которой работает лейтенант Махортов, и ждет, когда тот выйдет. Если Махортова долго нет, Яшка начинает ходить по крыше кабины, нервничает, заглядывает вниз.

— Махортов, тебя Яшка ждет! — передают по телефону Махортову.

На обед они идут вместе.

Кроме Яшки, есть у ракетчиков и две собаки. Яшку они недолюбливают, но в спор с ним предпочитают не вступать, зная, что клюв у него твердый и острый. Правда, нужно признаться, что Яшка — парень нахальный. Иногда он подходит к миске, из которой ест собака, и бесцеремонно сует в нее клюв. Собаки не протестуют. Да и стоит ли связываться с нахалом, у которого размах крыльев больше метра!

Вечерами Яшка отдыхает вместе со всеми. Если играют в волейбол, Яшка садится на штангу, к которой привязана сетка, и все время следит за мячом. Во время футбольных состязаний любимое место Яшки — ворота.

Днем иногда Яшка делает разминку. Он забирается в вылинявшее от зноя небо так, что с земли видна только черная точка.

— Наш воздушный разведчик,— улыбается лейтенант Махортов.

Вдоволь налетавшись, Яшка возвращается.

— Никуда он от нас не денется. У Яшки нашего душа ракетчика,— говорят солдаты.

ПО СЛЕДАМ юных ГЕРОЕВ

Знаете речку Нару? О ней многое могут рассказать туристы-байдарочники. Но даже они, наверное, не знают, что по Наре проходила в 1941 году линия фронта, что в Тарутинских лесах была база Угодско-Заводского партизанского отряда под командованием Героя Советского Союза В. А. Карасева.

И мы это узнали не сразу.

Три года назад мы, семиклассники московской школы № 288, отправились в настоящую научную экспедицию, о которой давно мечтали. В руках начальника штаба Александра Брука первое серьезное задание Музея Советской Армии: «Экспедиционному отряду № 100 000 поручается собрать документы, фотографии, вещи, свидетельствующие о борьбе партизан Угодско-Заводского района в годы Великой Отечественной войны».

Партизаны рассказывают нам о действиях отряда в Белоруссии.

Три года мы собирали материал по истории партизанского соединения, прошедшего с боями по Украине, Белоруссии, Польше, Чехословакии, Венгрии и Австрии, Мы нашли документы, подлинные фотографии, листовки, остатки оружия, записали беседы с очевидцами. Материал сдан в Музей Советской Армии и в Музей Революции. А в ноябре прошлого года мы открыли в школе Музей партизанской славы. В этих очерках мы рассказываем о юных героях партизанского соединения Героя Советского Союза В. А. Карасева.

Экспедиционный отряд 288-й школы г. Москвы.

ПЕТР ЗАЙЧЕНКО

Ночь. Люди идут по лесу, стараются ступать бесшумно. Иногда слышится немецкая речь, но каждый помнит: стрелять нельзя. Разведка передает: «Видим костер». Кто это? Свои? Или, может, провокация?

Опасаясь, что это немецкий патруль, отряд останавливается, а разведчики идут вперед.

У костра сидит худенький белокурый мальчик и варит кашу в немецкой каске. Рядом лежит немецкий автомат. Вдруг из темноты появляются фигуры партизан. Мальчик хватается за оружие.

— Стой! Кто идет?

— Свои, — отвечают партизаны.

Они подходят к костру.

— Кто такой?

— Партизанский командир Петр Зайченко.

— Где же твой отряд, командир?

— А это я и есть.

Из перехваченных немецких донесений партизаны знали, что в этих местах действует отряд Петра Зайченко. В селах часто появлялись листовки, написанные детским корявым почерком. Под листовками стояла подпись: «Партизанский отряд Петра Зайченко». Немцы были не на шутку встревожены и даже вызывали карательные отряды, но, сколько ни искали, партизан найти не могли.

— Батьку и мамку немцы убили, — рассказывал Петя, — а я стянул у фрица автомат и ушел в лес.

— Ну, а как же ты партизанишь?

— А вот вчера провел «молочную операцию». Немцы молоко собирали для маслозавода, а я забрался на склад и бах-бах по би-

донам. Молоко так и полилось. Я ушел и записку оставил: «Смерть немецким оккупантам! Партизанский отряд Петра Зайченко».

Мальчик попросил партизан взять его в отряд. Петю отвели к командиру, накормили, дали другую одежду. И приняли в отряд.

Петр стал незаменимым разведчиком. Он пробирался всюду и добывал ценные сведения. Командир отряда знал, что на Петра можно положиться. Он знал, что Петр вывернется из самого трудного положения. Никто так не умел плакать и притворяться, когда нужно, как этот вихрастый мальчуган.

Командир партизанского отряда П. Р. Перминов.

Кто мог заподозрить в нем разведчика?

— Молодец,тезка,— ласково всматриваясь в загорелое, погрубевшее лицо мальчика, сказал однажды командир партизанского отряда Петр Романович Перминов.— Сегодня пойдешь на операцию вместе с отрядом. Будем взрывать эшелон.

Эшелон взорван. Партизаны вернулись с задания, но Петра не было... Его ждали день, второй, третий... Кто-то видел, как он пробегал с автоматом в руке около эшелона. И это все, что мог узнать Петр Романович. Что случилось потом с Петром Зайченко? Этого никто не знает.

Может быть, прочтя этот рассказ, отзовется разведчик Петр Зайченко или люди, знающие что-либо о его судьбе. Нам известно только, что до войны он жил в селе Колонец или в хуторе Колонцовском, Иванковского района, Киевской области.

Виктор Елисеев и Лев Борцайкин,
члены экспедиционного отряда

КАМИЛИЯ ШАГА

Уже несколько суток движется без отдыха партизанский отряд по размокшим дорогам Западной Украины. Люди спят на ходу, придерживаясь за обозные телеги, с трудом вытаскивая ноги из грязи. Разговаривать нет сил, партизаны шагают молча, сосредоточенно глядя перед собой. Некоторые идут уже из последних сил.

Камилия, санитарка, дочь партизана Шаги, очень хочет помочь своим старшим товарищам. Она сильная, она многое умеет, но что сделать сейчас?

Камилия соскочила с телеги, схватила большой ломоть хлеба и кого-то поискала среди партизан. Ее взгляд остановился на пожилом бойце. Сильно хромая после недавнего ранения, он согнулся под тяжестью ручного пулемета.

— Дядя Сережа, хлеба вот возьмите, ведь вы же слабый еще!

Бойцы, которые слышали слова девочки, видели ее улыбку, невольно улыбались сами...

А впереди партизан ждало еще одно испытание. Разведка сообщила о приближении фашистов. Уклониться от боя невозможно. Партизаны залегли, отведя обоз под защиту высокого кустарника. Завязалась перестрелка. Тут уже Камилия не раздумывает: она знает, что нужно делать. Сумка с патронами на боку, целый ворох бинтов. Она там, где огонь сильнее. Патроны розданы партизанам, теперь девочка принимается помогать тем, кто, несмотря на ранение, не хочет уходить с поля боя. Тоненько посвистывают пули, вспарывая лесной воздух, но Камилия как будто не слышит этих звуков. Она снова и снова подносит патроны, перевязывает раненых.

А ведь совсем недавно...

«Награждается ученица шестого класса Ситовской неполной средней школы Камилия Шага за хорошее поведение и отличную учебу».

«А еще за то, что такая выдумщица, настоящий затейник»,— думают про себя подружки.

Кончился учебный год, и теперь три месяца можно бегать в лес, купаться, читать, мечтать, не заботясь о домашних заданиях, не думая о том, что завтра снова в школу. И думала ли тогда Камилия, что в лесу, где знаком каждый кустик, каждый пенек, придется скрываться от врага.

В 1942 году в лесах возле Ситовки, где жил Шага с женой Елизаветой Казимировной и детьми, появились партизаны. И вся семья стала выполнять поручения командования отряда. Когда Елизавета Казимировна отправлялась на очередное задание, ее непременно сопровождала тринадцатилетняя Камилия. «Ну, поймите же, не маленькая я!» — уговаривала она родителей и командира партизанского отряда П. Р. Перминова.

Очень скоро старшие действительно убедились, что девочка может принести большую пользу отряду, проникая туда, куда не могли пройти взрослые.

В мае 1943 года вместе с братом Володей и сестрой Евой Камилия приняла присягу. Теперь она партизанка. Девочку зачислили в санчасть. Камилия старательно учится перевязывать раны. Но этого ей мало.

Вот, например, сейчас ни больных, ни раненых нет, так что же, сидеть сложа руки? Ну, нет, это не в ее характере. Камилия бежит помогать на кухню, потом к партизанам: «Может, кому что постирать надо?» Звали ее в отряде кто дочкой, кто сестричкой, и всем она успевала ответить ласковым словом.

...При переправе через Западный Буг Камилия получила ранение, и все же осталась в партизанском отряде.

Январь 1944 года. Партизанский отряд, выросший теперь в партизанское соединение имени Александра Невского, борется с врагом на территории Чехословакии. Вместе с чехословацкими патриотами партизаны участвуют в Словацком восстании. Нелегко дается победа, много русских и чехословацких товарищей погибло в этих боях. В одном из боев, под городом Зволень, погибла и Камилия. Пулей ей перебило ноги. Один из партизан посадил ее на лошадь, чтобы вывезти с поля боя. Но в это время в атаку пошли фашистские танки. Вражеский огонь скосил много людей. И среди них Камилию.

Короткой была жизнь Камилии Шаги, ей только исполнилось пятнадцать.

Уже со дня окончания войны прошло шестнадцать лет, но бывшие партизаны помнят чуткую и отважную пионерку.

И никто не знает, сколько ночей проплакала Елизавета Казимировна, сколько лишних морщин появилось на ее лице...

Чехословакия! Теперь для Елизаветы Казимировны это вторая родина, потому что там была она, Камилия.

Наталия Зелеранская и Галина Фролова,
члены экспедиционного отряда.

МЕЧТА О МИРЕ

В годы Отечественной войны нашим воинам не раз случалось освобождать заключенных, ожидавших смерти в фашистских концлагерях и тюрьмах. Из темных, сырых подвалов на свет выходили люди, утратившие надежду на спасение. Наша Советская Армия вернула им солнце, радость, жизнь.

Но на долю советских солдат и офицеров, вступивших в 1945 году в город Дрезден, досталась совсем особая задача. Они принесли спасение не только людям. Им удалось спасти от гибели самое лучшее из того, что создали человеческий разум и человеческие руки,— гениальные творения искусства.

В сохранности ли полотна Рафаэля, Рубенса, Веласкеса?.. Не пострадали ли они от бомбежки?.. Вот о чем беспокоились иные из наших воинов, занимая Дрезден. С волнением стремились они к музею — дворцу Цвингер... Увы!.. Американские бомбы превратили Цвингер в развалины. Но под развалинами не было обнаружено ни кусочка холста, ни обгорелых обломков рам, очевидно, сокровища Цвингера были куда-то переправлены... Куда?

Над этим вопросом ломала голову группа советских офицеров и солдат. Начались энергичные поиски, расспросы. И вот в одном из туннелей в ящике шкафа был обнаружен сложенный вчетверо листок плотной бумаги — план с загадочными обозначениями. Расшифровав таинственные знаки, «искатели сокровищ» постепенно напали на правильный путь и пришли в те каменоломни и подземелья, где были скрыты единственные в мире картины и статуи. Фашисты спрятали их туда не для спасения: уходя, они намеревались взорвать, уничтожить драгоценное достояние человечества. Только стремительное наступление Советской Армии помешало им осуществить этот страшный план.

В темных подвалах наши бойцы обнаружили на этот раз не обреченных на смерть людей, а приговоренные к гибели произведения искусства. Они вернули их людям. Одна из таких сцен изображена на картине, которую вы видели на вкладке. Перед советскими воинами — величайшее создание человеческого гения — «Сикстинская мадонна» Рафаэля.

Как воплощение материнства, как напоминание о матери, о жене, перед солдатами—образ женщины, написанный гениальным итальянским художником. Образ, созданный Рафаэлем, и вправду кажется им воплощенной «мечтой о мире»—так и назвал свою картину советский художник Ятченко... Доверчивые и вместе с тем тревожные глаза матери точно просят зрителя о защите.

«Ждет она от тебя чего-то, надеется... Защитить ее хочется, как живую»,— так выразил свои чувства один из спасителей «Мадонны». Это чувство разделяли и другие. И, глядя на картину Ятченко, мы невольно думаем о большой душе советского воина, о благородной роли Советской Армии — защитницы всего живого и прекрасного, о непобедимой армии, стоящей на страже мира во всем мире.

Ю. Нейман

С МЕЧТОЙ О МИРЕ.
СПАСЕНИЕ ШЕДЕВРОВ
ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЕРЕИ

Ю. Ятченко

Огромные пространства отделяют нас от полуострова Таймыр. Трудно было добираться туда в прежнее время. Однако современные средства связи все глубже проникают в тундру. Видите, какой аэропорт построен в столице Таймырского национального округа — Дудинке!

В ДАЛЕКОЙ ТУНДРЕ

Фото В. Константинова.

Белоснежные таймырские песцы славятся на весь мир... Искусный охотник колхоза «Искра» Семен Катыгинский принес на заготовительный пункт богатую добычу.

Олень — верный друг жителя тундры. С малых лет ребята Таймыра учатся управлять оленями. И эта девочка скоро будет отлично ездить верхом на своей рогатой «лошадке».

Суров климат Таймыра. Но когда на тебе такая шуба, не страшен ни мороз, ни ветер. Посмотрите, как тепло и красиво нарядили своих детей мамы из фактории «Камень». Если даже разыграется пурга, малыши благополучно доберутся до детского сада.

И этому малышу тоже не приходится бояться ни пятидесятиградусного мороза, ни «черной пурги», как называют в тундре снежную бурю... Мама сшила из оленьих шкур такую теплую шубу, что в ней можно и в снегу ночевать!

НА СНЕЖНЫХ СКЛОНАХ

Фото А. Шмидта.

На снежных склонах

«Бакуриани» и «Кохта». Два слова, которые знает в нашей стране каждый горнолыжник, потому что эти места как будто созданы для горнолыжного спорта. Здесь, в горах, лето встречается с зимой. Снег и горячо припекающее солнце прекрасно уживаются друг с другом. Можешь и кататься на лыжах и загорать до черноты.

Кохта — это высокая гора, часть ее склона видна на снимке. На Кохте построен специальный подъемник, на фотографии видны две его опоры. К опорам подвешен трос, а с него свисают вниз бугели — особые деревянные крюки. Трос тянет бугели вверх по склону. Поймаешь такой бугель, усядешься на него — и потащит тебя на самую вершину. Даже дух захватывает — такая высота и крутизна! С вершины весь Кавказский хребет виден, как на ладони.

А оттуда на лыжах вниз, туда, где игрушечными домиками раскинулось грузинское горное селение Бакуриани.

Я с детства наслушался рассказов о Бакуриани и давно мечтал побывать там. И вот я еду. В Москве трескучие морозы, провожающие трут уши, топают ногами, прощаются, не снимая варежек. А через полтора дня наш поезд перевалил отроги Кавказских гор и вырвался к берегу Черного моря. Открываются настежь окна, в них врывается теплый пряный воздух. За окнами с одной стороны—море, пропадающее в густом тумане, с другой — горы. Мелькают кипарисы, пальмы, чайные плантации. В темной листве пламенеют яркие плоды — мандарины, хурма. Идет дождь, теплый, летний. По зеленым склонам бегут широкие потоки воды. Шумит море, грохочут туннели, где-то басисто гудит пароход — хорошо! Все стоят у окон.

Сочи, Гагра, Сухуми... К вечеру дорога отходит от моря. Сначала поезд несется по широкой Рионской долине, затем начинает забираться в горы. Долина становится все у́же, горы — ближе. Поезд все чаще перепрыгивает с одного берега реки на другой, ныряет в длинные туннели. Все выше поднимается дорога. Снова появляется снег, сначала далеко на вершинах, затем все ниже и ниже, и вот он уже у самого полотна. Сурамский перевал!

Недалеко от него мы сходим, пересаживаемся в поезд до Боржоми. От этого курортного городка проложена узкоколейка в Бакуриани. Ходит по ней маленький, как будто игрушечный паровозик, какие обычно называют «кукушками», и тащит несколько таких же крошечных вагончиков. Дорога очень красива. За окнами проплывают поросшие исполинскими соснами заснеженные горные кручи. Паровозик еле тянет, подолгу стоит на полустанках и тяжело вздыхает.

Наконец мы в Бакуриани. Раннее утро. Сияет солнце, сверкает снег, тепло. Спешат куда-то загорелые, ярко одетые лыжники в огромных ботинках. Смех, песни. У магазинов, ресторанчиков, кафе, парикмахерских двери раскрыты настежь, как летом. Из репродукторов на весь поселок гремит музыка...

В Бакуриани я познакомился с ребятами, которых вы видите на снимках. Это здешние школьники. Надо сказать, что ребята в Бакуриани все лыжники. Они с гордостью говорят, что все чемпионы Грузии по слалому родом отсюда и что знаменитый прыгун с трамплина Коба Цакадзе тоже родился здесь...

Три года назад в Бакуриани организовали детскую спортивную школу «Юный динамовец». Ребятам дали настоящие горные лыжи, окантованные стальными полосками, специальные ботинки и крепления, лыжные костюмы. А тренер у них — неоднократный чемпион Грузии Ибрагим Джангобеков.

Пока ребята тренируются еще не на самой Кохте, а на склонах другой горы, поменьше; кстати сказать, это небольшой потухший вулкан. Посмотрите второй снимок: вот ребята стоят на вершине этой горы, а инструктор объясняет им, чем они сегодня будут заниматься.

Затем ребята встают на лыжи. Но закрепить лыжи не так-то просто. Их накрепко привязывают к ногам специальными ремнями. Этому искусству тоже надо научиться. Самому юному горнолыжнику, еще не очень умелому, лыжи пока привязывает тренер (последний снимок).

И вот ребята на лыжах. Немного страшновато. Напрямик с такой горы и не спуститься... Но ребята уже овладели искусством поворотов.

На третьем снимке вы видите, как ребята «змейкой» спускаются с горы. Здорово у них получается, правда? Теперь ребята стали хозяевами горы: куда хотят — туда и поедут, где захотят — там и повернут, или с ходу затормозят так, что снежное облако взлетит из-под лыж.

Тренер расставил на горе палки — «ворота». Задача такая: проехать через все «ворота» и не сшибить палок, а для этого приходится то и дело круто поворачивать. Так ребята готовятся к соревнованию по слалому. Некоторые из них уже участвовали в соревнованиях. Роберт Арутюнян быстрее всех прошел тринадцать «ворот», и ему присвоили третий спортивный разряд.

Но в горах необходимо еще и умение прыгать на лыжах. Ведь на пути может встретиться неожиданное препятствие: камень, поваленное дерево или крутой перегиб склона, за которым скрыт обрыв. С такого обрыва лыжника может «бросить», как с настоящего трамплина, а в неожиданном прыжке нетрудно и разбиться. Чтобы такое не случилось, горнолыжники, немного не доехав до опасного места, делают «опережающий прыжок» и приземляются на самом перегибе. Вот поэтому тренер показывает своим воспитанникам технику опережающего прыжка (снимок четвертый).

Пройдет немного времени, и ребята переберутся на склоны Кохты. А дальше, кто знает, какие еще горы станут им по плечу? Пожелаем им упорства в тренировках, стойкости в дни неудач и скромности в пору побед!

А. Шмидт

Семен КОГАН
Рисунки Е. Медведева.

Урок труда

Вот это да!
Вот это да!
У нас, друзья,
Урок труда:
Поют уверенно
Станки,
Колотят в доски
Молотки,
Закинув стружку
За плечо,
Рубанок пляшет
Краковяк,
Пила звенит:

«С-станцуй еще!»
Кувалда ухает:
«Вот так!»
И смотрит мастер
Сквозь очки,
Он улыбается
Слегка:
— Пришли ребята-новички,
А удивили старика:
Ты глянь,
Какой концерт дают!
Вот это труд!
Вот это труд!

Про кота

Неужели вам, ребята,
Не случалось никогда
Принести в свой класс
В портфеле
Настоящего кота!

Я попробовал...
И вот —
За дверями я и кот.

Вот какая хорошая кролеферма у гружчанских школьников!

О ДЛИННОУХИХ КРОЛИКАХ, НАСТОЙЧИВЫХ ПИОНЕРАХ И БОРЬБЕ ЗА ИЗОБИЛИЕ

(Вести из трех дружин)

Е. РУБЦОВА

Если бы всех кроликов, которых вырастили и сдали государству юные кролиководы Гружчанской средней школы, поставить вплотную, бок о бок, в одну шеренгу, получилась бы пушистая лента в два километра «с хвостиком». Да и хвостик этот не такой куцый, как у кролика, а в тридцать четыре метра длиной!

Могучие, полноводные реки, если проследить их до истоков, оказываются маленьким ручейком, который можно перепрыгнуть даже без разбега. Так и в жизни. Большому, важному делу часто служит началом незначительное, почти случайное событие.

Кто-то из ребят, когда по зоологии проходили грызунов, принес на урок своего питомца — кролика.

Живое наглядное пособие выполнило свои обязанности на пятерку. Оно шевелило серебристыми усами, доверчиво обнюхивало протянутые руки, с аппетитом грызло морковку и капустный лист, косясь на ребят круглым темным глазом, а настороженные лодочки его ушей просвечивали на солнце.

Владелец кролика объяснял, чем его кормит, рассказывал, какими крохотными и беспомощными родятся крольчата, как они быстро растут, как их защищает крольчиха, — словом, все, что классу полагалось узнать по разделу «Грызуны». Но потом, после урока, случилось то, о чем не написано в учебнике зоологии: ребята решили устроить кролеферму.

Начали с сорока двух кроликов. Половину собрали «в складчину»: ребята из дому принесли. Двадцать кролематок дал колхоз. В школьной мастерской, не умолкая, звенели пилы, стучали молотки: шло строительство клеток, кормушек.

Звено семиклассников взяло на себя уход. Через три-четыре месяца длинноухое поголовье возросло больше чем в десять раз. Кроликов было уже не сорок два, а пятьсот.

На следующий год завели сто двух породистых крольчих, и через несколько месяцев было столько молодняка, что пришлось его разделить на семь групп и для каждой построить выгульную площадку. За кроликами ухаживало уже не одно звено, а целая бригада из сорока четырех человек.

В ноябре 1959 года кролеферма «Ученическая» сдала государству 4 620 кроликов. В 1960 году — 5 050.

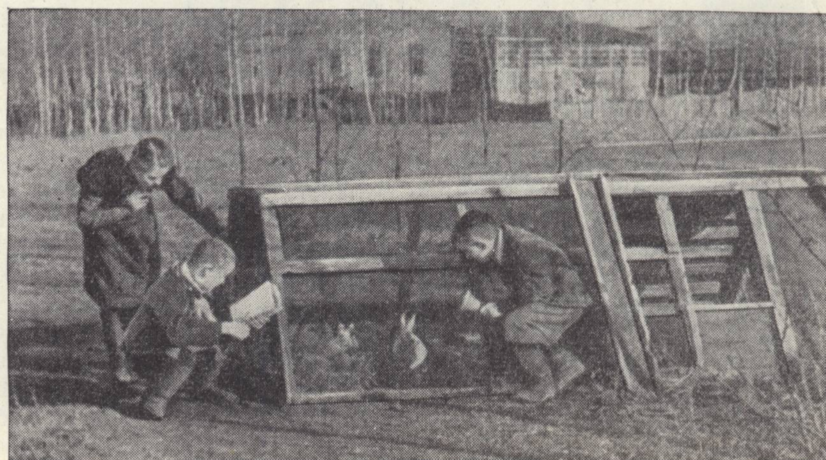
Ничто так не сближает, как общий труд. В труде родилась крепкая дружба школы с колхозом. Колхозники с уважением смотрели на дела своих ребят. Но не только смотрели. Председатель колхоза, кандидат сельскохозяйственных наук А. Г. Яворский построил

отличное помещение для школьной кролефермы, а рядом с ней — просторные выгульные дворики. Пять гектаров земли выделил колхоз своим ребятам под корма для кроликов да еще помог вспахать и засеять.

Вот какие дела начались с обыкновенного урока зоологии! Значит, случайность? Значит, если бы для знакомства с грызунами принесли крысу или белку, ничего такого и не было бы? Нет, не значит! Никакая это не случайность. Кролик на уроке послужил началом именно потому, что было другое начало: великий всенародный поход советских людей за изобилие. Ребята хотели помочь своему колхозу, своей стране. Вот почему родилась ферма «Ученическая». Вот почему юных кролиководов гружчанской школы с полным основанием можно назвать боевым подразделением многомиллионной армии строителей коммунизма.

* * *

...Если заглянуть в книги по кролиководству, в них не найдешь описания кроликов рос-



Эти фотографии сделаны на других школьных фермах Киевской области.

Вверху и внизу — кролиководы дымарской восьмилетней школы. Звено пятиклассников умело ухаживает за своими пушистыми воспитанниками. Ребята проводят интересные опыты с кроликами; на нижнем снимке вы видите, как они вырабатывали у кроликов условный рефлекс. А в бобрицкой восьмилетней школе ребята выясняют, в каких условиях лучше развиваются и растут их воспитанники (средний снимок).

кошанской породы. А между тем такая порода уже почти существует: на кролеферме юных кролиководов роскошанской школы. Вы спросите, почему «почти»? Потому что это большая и трудная работа — получить устойчивое потомство от скрещивания разных пород.

Роскошанские ребята скрестили две породы: серого великана с шиншиллой. У серого великана — размер, вес. У шиншиллы — красивый мех. Не случайно эта порода кроликов названа по имени дорогого пушного зверька, живущего на горных склонах Кордильер, в Боливии, Перу и Чили.

У кроликов, выведенных ребятами, красивый темно-серый мех, а по весу они превосходят обоих своих «прародителей».

Увлекаясь выведением новой породы, ребята не забывают о старых. За один только 1960 год они сдали государству 6 тысяч кроликов.

* * *

...Ребята учатся разводить кроликов. А кролики учат ребят, и не только кролиководству. Вот отрывки из дневника, который вели школьники на своей ученической ферме, в селе Дымари.

30 января. Разместили в два переносных вольера 10 кроликов, по 5 в каждый. Одна пятерка будет подопытной, другая — контрольной.

6 февраля. Всю неделю кроликов просто кормили. Они к нам привыкли, близко подходят. Сегодня, прежде чем раздать корм, позвонили. Кролики убежали. Мы положили корм и отошли. За поведением кроликов наблюдали издали. Они подошли к кормушке, ели неспокойно. Некоторые поднимались на задних лапках и прислушивались. Контрольные кролики к этому времени почти доели корм.

7 февраля. Положили корм. Кролики прибежали к кормушкам и спокойно начали есть. Мы позвонили. Кролики убежали, сбились в кучу. Но через три-четыре минуты некоторые боязливо вернулись к кормушкам. За ними подошли остальные.

8 февраля. Кролики вели себя, как и вчера.

9 февраля. Раздали корм. Кролики едят. Через две-три минуты мы позвонили. Кролики бросились наутек, но сразу же вернулись. Мы снова позвонили. Кролики перестали есть, подняли ушки, но от кормушек не убежали. Ели с оглядкой.

14 февраля. Кролики заметно привыкли к звонку, хотя едят беспокойно.

18 февраля. Кроликов звонок уже не пугает, хорошо поедают корм.

21 февраля. Сегодня, как и в предыдущие дни, кормили по звонку.

26 февраля. Звонили на расстоянии от вольера. Кролики бегают по вольеру, ищут корм.

28 февраля. По звонку кролики подходят к кормушкам и дожидаются, пока им дадут корм. Кролики контрольной группы, услышав звонок, разбегаются.

19 марта. Показывали подопытных кроликов третьеклассникам. На ребят произвело большое впечатление, как кролики реагируют на звонок.

11 апреля. Начиная с 5 апреля подавали сигнал, но не давали при этом корм. Кормили в другое время, без звонка.

19 апреля. Услышав звонок, кролики не убегают, но и не подходят к пустым кормушкам. Выводы: у кроликов очень легко вырабатывается условный рефлекс, но, если его не подкреплять, он теряется.

* * *

Так кролики помогли ребятам понять основу учения великого русского физиолога Ивана Петровича Павлова.

Работа на ферме сделала дымарских ребят настоящими специалистами по кролиководству. За советом к ним нередко приходят и взрослые колхозники.

А во всенародную копилку изобилия каждую осень идет и школьно-пионерский вклад из Дымарей.

С каждым днем все больше страниц в пионерской летописи: цифры, факты, рассказы бывших пионеров и комсомольцев.

Год 1922-й, 13 февраля. В Москве, на Красной Пресне, собирается первый пионерский отряд. В нем 52 пионера. 19 мая того же года комсомол принимает решение о создании в стране пионерской организации.

Год 1924-й. Пионерской организации присвоено имя Владимира Ильича Ленина. Под пионерскими знаменами уже более 250 тысяч юных ленинцев.

Год 1929-й. В стране уже 2 миллиона пионеров. Повсюду организуются пионерские отряды. В Узбекистане и в Ленинграде, на Украине и в Сибири они снаряжают в дальнюю дорогу, в Москву, на I Всесоюзный слет своих делегатов.

В башкирской деревне Базгия ребята провожают в столицу своего товарища, деревенского паренька Искандера Габдуллина... Тридцать с лишним лет прошло с тех пор, но никогда ему, делегату I Всесоюзного слета пионеров, не забыть тех волнующих дней.

Незабываемые дни

Из блокнота делегата I Всесоюзного слета пионеров

Никогда не забыть мне I Всесоюзный слет пионеров, участником которого я был.

В числе пятидесяти делегатов я приехал из Башкирии — деревенский мальчик в рубашке из самотканого полотна, обутый в лапти.

Когда наш поезд стал сбавлять ход в Москве, на Казанском вокзале, сердце мое, казалось, тоже останавливалось. Так велико было волнение.

Перрон разукрашен, вдоль него выстроились московские пионеры со знаменами, барабанами и оркестром.

Нам всем поднесли цветы. Нас поздравляли, говорили: «Будьте готовы!» Мы не совсем дружно, но бодро отвечали: «Всегда готовы!» Я очень старался. Иногда после других я один изо всей силы кричал: «Всегда готовы!»

С вокзала нас повели в баню. Я удивлялся, как много здесь воды. Лил и лил на себя таз за тазом и громко смеялся. Когда вышли из бани, я забеспокоился: моей одежды на месте не оказалось. Я заглянул под сиденье, чтобы найти свои лапти. Но и их не нашел. Стал спрашивать товарищей. Но они только пожимали плечами.

ВСЕСОЮЗНЫЙ СЛЕТ
ЮНЫХ ПИОНЕРОВ
18-25 августа
№ 6331
1929 года
ДЕЛЕГАТУ СЛЕТА
ОТ Башкирской ОРГАНИЗАЦИИ
ПИОНЕРУ Габдуллину Искандеру
МОСКВА
НАЧАЛЬНИК ШТАБА
ПРЕДС. МАНДАТКОМИССИИ

Вот делегатский мандат Искандера Габдуллина.

Оказалось, всю плохую одежду сожгли. Всесоюзная организация потребительских обществ, Центросоюз, решила одеть всех делегатов в хорошую пионерскую форму.

Наша делегация должна была расквартироваться в Замоскворечье. Туда мы и направились после бани. Хотя идти пришлось недолго, я стал отставать. Оказывается, я выбрал себе очень большие ботинки и успел натереть мозоль. Потом мне выдали другую пару ботинок, и больше я никогда не отставал.

Я жил в рабочей семье Родионовых, у которых сын был пионером, и звали его Колей.

У кого бы мы ни жили, нас везде принимали хорошо. Часто рабочие одевали гостей с ног до головы: приводили пионеров в магазин и покупали им на свои деньги обувь, костюм и пальто. Мне тоже подарили новую рубашку, брюки и фуражку.

На I Всесоюзный слет юных пионеров съехалось более семи тысяч ребят, представлявших 2 миллиона пионеров Союза. Слет проходил с 18 по 25 августа 1929 года.

На слет прибыли также делегаты из Америки, Китая, Англии, Германии, Швеции и других стран. Американская делегация из восьми пионеров приехала нелегально (иначе бы ее не выпустили из Америки). Это были самые смелые и умелые организаторы детского коммунистического движения в своих штатах. Вот кто входил в делегацию. Эльмар Макдональд — сын рабочего-текстильщика. Его отца четыре раза арестовывали за участие в забастовках. Джесси Тафт — 14-летняя пионерка из штата Нью-Йорк, дочь работницы-текстильщицы, организатор пионеров своего штата. Шелли Стрикланд — негритянский мальчик из Филадельфии. Он был одно время вместе с бойскаутами (буржуазная детская организация), но потом, поняв, что ему с ними не по пути, ушел от них. Были и другие юные борцы.

Делегация Германии состояла из 15 спартаковцев. В делегациях Франции и Швеции было по четыре человека. Их могло быть и больше, но дети рабочих не имели средств на поездку в СССР. Всего же прибыло из зарубежных стран семьдесят пионеров.

Делегаты слета прибыли в Москву.

Открытие слета состоялось на стадионе «Динамо» и было обставлено весьма торжественно. Вначале появились триста юных барабанщиков, а навстречу им, с другого конца стадиона, шли триста горнистов. Потом вышли триста знаменосцев. После этого на поле вышли восемь тысяч московских пионеров, и все они встали на почетную вахту. Делегаты слета тоже заняли свои места. С приветствием к слету обратились представители ЦК КПСС (или, как тогда именовалась наша партия, ВКП(б), представители ЦК ВЛКСМ, Наркомпроса, ВЦСПС и других организаций.

Чудесный грандиозный фейерверк возвестил открытие. Выступали кружки пионерской художественной самодеятельности, артисты цирка.

На другой день, 19 августа, началась спартакиада пионеров, которая длилась несколько дней. Проводились соревнования по легкой атлетике (бегу, прыжкам, плаванию, волейболу, стрельбе и т. д.). Я участвовал в «башкирской борьбе» и даже получил премию.

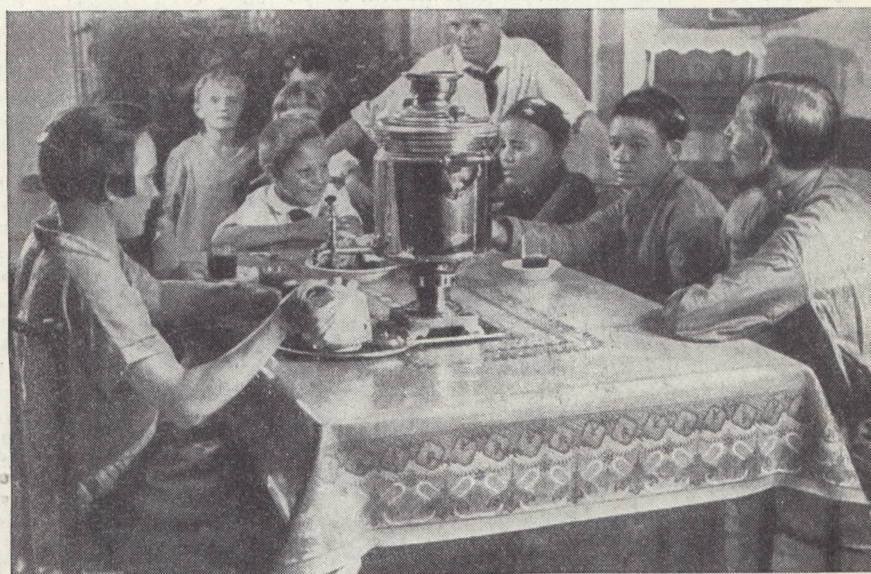
20 августа в Кремле открылась конференция, на которой присутствовали руководители делегаций. Здесь перед делегатами выступил почетный пионер Г. М. Кржижановский. Он спросил нас: «Читали ли вы чудесные произведения Жюля Верна?» Мы ответили, что да, но ведь все это фантазия. А он сказал тогда, что будущее нашей страны будет еще более сказочным, чем то, что описал Жюль Верн.

Затем выступили Е. Ярославский и поэт Демьян Бедный.

Одновременно с работой конференции шли совещания пионеров в наркоматах просвещения, земледелия, здравоохранения. Кроме этого, работа слета проводилась по таким секциям, как военная, профсоюзная, секции печати и безбожников.

Я был на совещании в Народном комиссариате земледелия, где нам рассказали о том, какая жестокая битва предстоит с кулачеством.

Здесь выступали и делегаты слета. Они рассказывали, что сейчас еще далеко не все деревенские дети учатся в школе. Просили помощи в строительстве школ и предлагали организовать пионерские отряды во всех деревнях.



Сердечно принимали делегатов в рабочих семьях. В этом доме гостили пионеры из Узбекистана.

Торжественно выступают знаменосцы.

тов. Здесь выступила Н. К. Крупская с речью о детском коммунистическом движении.

22 августа открылся Международный детский конгресс, на котором с яркими речами выступили такие революционеры, как Бела Кун (от Коминтерна) и Макс Гельц, незадолго перед этим выпущенный из тюрьмы по требованию немецких трудящихся.

Английский пионер Пауль рассказал о борьбе, которую ведут английские пионеры против скаутов. Китайский делегат Чин обрисовал ненавистный для трудящихся Китая режим чанкайшистов, заставивший уйти в подполье коммунистов, комсомольцев и даже пионеров. Он рапортовал конгрессу, что, несмотря на террор, в Китае насчитывается более 170 тысяч юных ленинцев.

Конгресс закончился пением «Интернационала». Вечером в Парке культуры и отдыха устроили фейерверк.

На этом совещании я сообщил, что в нашей деревне организован колхоз из десяти дворов. Я даже рассказал о том, что у себя в деревне с помощью нашего вожака комсомольца Сулеймана Гареева мы организовали детскую «Коммуну» из десяти человек и что все коммунары активно участвовали в строительстве школы и читальни... А каждый член «Коммуны» обучил грамоте двух-трех взрослых.

На совещание при Народном комиссариате просвещения было приглашено более 900 делега-

Кстати, в этом парке столовались все делегаты слета. Парк был превращен в огромный пионерский лагерь. Кормили нас очень вкусно. Мне впервые в жизни удалось попробовать мороженое, виноград и кисель из фруктов. Нас было несколько тысяч, но никакой очереди в столовой не было. Меня поражало, какое бесконечное количество умывальников с туалетным мылом и полотенцами было расставлено в парке!

Москва в эти дни была разукрашена флагами, плакатами на многих языках народов СССР и мира. Один из плакатов в Замоскворечье гласил: «Рабочий, прибывших на слет детей прими и устрой, как желанных гостей!» И рабочие приняли нас, как дорогих гостей. Я уверен: каждый делегат I слета на всю жизнь благодарен Москве за такой прием.

В последующие дни мы выезжали в подмосковные воинские части, в пионерские лагеря, катались на автомобилях.

Наконец настал день закрытия слета. Вечером 25 августа на стадионе «Динамо» снова собрались пионеры Москвы и все делегаты.

В этот день на стадионе перед нами выступил поэт В. Маяковский и прочел свое стихотворение «Песня—молния» (тогда, конечно, я не смог запомнить ни названия стихотворения, ни содержания его). Однако мне

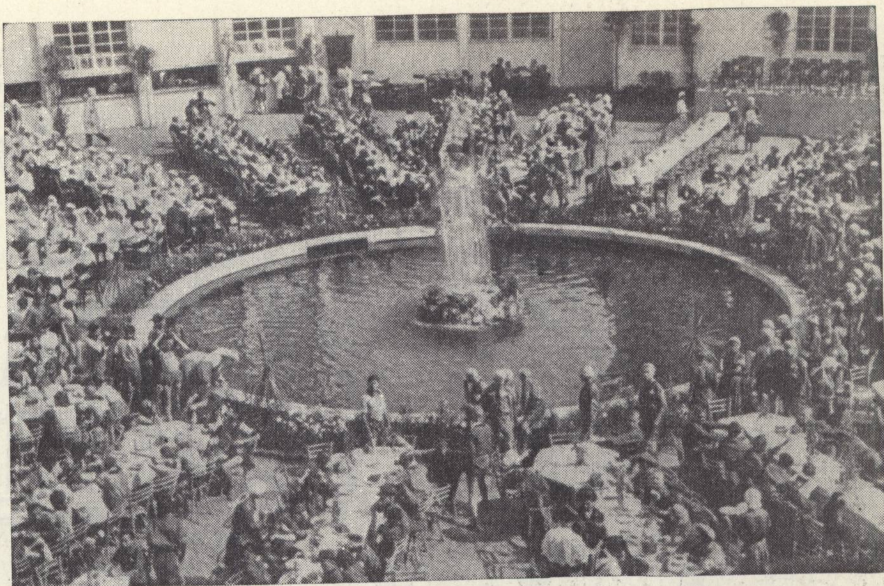
На открытии слета. Зарубежный гость и советский пионер приветствуют друг друга.

врезались в память строчки из этого стихотворения:

«Пора,
товарищ бабушка,
Садиться за букварь».

Высокий рост, громкий и сильный голос Маяковского сразу угомонили детвору, все слушали внимательно. Мы аплодировали, кричали «ура» и бросали вверх свои пилотки.

Встреча с поэтом Маяковским оставила у меня глубокий след. Я сразу полюбил его. А позже, став пионервожатым в средней школе и затем секретарем комсомольского комитета института, я старался привить любовь к его поэзии своим товарищам.



В Центральном парке культуры и отдыха. Какая огромная столовая!

На закрытии слета присутствовал Председатель ЦИКа Михаил Иванович Калинин, почетный пионер.

Слет завершился ослепительным фейерверком, веселыми песнями и музыкой.

Провожая нас, москвичи надавали нам столько подарков, что не было сил забрать все с собой. Книжные издательства и музеи подарили нам много книг и репродукций картин.

Простившись с великой Москвой и радушными москвичами, делегации начали разъезжаться по домам. Прибыли на вокзал и мы, пионеры Башкирии, Поволжья и Урала. Платформа опять была заполнена пионерами Москвы. Они выстроились вдоль всего нашего поезда. Духовой оркестр, исполнявший торжественно-маршевую музыку, задавал тон нашим проводам.

Пришло время отправления. Наш поезд набирает скорость, и мы расстаемся с Москвой. Както сразу стало грустно. Некоторые из нас вытащили из красивой зеленой сумочки (подарок от Центросоюза) памятный блокнот (подарок Центроиздата), на обложке которого было напечатано на 23 языках: «Привет делегату 1-го Всесоюзного пионерского слета!»,— и торопились записать свои впечатления о слете. Кое-что записал и я в свой блокнот.

Возвратившись на станцию Кандры, я вышел из вагона и сразу нашел попутчика, который и довез меня до деревни. Она показалась мне совсем маленькой, тихой, безлюдной. Раньше всех ко мне подбежала моя любимая собака Сарбай. Затем я увидел бежавших братишку и сестренку. Я им привез гостинцы.

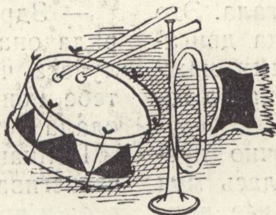
Вечером возвратились с поля родители. Каково же было их удивление, когда они увидели меня в обновке с ног до головы! Несколько дней подряд я им рассказывал об Уфе и Москве.

Еще больше пришлось рассказывать о слете первым комсомольцам, пионерам и организаторам колхоза имени Чапаева. Вскоре после слета и в нашей деревне был организован пионерский отряд. Вожатым избрали меня.

Делегаты слета, разъехавшись по всему Союзу, внесли много интересного и нового в жизнь пионерских организаций города и деревни. Уже через год после слета пионеры доложили XVI съезду партии, что они обучили грамоте более миллиона неграмотных, что они послали из городов пионерам деревни свыше 500 тысяч книг и 20 тысяч радиоприемников, что на средства, полученные от продажи собранного ими утиля, куплено для колхозов 4 500 тракторов.

С тех пор прошло тридцать два года. Выросла и окрепла пионерская организация имени В. И. Ленина. Весь мир восхищается успехами и мощью Советского Союза. И в этом немалая заслуга бывших пионеров, теперь уже взрослых граждан.

И. ГАБДУЛЛИН



ДЖУРБАЙ

РАССКАЗ

В. АЛЕКСАНДРОВА

Рисунки Н. Борисовой.

Уже стемнело. Мы шли по поселку. Джурбай, Фатыма и я. Все трое молчали. Джурбай, конечно, не шел сам. Фатыма несла его. Он сидел на жердочке, спрятав буро-розовый клюв под теплое черное крыло. Мы старались ступать ровно и не очень быстро идти, чтобы не разбудить его. Я шагала рядом с Фатымой, размахивала руками и иногда, как будто нечаянно, касалась гладких прутьев клетки.

Фатыма приехала в наш дачный поселок в начале лета. Она гостила в соседнем доме, у тети Наташи. Приехала она из Казахстана недели на три, а жила уже третий месяц и вроде не собиралась уезжать.

Глаза и волосы у Фатымы были одинакового цвета — черные с сининкой. Лицо загорелое, только на скулах светлые треугольники. А так девчонка как девчонка. Длинноногая, косастая. В сырую прохладную погоду она носила старую школьную форму, а в жару бегала в красном сарафане. Только вот как раз не бегала. Это только так говорится. Она всегда двигалась медленно, мелкими плавными шажками, словно плыла, с откинутой назад головой.

— Какая красивая походка! Точно кувшин на голове несет! — восхищалась моя бабушка.— Вот бы тебе взять с нее пример, а то спотыкаешься на каждом шагу, будто у тебя обе ноги левые. И вообще, Лена, советую тебе подружиться с этой девочкой. Славная она, по-моему, вежливая такая... Обходительная.

А я терпеть не могу дружить по чьему-нибудь совету. Дружба, ведь она всегда нечаянно получается. И хотя по соседству не было ни одной девчонки моего возраста — во всех домах или несмышленые, плаксивые малыши, или совсем взрослые семиклассницы, которые перекидывали косу через одно плечо и шептали друг дружке на ухо какие-то тайны,— все равно мне не хотелось дружить с Фатымой. Что ж из того, что мы обе перешли в шестой?

Фатыма заходила к нам на дачу почти каждый день. То взять для тети Наташи вчерашнюю газету со смешным фельетоном, то узнать, почему третий день не ходит молочница, баба Полина.

Едва открыв калитку, Фатыма здоровалась с Полканом.

— Здравствуй, товарищ собака! — говорила она вежливо.— Расскажи мне, пожалуйста, что ты видел сегодня во сне? А как тебе понравились косточки, которые прислала тетя Наташа?

Полкан припадал на передние лапы, взвизгивал и, чихая, приподнимал верхнюю губу и показывал желтые острые зубы. Так собаки улыбаются.

И мне тоже становилось смешно. Никто, кроме Фатымы, не принимал Полкана всерьез. Ведь он был не настоящий, породистый пес, а случайно приблудившаяся, некрасивая дворняжка с круглым хвостом и безо всякого характера.

А как Фатыма разговаривала с моим младшим братишкой, трехлетним Димкой! Ну, просто как с директором школы, честное слово!

Бабушка говорила, что Фатыма — человек деликатной души, а я считала, что она трусиха, и ничего больше. И Полкана боится и Димку побаивается. А я всегда презирала трусов.

Как-то вечером все же тетя Наташа уговорила меня поиграть с Фатымой в шашки. Мы уселись на терраске, и я с ходу выиграла три партии подряд. Фатыма играла в настоящие шашки, как в поддавки. Уж я ела, ела и даже устала есть ее фигуры.

— Учиться надо! — снисходительно сказала я Фатыме.— В кружок запишись. Вот у нас, в Доме пионеров...

— У нас тоже есть кружок в Доме пионеров,— тихо сказала Фатыма,— я там занималась... А под окном булькал арык. Зеленый, как трава...

— У нашей Фатымы — второй разряд по шашкам,— заметила тетя Наташа,— она даже чемпион своей школы.

Ох, до чего мне стало противно! Подлиза несчастная! Нарочно, значит, мне поддавалась, а я и поверила! У меня ведь не то что второго — никакошенького разряда нету. И когда я играю со старшим братом Валеркой, он всегда позволяет мне сразу поставить дамку и все равно выигрывает.

Я почувствовала, как у меня делается узкое горло. Так всегда со мной бывает, когда я на что-нибудь очень обижусь и хочу высказать все, что об этом думаю, а слова толкаются в горле, и одно мешает другому выйти.

Я ничего не сказала, только смешала шашки и решила не обращать на Фатыму никакого внимания. И я, может быть, так никогда бы и не узнала, что она за человек, если бы нечаянно не подслушала у колодца разговор моей бабушки и тети Наташи.

Тетя Наташа рассказывала, что Фатыма — дочка ее институтской подруги, а подруга уехала в научную командировку за какими-то лечебными водорослями. Сначала думали, что командировка недолгая, а теперь Фатымина мать задерживается и неизвестно когда вырвется из этих водорослей. И, значит, неизвестно, сколько еще Фатыме придется прожить у тети Наташи.

— Я боялась, что Фатыма будет очень скучать. Она ведь никогда раньше не уезжала из дому,— говорила тетя Наташа,— а она, представьте себе, даже и не вспоминает о своей матери.

Тетя Наташа ошибалась.

В тот же день, после обеда, Фатыма играла в саду с Димкой. От счастья, что с ним возится такая взрослая девочка, Димка сделался кисельного цвета и сопел и кричал на весь поселок. А я смотрела на них из окна. Верней, не смотрела, а изредка взглядывала, чтобы они не вообразили, что меня интересуют всякие малышовые игры.

Они строили высокую башню из кубиков. Осталось только поставить сверху прозрачную пирамидку, как вдруг Фатыма вскочила, толкнула Димку, опрокинула

башню... Она ухитрялась всегда открывать нашу скрипучую калитку совершенно бесшумно. А сейчас так рванула ее, что калитка пронзительно ойкнула от удивления.

Фатыма помчалась по улице. Догнала какую-то незнакомую женщину. Молча загородила ей дорогу. Потом отступила и медленно пошла назад. Теперь она шла не как всегда, а тяжело, трудно, словно тапочки ее были намазаны клеем и подошвы еле-еле отрывались от земли.

Фатыма вернулась к Димке, ревущему над развалинами башни.

— Прости, пожалуйста,— сказала она виновато,— я думала... Мне показалось... Эта тетя немного похожа на мою маму.

Тогда я поняла, что нужно проявить чуткость. Я вышла из дому и хлопнула Фатыму по плечу.

— Выше нос, Фатымка! Приедет твоя мама, не думай. И вообще иногда даже лучше одной пожить. Нотаций никто не читает. Верно?

Фатыма резко сбросила мою руку со своего плеча. Громко произнесла какое-то одно длинное слово. Ушла на дачу к тете Наташе и больше не вернулась.

И только когда она ушла, я разобрала, что это было за слово:

— Несмейменяжалеть!

Я поняла, что Фатыма гордая. А я уважаю гордых людей. Вечером я сама пошла к ней, позвала ее к себе и показала своих птиц. А я не всякому их показываю.

Птиц у меня было много. Целых семь клеток. В некоторых клетках птицы сидели по двое, а в большом позолоченном дворце с утра до вечера занимались гимнастикой четыре желтогрудых чижика.

Когда мы с Фатымой вошли, чижики удивленно запрыгали, приподняв желтые брови до самых черных шапочек, которыми были украшены их головки. Они косили на меня круглыми темными глазами. «Мол, чего пожаловала? Ужинать мы ужинали. Пить пили. Купаться купались. Спать пора. А ты всех переполошила».

И правда, обитатели других клеток тоже завозились, захлопали крыльями, защебетали. У Фатымы просто глаза разбежались. Всюду разные, совсем непохожие птицы, с разными голосами, с различной повадкой, разноцветные...

— Фью-лю-лю! Фью-ци-ци! — пронзительно затянула лазоревка, маленькая птичка с черными, словно сажей намазанными щеками, в платочке такого ослепительно синего цвета, как бывает море в ясный, солнечный день.

— Ти-ти! Ти-ти! — совсем про другое запела серо-зеленая лесная малиновка, притопывая голубыми ногами.— И-ти-ти...

— Цын-цын-цын! — глухим колокольчиком отозвалась овсянка, невидимая в своей коричневато-зеленой клетке.

А ее соседка, похожая на оживший лимон канарейка, печально завела совсем не в лад свое южное:

— Ля-ля...

Весело зацокал, защелкал пестрый, краснощекий щегленок.

Но вот голоса всех птиц покрыл сильный голос. Точно кто-то заиграл на лилипутской виолончели:

— Ля-ля! Ци-ци! Ти!

Он сплел в одну мелодию непохожие песни лесных и степных, южных и северных птиц, как цветы в один венок. И песня стала удивительно красивой, многоцветной, стройной... Сильный голос вел за собой птичий хор.

Это запел джурбай, черный жаворонок. Большой, коренастый, напружинив короткую, в коричневатых подпалинах шейку, полураскрыв клюв, он, казалось, не замечал ничего вокруг. Глаза его были закрыты. Он пел. И голос его то поднимался высоко-высоко, выше самых высоких деревьев, то опускался до земли, ниже корней травы. И, как всегда, когда слышишь настоящую музыку, хотелось и улыбаться, и вздыхать, и сделать кому-нибудь что-нибудь хорошее.

Мы с Фатымой стояли неподвижно и после того, как птицы перестали петь. Потом мы тихонько вышли в сад.

— Хочешь, я подарю тебе одну из моих птиц? — предложила я Фатыме.— Выбирай любую!

— Правда? Подаришь?

Когда Фатыма улыбалась, я всякий раз удивлялась, какие у нее белые и маленькие зубы.

— Честное слово, подарю.

— Спасибо, Леночка. Если можно, я возьму джурбая,— сказала Фатыма.— Это ведь не редкая птица. У нас в степи их полным-полно.

У меня упало сердце.

— Ты не обижайся, Фатымка, но джурбая мне отец подарил. А подарки не годится передаривать. Возьми лучше чижика. Все равно они дерутся и друг дружке хвосты выдирают. А поют они хорошо. Очень даже! Это ты кого хочешь спроси.

— Спасибо. Только я пошутила. Я терпеть не могу птичьего пения.

Фатыма ушла, а я так и не могла понять: хотела она на самом деле взять джурбая или правда пошутила.

Джурбая отец подарил мне ко дню рождения и велел особенно беречь, потому что у нас, в Московской области, степных черных жаворонков днем с огнем не сыщешь, и любители сходят по ним с ума.

— Джурбай — замечательный певец. Один человек, который очень любил птиц, называл песню черного жаворонка самой прекрасной песней на свете,— рассказывал отец,— а этот человек понимал толк в песнях. Он был поэт. Его звали Эдуард Багрицкий.

Отец привез джурбая из Средней Азии. Он ездил туда весной на сталелитейный комбинат. Опыт передавать. Сначала отец хотел привезти мне куклу в вышитом халате. Но потом на базаре случайно увидел жаворонка и вспомнил, как я люблю птиц.

Я очень привязалась к своему джурбаю. Заботливо ухаживала за ним. Приносила из зоомагазина мучных червей. Каждый день терла ему морковку, варила кашу. Я ценила джурбая больше всех своих птиц. Я только плечами пожала, когда один взрослый любитель предложил мне за него щенка боксера. И, конечно, смешно было подумать, что я отдам его какой-то девчонке. Пусть даже очень гордой!

На следующий день я проснулась на рассвете, сама не знаю почему. Все было тихо. Братья спали. В своей клетке на подоконнике спал джурбай. Не подавали голоса и другие птицы.

Воздух, такой непрозрачный, словно в нем размешали много облаков, втекал в комнату из сада. Он пахнул водой.

В окне показалась голова Фатымы. Она, как в кино, просвечивала сквозь туман и немного расплывалась. Фатыма стояла неподвижно. Смотрела на клетку с джурбаем.

На подоконник взлетел прожорливый воробей. Должно быть, голод разбудил его раньше всех. Воробей не обратил внимания на Фатыму. Чирикнул и нахально сунул клюв сквозь решетку в кормушку джурбая.

Джурбай встрепенулся. С маху стукнул жулика коротким широким клювом и вдруг так похоже передразнил его чириканье, что даже воробей оторопел. А Фатыма тихо рассмеялась и исчезла.

Несколько дней подряд приходила она на рассвете под мое окно. Иногда жаворонок пел, и мы обе, затаив дыхание, слушали его. Иногда он озорничал, передразнивал, как взвизгивает тряпка, когда ею проводят по стеклу, как каркают вороны...

Днем, встречаясь со мной, Фатыма делала вид, что джурбай ее совсем не интересует, и я тоже ничего ей не говорила. Через неделю жаворонок пропал. Должно быть, я неплотно прикрыла дверцу клетки, когда ее чистила, и он улетел.

Сначала я выплакала весь запас слез, какого бережливому человеку хватит года на три, а потом принялась искать жаворонка. Я бегала по саду, по полю, по лесу... Подсвистывала, звала. Джурбай не отвечал... Соседские ребята рассказали мне, что он залетел к Дениске, мальчишке-голубятнику с Лесной улицы. И Дениска хвастается, что продаст жаворонка на птичьем рынке или сменяет на пару самых лучших почтарей.

Если бы у меня отняли мячик или тетрадку, прыгалки или ленту из косы, если бы кто-нибудь обидел меня, все равно кто, в это дело обязательно вмешался бы мой старший брат Валерка и восстановил справедливость. Но птиц Валерка не любил. Принципиально. Он говорил, что от них мало пользы и много шума. И что от их пения у него жужжит в ушах.

Почему-то, когда он, вытаращив глаза, сидел перед телевизором и смотрел футбол, а болельщики на стадионе кричали так, что у нас в комнате дрожали стекла, тут у Валерия в ушах не жужжало.

Как бы там ни было, идти к Денису пришлось мне одной. Взрослым в птичьих историях всегда трудно разобраться. А потом у нас в поселке считалось, что их и не полагается вмешивать в такие дела.

По дороге за мной увязалась Фатыма. Она шла молча, по другой стороне улицы, как будто со мной и не знакома. Но в дом к Денису мы вошли вместе.

Денис был один. Перед ним на столе стояла маленькая тесная клетка, а в ней сидел мой джурбай. Нахохлившийся, неподвижный, весь какой-то расслабленный, он не пел. Грустил.

— Ты чего не ешь? Чего воображаешь?— ворчал Денис и совал ему к носу хлебные крошки.

Но джурбай отводил в сторону клюв. Его темно-карие глазки смотрели недовольно.

Увидев меня и Фатыму, Денис вскочил и, сунув руки в карманы, воинственно выставив локти, пошел на нас.

— Чего надо?

— Ничего,— ответила я неожиданно для себя очень тоненьким голоском. Все-таки Денис считался главным мальчишкой на своей улице, и многие не решались с ним связываться.

— Здравствуй,— вежливо сказала Фатыма.— Прости, пожалуйста, что мы пришли без приглашения.

Денис немного растерялся.

— Чего надо? — повторил он, но уже не так задиристо.

— Отдай моего джурбая,— сказала я просительно.

— А с чего ты взяла, что он твой? Мой он. Понятно? И был моим и будет.

— Откуда же он у тебя взялся? — возмутилась я.

— Откуда? От верблюда. И весь разговор! — Толстые щеки Дениса надулись, как воздушные шары.

В тишине стало слышно, как в ящике под окном тихонько, шепотком воркуют голуби. Наверно, джурбай и залетел сюда, чтобы послушать их голоса. Ведь он так жадно хотел знать все птичьи песни!.. Только голуби-то не поют. А под окном у Дениски, возможно, была ловушка. С него станется, он таковский.

— Скажи, пожалуйста, Денис, а давно у тебя этот жаворонок? — так же вежливо спросила Фатыма.

— Ну, давно! А вам какое дело? Еще желтоклювым купил его на птичьем рынке. Со птенчества воспитываю.— Денис хихикнул с торжеством. Что, мол, взяли?

— Денис, это же моя птица.— Я смотрела ему прямо в глаза: может, застыдится?— Отдавать полагается, если случайно залетит. Таков у птичников закон.

Денис, конечно, знал этот закон, но он твердо решил не отдавать жаворонка.

— Ха! Законница выискалась! Если так все законы вызубрила, докажи сначала, что жаворонок твой!

Так действительно положено у птичников.

Но чем я могла доказать? Джурбай не был окольцован. Когда я протянула руку к

клетке, он обрадовался, забил крыльями. Только ведь это не доказательство.

Я постояла еще, посмотрела на жаворонка и пошла...

— Ох, и злой петь мой жаворонок! — издевательски сказал мне вслед Денис.— Приходи когда послушать.

И, словно подчинившись его приказу, жаворонок запел. Он пел какую-то необыкновенную песню, какой я раньше никогда от него не слышала. Широко растопырив крылья, джурбай шипел, переливчато свистел и сипел, словно больной ангиной. Заболел он в самом деле, что ли?

«Замучает Дениска джурбая, обязательно замучает или продаст кому попало»,— думала я и хотела сказать Денису самые оскорбительные слова, но, как всегда со мной бывает в таких случаях, у меня сделалось узкое горло.

Я совсем забыла про Фатыму. А она вдруг шагнула к столу и спокойно взяла клетку с жаворонком.

— Ты что делаешь? — заорал Денис и сжал кулаки.

Кулаки у него были большие. Но Фатыма не испугалась. Даже в лице не переменилась. Только треугольники на скулах у нее потемнели.

— Если этот джурбай твой, откуда он знает голос нашего казахского ягнятника? — спросила она невозмутимо.— Ягнятник — злая, хищная птица, он так всегда кричит, когда разозлится.

У Дениса разжались пальцы. Жаворонок, выросший в московской комнате, конечно, не знал бы голоса ягнятника. Против такого доказательства возразить было нечего. Дениска мог силой отнять у нас жаворонка, но он помнил, как сурово относятся птичники к нарушителям закона. Никто не будет с ним меняться птицами или одалживать корм. Ни один, даже самый маленький голубятник, которому мама еще пришивает носовой платок к рукаву, не станет с ним водиться. И не только наши ребята, но и все жители соседних поселков будут иметь право загонять к себе его голубей. Без возврата.

Так поступают у нас с нарушителями главного закона птичников.

И Денис не посмел пойти против него. Он только смотрел, как мы уходили, и лицо его становилось от бессильной злости, а может, и от стыда все краснее и круглее.

— Прости, пожалуйста, но ты поступил не очень хорошо,— сказала ему на прощание Фатыма.

Когда мы прошли уже половину дороги, я спросила Фатыму:

— Фатымка, а почему ты мне тогда проиграла три партии в шашки, подряд? Нарочно, да?

— Нет,— подумав, вспомнила Фатыма,— я просто задумалась о другом. Ты уж извини, Леночка.

— Ты о доме задумалась о своем, да? Ты о маме скучала? — догадалась я.

— Ага,— призналась Фатыма,— а когда твоего джурбая слушала, я не так скучала. Поменьше.

— Знаешь что...— сказала я и отчаянно махнула рукой,— знаешь что... Бери моего джурбая. Насовсем!

Но Фатыма, точно ждала этого предложения, только головой помотала.

— Нет... Когда моя мама наконец найдет свои лечебные водоросли, я уеду домой. А у нас там джурбаев полным-полно. А этот джурбай будет жить у тебя в Москве. И когда он запоет, ты вспомнишь наш Казахстан и меня немножко, да?

Я хотела сказать Фатыме, что я ей настоящий друг. И еще много всякого. Но сказала почему-то:

— Вообще птицы приносят пользу.

— Да. И они поют,— согласилась Фатыма.

Уже стемнело. Мы шли по поселку. Джурбай, Фатыма и я.

„Умные" машины за работой

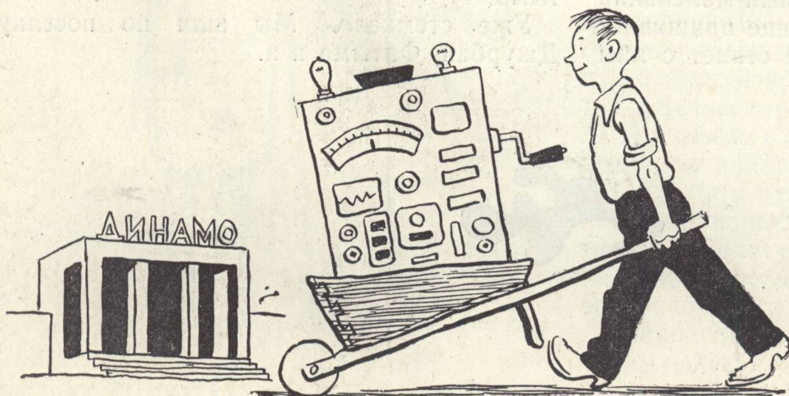
МАШИНА УПРАВЛЯЕТ МАШИНАМИ

Почитатели футбола, конечно, хорошо помнят, с каким триумфом закончила летний спортивный сезон киевская команда «Динамо»: она стала чемпионом Советского Союза. Но путь украинских футболистов к славе был нелегким. И нередко сообщения радио об ожесточенных футбольных сражениях любимой команды в других городах страны не только радовали, но и огорчали азартных киевских болельщиков. Еще за неделю до 15 сентября, когда динамовцы должны были встретиться с московской командой «Торпедо», рыцари кожаного мяча необычайно волновались. Их мучила одна мысль: кто победит? С каким счетом? Предположения высказывались самые невероятные.

Но прогнозы в футболе, как известно, дело ненадежное. Рассказывают, что молодые математики из Вычислительного центра Украинской Академии наук, устав от споров, обратились за решающим словом к... электронной машине. Они вспомнили результаты встреч «Динамо» и «Торпедо» в прошлые годы, условия, в каких проходили игры, составили специальную программу и вложили ее в электронную вычислительную машину «Киев».

Машина молниеносно проделала несколько тысяч математических расчетов и предсказала победу киевских динамовцев со счетом 2 : 1.

И что же? Киевские футболисты на самом деле победили, правда, с результатом 2 : 0. Сотрудники Вычислительного центра остались довольны этим счетом и охотно простили «предсказателю» небольшую ошибку. Они шутили, что это их вина: они не сумели ввести в программу, заданную машине, боевой, наступательный дух и волю киевских динамовцев к победе.



Эта забавная история лишь незначительный эпизод в богатой событиями жизни электронно-вычислительной машины «Киев». Инженеры и математики, обслуживающие «умную» машину, особенно гордятся ее последними успехами.

Недавно, накануне праздника Великого Октября, рабочие одного из цехов содового завода в Славянске услышали новость.

— Сегодня вы свободны, товарищи,— сказал им инженер.— Все сделает за вас электронная машина.

— Где же она, эта машина? — удивился кто-то из рабочих.

— В Вычислительном центре. Машина из Киева будет регулировать работу карбонизационной колонны по телеграфу.

— За 630 километров? Ну и ну! — недоверчиво сказал рабочий.— Посмотрим, что из этой затеи получится...

Производство соды очень сложно. У карбонизационных колонн — огромных, в несколько этажей башен — трудится несколько человек рабочих-аппаратчиков. Они внимательно следят за тем, что происходит в колонне, изменяют температуру, давление, вносят различные добавки.

Тут все зависит от умения людей: чем опытней аппаратчик, тем больше соды он сумеет получить за смену, тем больше ценного сырья он сбережет. А сода нужна везде: ведь без нее не сваришь мыла, не изготовишь стекла, и многого другого не сделаешь без соды.

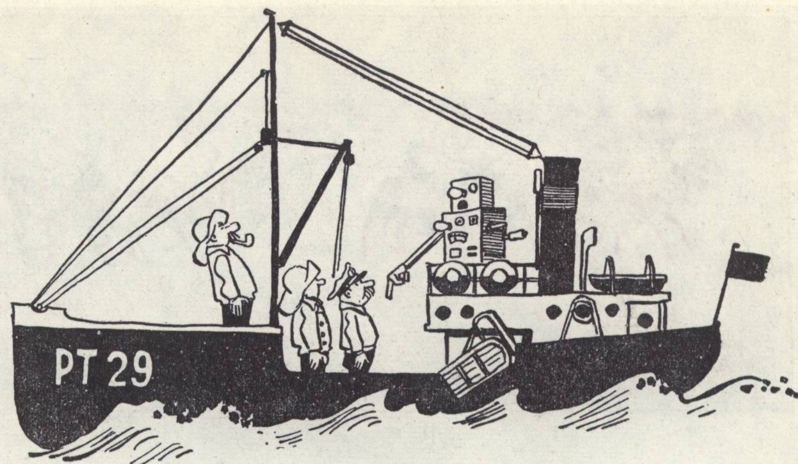
И вот начался опыт. Инженеры включают карбонизационную колонну. Двенадцать сложных приборов зорко следят за тем, что творится в колонне, и... передают полученные сведения по телеграфу в Вычислительный центр.

А в Киеве сигналы поступают прямо в электронную машину. Потрескивают реле, позванивают звонки, с невероятной быстротой мерцают лампочки — трудится машина-математик. Она решает тысячи сложнейших уравнений и по телеграфу же сообщает в Славянск: «Повернуть регулятор. Прибавить воздуха. Уменьшить температуру...»

Двое суток продолжался этот удивительный опыт. Сорок восемь часов, забыв о сне, не отходили инженеры от машины «Киев». Сорок восемь часов аппаратчики в

Славянске наблюдали за работой колонны. И машина отлично выдержала испытание. Она работала лучше самого опытного аппаратчика и не допустила ни одной ошибки. Колонна, которой управляла машина, произвела соды больше, чем обычно.

Вот какой надежный помощник есть у человека — электронная вычислительная машина!



Пройдет немного лет, и «умные» машины будут управлять не только содовыми заводами. Они будут добывать уголь в шахтах, плавить чугун, варить сталь, добывать нефть из недр земли, водить поезда и пароходы. А человек, создавший эти машины, будет управлять ими, составлять программу их действия. Конечно, для этого он должен много знать. Новое общество, которое строит советский народ, — коммунизм — будет веком «умных» машин.

Ю. Ульянов

ЧУДО-КОРАБЛЬ

В Ленинграде есть институт «Гипрорыбфлот». Работники этого института разрабатывают проект автоматического рыболовного судна-траулера.

Суровое Балтийское море редко бывает спокойным. Штормы не дают рыбакам заниматься своим делом.

Вот почему ленинградские конструкторы решили создать такой траулер, которому не страшна непогода. В самый сильный шторм рыбаки не будут прекращать лов.

Команда траулера будет раз в десять меньше, чем на обычном судне такого же водоизмещения. И специальности у моряков будут тоже необычные: кроме «морского волка» — капитана, там, как на заводе, будут наладчики, контролеры, диспетчеры, а рыбу будут ловить не рыбаки, а... автоматы. Команда траулера будет только управлять «умными» машинами.

Все контрольные приборы будут находиться в большом, светлом зале — координационном центре управления. Здесь же будет и электронно-вычислительная машина, управляющая множеством механизмов траулера.

Скорость ветра и силу течений — все учтут автоматы и поведут судно по точно намеченному курсу.

Электронная машина будет искать рыбу в море. Представьте себе: где-то под водой идет косяк сельди. Попробуйте-ка найдите его там! А электронные приборы умеют это делать. Как только невидимый луч скользнет по косяку, траулер развернется, подойдет к самому центру косяка и начнет лов. И все это сделают автоматы!

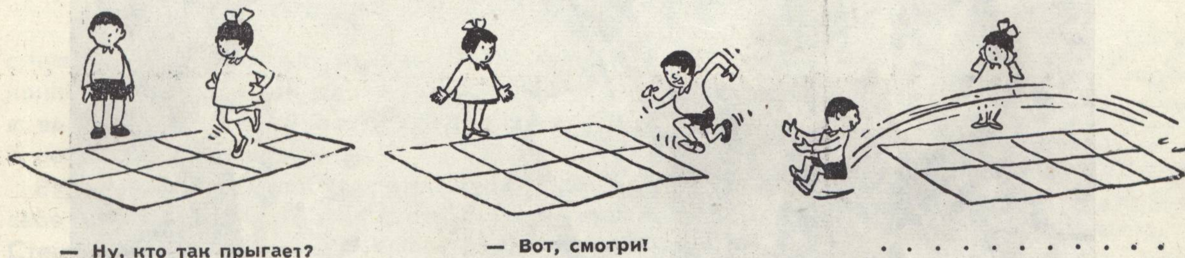
Ну, а если не окажется в этом районе сельди, как тогда быть? Электронная машина все рассчитает, все взвесит и подскажет, какую рыбу лучше ловить при данных условиях. Нет, скажем, сельди — по приказу машины будет спущен глубоководный трал, и начнется лов морского окуня.

Но на этом не кончается работа автоматов. Выловленная рыба проходит на корабле долгий путь. Разделывать и складывать ее в холодильные камеры тоже будут машины. А когда трюмы наполнятся до отказа, автоматы пошлют об этом сигнал капитану.

Вот какой удивительный корабль задумали создать ленинградские судостроители!

И. Григорьев

Рисунок А. ШАБАНОВА.



— Ну, кто так прыгает?

— Вот, смотри!

. . . .

В ДАЛЕКОЙ ТУНДРЕ

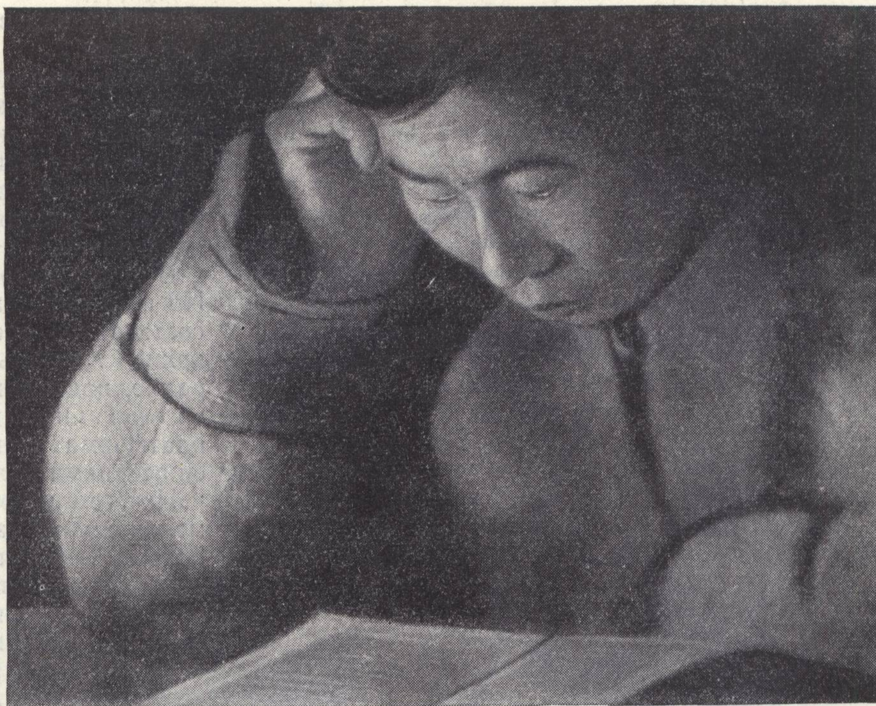
Фотоочерк Вениамина КОНСТАНТИНОВА

Безбрежны снежные просторы Таймыра. Долгие часы можно ехать по тундре на быстрых оленях, а все не встретишь поселка, чума, все не попадется навстречу ни одной упряжки. Только низкорослые лиственницы мелькают на снегу да изредка взовьется в небо стая белых куропаток. И путешественнику начинает казаться, что древнее лицо тундры не изменилось, что тундра такая же, как много лет назад...

Но вот под лиственницами показались ветвистые рога оленей. Это домашние олени, они не шарахаются при виде людей. Значит, неподалеку чум. Там путники отдохнут и напьются горячего чаю.

И только приезжий попадает в чум и всту-

пает в беседу с его жителями, как немедленно убеждается, каким обманчивым было первое впечатление. Нет, тундра стала совсем другой, облик Таймыра изменился. Он изменился потому, что иными стали судьбы обитателей тундры. Люди в чуме живут интересной, творческой жизнью, читают книги, тянутся к знанию.



Взгляните на эти фотографии... В таймырских колхозах устраивают оленьи гонки. Это не просто забава. Во время гонок узнается, чья упряжка бежит быстрее и кто в колхозе достоин звания лучшего каюра — погонщика оленей. Такой каюр не только ловчей других управляет упряжкой, его олени быстроноги еще и потому, что за ними был любовный уход...

На фотографии мы видим оленьи гонки в колхозе «Искра». Отличных оленей воспитали каюры «Искры», а олени — это богатство колхоза.

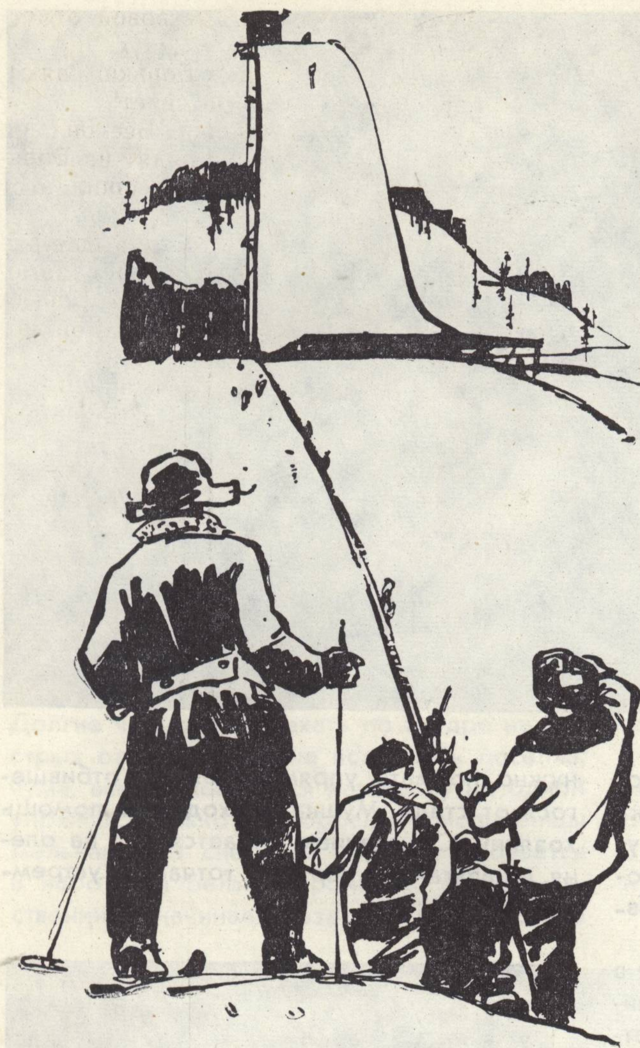
Хотите еще отчетливей увидеть новое лицо тундры? Загляните в колхозную школу... Третьеклассница Надя Аксенова читает стихи эвенкийского поэта Платонова, навеянные «Памятником» Пушкина.

...Посмотри, кем стал калмык
И тунгус когда-то дикий,—

с чувством декламирует девочка. И, несомненно, произнося эти слова, обращенные к великому русскому поэту, Надя думает о себе и о своих близких.

Взрослые тоже любят литературу. Все свое свободное время колхозный пастух Степан Прошкин отдает чтению. Видите, с каким увлечением читает он новую книгу.

А это верный друг Степана — собачка Мушка, очень забавная и умная. Когда нужно поймать упрямого оленя, отбившегося от стада, Мушка приходит на помощь хозяину. С рычанием кидается она на оленя, и напуганный упрямец тотчас же устремляется к пастуху...



Борька со Второй Лесной

Борис РАЕВСКИЙ **Рисунки В. Юдина.**

Гигантский сработанный из металла и бетона красавец-трамплин властвовал над местностью. Гордо вознесся он и над дачными домишками, и над трубой фанерного завода, и над вершинами самых высоких сосен.

Здесь, неподалеку от города, казалось, все стремилось к этому могучему трамплину. К нему сбегался веер дорог, к нему тянулись просеки в лесу, возле него свернулось, покорно легло кольцо трамвая и встала платформа электрички.

В будни зимой здесь тихо, пустынно. Но по воскресеньям, и особенно в дни состязаний, все оживало. Мелькали яркие костюмы лыжников, гремело радио, подкатывали трамваи, похожие на ежей. Огромного ежа напоминала и платформа электрички, ощетинившаяся остриями палок и лыж.

Нечего и говорить, что все окрестные мальчишки в такие дни теряли покой! Здешние мальчишки знали толк и в прыжках и в слаломе. Они росли в зоне могучих притягивающих волн громадины трамплина. И такие слова, как «стол отрыва», «воздушная подушка», «гора разгона», вошли в их сознание значительно раньше, чем правила умножения дробей и закон Архимеда.

В воскресенье утром Борька Филиппов со Второй Лесной вместе с братом шел по улице. Артем уже студент и старше Борьки на семь лет.

У обоих братьев на плечах лыжи. Но у Борьки обычные, легкие, а у Артема настоящие прыжковые: широкие, длинные, особо прочные. Весят такие лыжи чуть не полпуда.

Борька на ходу то и дело здоровался с приятелями. Здесь, на улицах, ведущих к большому трамплину, он знал всех мальчишек. Вместе учились в школе, вместе гоняли на лыжах. Мальчишки кивали Борьке, но глядели больше на Артема. Артема здесь все тоже знали: вырос тут. Но главное — Артем был классным прыгуном с трамплина.

Недаром Борька вышагивал такой важный! И в самом деле, он чувствовал себя самым счастливым из мальчишек всей Второй Лесной и даже всего поселка. Такой брат не шуточки!

Борька с любовью оглядывает рослую фигуру Артема, его развернутые плечи. Даже под свитером чувствуется, какие у него могучие мускулы.

Когда Борька был поменьше, он любил подойти к брату, обхватить двумя руками его эластичный, как резина, бицепс и сдавить его.

— Сильней, сильней! — смеясь, командовал Артем.

Потом он вдруг напрягал руку. Бицепс внезапно оживал, вздувался бугром, превращался в твердый булыжник и легко разрывал кольцо Борькиных рук.

...Братья неторопливо идут по улице. Утро веселое, солнечное. Снег брызжет голубыми и оранжевыми искрами. И тени на снегу тоже голубоватые. И далекий гудок электрички тоже веселый и тоже, кажется, голубой.

Артем, увидев лоточницу, подмигивает брату:

— Умнем?

Борька кивает.

Они подходят к лотку, над сверкающим металлическим ящиком вьется вкусный парок. Продавщица, не спрашивая, достает из ящика четыре горячих пирожка с капустой. Она знает: Артем всегда берет четыре и всегда с капустой.

На морозце пирожки вкусные, прямо тают во рту. Но особенно аппетитными кажутся они Борьке потому, что это Артем угощает. Борька украдкой скашивает глаза: видит ли кто-нибудь? Ага! Трое мальчишек из седьмого «А» смотрят на них, о чем-то шепчутся.

...Артем с Борькой направляются к большому трамплину. Борька остается внизу. А Артем медленно поднимается все выше и выше; вот уже он над холмом, густо поросшим соснами, вот уже и над лесом, выше, выше...

Запрокинув голову, защитив ладонью глаза, Борька смотрит наверх. Скоро ли мелькнет там сжатая в упругий комок знакомая фигура?

И вот вдали, высоко-высоко, по гладкому, словно накрахмаленному склону летит лыжник в синем свитере. На таком расстоянии, конечно, не разобрать лица. И синие свитеры у многих прыгунов. Но Борька не спутает: это Артем!

Лыжник скользит все стремительней. Вот он делает быстрое движение руками — взмахивает ими, как крыльями. И кажется, что у него действительно выросли крылья! Оторвавшись от трамплина, он летит по воздуху, парит, подавшись всем телом вперед. Как свободны, как естественны все его движения!

Борька следит, не отрывая глаз. Сколько пролетит? Пожалуй, за пятьдесят.

Артем, описав плавную кривую в воздухе, снижается. Вот его лыжи коснулись снега. Так и есть! За пятидесятиметровой отметкой!

Молодец Артем! Глаза у Борьки сияют, да не только глаза, весь он сияет!

Рядом толпятся мальчишки. Все они на лыжах. И все с уважением глядят на Борьку. Будто не брат, а он сам совершил этот отличный прыжок.

Тренируется Артем долго. Еще и еще раз прыгает с трамплина. Выслушивает замечания тренера и опять прыгает. А Борька стоит внизу и терпеливо ждет. Так он может стоять и час и два...

Но вот последний прыжок. Артем приземлился, резко затормозил и неторопливо идет к братишке.

— Пойдем, Щолазик! — говорит Артем.

«Щолазиком» он зовет Борьку. Когда тот был еще совсем карапузом, он, глядя, как прыгает Артем, заливисто смеялся и кричал:

— Що лазик! (Еще разик!)

Братья, сопровождаемые целой ватагой мальчишек, идут лесной просекой. Путь их — к другому трамплину, малому. Он только называется так — «малый», а на самом деле вовсе не такой уж маленький — высотой с целый дом!

Теперь старший брат стоит внизу, а младший лезет на гору.

Борька набирает скорость... Прыжок!..

— Резче выталкивайся,— говорит Артем, когда Борька подбегает к нему.— И руки посылай вперед...

Борька опять взбирается на гору, снова прыгает, и Артем опять учит его, как добиться, чтобы прыжок получался длинным и красивым.

Слушают Артема и другие ребята. Борька то и дело ловит их завистливые взгляды.

«Везет же человеку!» — откровенно говорят эти взгляды.

И Борька сам себе честно признается: да, повезло. Такой брат!

Борька радуется, когда кто-нибудь говорит:

— Смотрите, до чего ж они похожи!

Действительно, братья — оба широкоскулые, курносые, светловолосые, и в довершение сходства у обоих длинные, густые, косматые брови, которые вечно шевелятся, как маленькие зверьки.

Борька подражает брату даже в мелочах. Говорит он тоже медленно и чуть с хрипотцой, как Артем. И тожс, когда читает или думает, теребит мочку уха.

Под вечер Артем с Борькой возвращают-

ся домой. После лыж дома всегда особенно хорошо. Тепло. Приятной тяжестью наполнены мускулы. Борька очень любит эти «послетрамплинные» вечера. Обычно Артем, придя, сразу подсаживается к приемнику. Долго вертит чуткие эбонитовые тумблеры. В комнату врываются то звуки оркестра, то далекая чужая речь, то всплески, завывание волн, то какой-то грохот, будто ревет гигантский водопад.

Звуки, звуки... Воздушный океан весь полон звуков. Борька готов часами вслушиваться в этот непонятный хаос: как огромен, как необъятен мир!

Но сегодня, едва вспыхнул зеленый глазок приемника, в прихожей раздался звонок. Кто бы это?

Артем открыл. Вошел какой-то невысокий, кряжистый парень в смешной вязаной шапочке с длинной, свисающей к уху кисточкой.

— Хо! — обрадовался Артем.— Володя! Какими судьбами?

Они прошли к Артему, в его кабинет. Это звучит важно, «кабинет», а вообще-то — маленькая каморка; отец сам отделил ее тонкой перегородкой от большой комнаты, когда Артем поступил в институт.

— Студенту нужен покой,— говорил отец.— Наука не терпит суеты.

Борька остался один. Повертел ручки приемника — одному неинтересно. Выключил. Взял книгу, но читать не смог.

Сквозь тонкую дощатую перегородку слышны голоса.

— Ну, чего упрямишься? — гудит, как шмель, парень с кисточкой.— Ну, чего...

Артем молчит.

— И Кавказ поглядишь. Бакуриани — это знаешь, какая красотища?!

Артем молчит.

— Ну, кто узнает? — вкрадчиво доказывает Володя.— И не за Америку ведь будешь выступать... За свою же, советскую команду. Ну, не институтскую, а «Трудовых резервов». Эка важность!

Борька холодеет. Повернувшись лицом к дощатой переборке, встревоженно ловит каждое слово. Чего Артем слушает этого ловкача?! Выгнать — и конец. Ишь, какой! Переманивает...

Артем всегда возмущался: как это подло — бросать товарищей, уходить в другую команду! Чего же он нынче молчит?

— И всего-то на недельку,— опять гудит шмель.— У тебя как раз каникулы...

«Все учел,— думает Борька.— И каникулы и что Артем давно насчет Кавказа мечтает!»

— Выручай,— просит Володя.— По старому знакомству...

В кабинете становится тихо. Скрипит половица. Но из кабинета никто не выходит. А половица скрипит и скрипит.

«Артем»,— догадывается Борька. У брата привычка ходить, когда обдумывает что-нибудь.

«Тут-то чего обдумывать? — недоумевает Борька.— Прогнать — и все!»

— А как же...— в раздумье, медленно, с хрипотцой произносит Артем.— У меня же в паспорте штамп института...

«Что он говорит? — бледнеет Борька.— Что он такое говорит?!»

— Это уж не твоя забота,— вмиг повеселев, гудит шмель.— Шлепнут тебе заводскую печатку: «Принят». А пройдут соревнования — еще штемпелек: «Уволен». И концы в воду! — Парень густо смеется.

Опять скрипит, скрипит половица.

— И учти: командировочные, суточные, гостиница и все такое прочее,— прикидывает парень, как продавщица довесок.

У Борьки загораются уши, пылают все ярче и ярче, он их уже чувствует, не прикасаясь руками.

Но тут в комнату входит отец. Вернулся из города, весело распаковывает покупку, включает радио.

Больше из кабинета ничего не слышно.

Вскоре оттуда выходит Артем со своим гостем. Гость глядит на Борьку, потом на Артема, опять на Борьку...

— Ого! — улыбается.— Кажется, я нынче не пил, а в глазах двоится. Это что ж, еще один Артем?

В другое время Борька очень обрадовался бы. Но сейчас...

Он молчит, в глазах его вспыхивают зеленые огоньки.

Гость улыбается, что-то еще говорит. Борька молчит.

— Пойдем, Володя,— хмурится Артем.— Это ж волчонок...

* * *

Ночью Борька ворочается с боку на бок. Снится ему: какой-то лыжник в синем костюме хочет прыгнуть с огромного трамплина. Вот он появляется из люка... Разогнался... Вот уже готов оттолкнуться... Но тут трамплин вдруг обрушивается. И прыгун летит в пропасть.

— Ой! — вскрикивает Борька.

Но сидящий на судейской вышке судья-информатор почему-то не волнуется. Наклоняется к микрофону и внятно объявляет: прыгун хотел сжульничать, не надо, граждане, его жалеть.

Борька тяжело сопит, натягивает на голову одеяло, что-то бормочет.

И опять его мучает сон. Команда выстраивается. Ей должны вручить приз. Главный судья подходит с хрустальным кубком в руке к одному из прыгунов. Протягивает ему приз, но кубок вдруг превращается в стальные наручники, и они с лязгом защелкиваются на запястьях прыгуна...

Утром Борька, невыспавшийся, бледный, наскоро проглатывает завтрак и убегает в школу. Артем еще спит: у студентов каникулы. И хорошо, что спит! У Борьки нет никакого желания разговаривать с братом. Когда Борька вернулся из школы, Артем сидел за столом и читал. Борька молча положил портфель, разделся. Молча сели обедать.

Младший брат изредка украдкой бросает короткие взгляды на старшего. Тот выглядит, как всегда. Спокоен, нетороплив. Это-то больше всего и возмущает Борьку. Как же так? Собирается сжулить, словчить, а спокоен, будто и не было вчерашнего разговора с тем «жуком». И ухо теребит.... Дурацкая привычка!..

В конце концов Борька не выдерживает.

— Значит, едешь? — спрашивает он.— Бакуриани. Это такая красотища!..

— Значит, подслушиваешь?! — перебивает Артем.

— Вы б орали громче! — злится Борька.— Больно мне надо подслушивать! Слышал, а не подслушивал!

Артем молчит. Умолкает и Борька. Они долго едят в тишине.

— Ведь не за Америку я буду выступать,— негромко произносит Артем.— Своя ведь команда, советская...

— Только не институтская, а «Трудовых резервов»! — кипя негодованием, подсказывает Борька.

Это надо же! Артем, его замечательный Артем, будто наизусть вызубрил слова того жулика с кисточкой. И теперь кроет ими, как собственными.

— И Кавказ я давно хочу посмотреть,— говорит Артем.— А тут такой случай...

Борька молчит. Много мог бы он сказать брату. Но к чему говорить, когда тебе тринадцать, а брату двадцать?! Разве послушается? Взрослые, они всегда уверены, что во всем правы...

И все-таки Борька попробовал. Когда Артем уходит в свою комнату, он бросается к брату, обнимает за шею и горячо шепчет:

— Ну, пожалуйста, не надо! Останься! Слышишь, Артем? Останься, прошу тебя...— Но Артем отстраняет его.

— Мал ты, Щолазик! — спокойно говорит он.— И ничего не понимаешь. А жизнь— штука сложная!..

Да, жизнь — сложная штука, это Борька уже почувствовал. Как же так получается: Артем, тот самый Артем, который до вчерашнего дня был для него самым родным, самым честным, самым прямым, самым уважаемым человеком, вдруг оказался обманщиком?!

И зачем Артему это жульничество? Прокатиться на Кавказ? Подумаешь! Подождал бы и со своей командой куда-нибудь махнул. Вон в прошлом году ездили же они в Москву.

«Это, наверно, и есть легкомыслие,— думает Борька.— Артем легкомысленный, факт. Отец сколько раз ему твердил: не доведет тебя легкомыслие до добра. Так и есть!»

У Борьки еще теплится надежда: а вдруг все сорвется! Очень даже может быть! Отменят состязания. Или команда «Трудовых резервов» почему-то не сможет ехать. Или окажется, что этот «жук» с кисточкой набрехал...

Но назавтра Артем рано утром уезжает в город, возвращается под вечер и сразу вытаскивает чемодан. Укладывает туда свой синий свитер, брюки со штрипками—у всех прыгунов такие,—вязаную шапочку с помпоном, как у малышей.

Потом долго и придирчиво осматривает лыжи, свои чудесные лыжи из редкого, особо прочного дерева — хикори.

Заботливо проверяет Артем крепления на каждой лыже, специально горнолыжные крепления, сверкающие сталью пружин и зажимов. Потом так же дотошно ощупывает, чистит свои крепкие прыжковые ботинки.

Борька очень любит помогать брату перед состязаниями. Но сегодня у него нет сил смотреть на эти сборы.

«Ты еще понюхай, оближи!» — зло думает он, глядя, как брат ласково проводит рукой по скользким поверхностям лыж.

А когда Артем бритвенным лезвием соскабливает старый лак и наждачной бумагой тщательно шлифует лыжи, Борька не выдерживает.

Обычно он сам, правда, под пристальным наблюдением Артема, делал это, и вот теперь...

Борька чувствует, что сейчас он или заплачет или сделает какую-нибудь глупость. И он уходит. Уходит на весь вечер к приятелям. Пусть Артем собирается без него. И уезжает без него. Пусть...

Шагая по улицам, Борька думает: да, сложная штука — жизнь. Вот уезжает Артем, и — хоть лопни! — никак не отговорить его. А ведь нельзя ехать, нельзя! Сам потом пожалеет, да будет поздно...

Сказать отцу? Вот еще! Да и не станет отец вмешиваться. Скажет, Артем уже взрослый, сам знает, что делает. Как же удержать Артема? Как?

Да, сложная штука — жизнь...

Борька вдруг замечает, что, шагая, он теребит ухо, как Артем, и с досадой отдергивает руку. Вот еще, научился!..

Но что делать?

Мчаться на вокзал, перехватить там Артема? Нет, не послушается...

«Но ведь я прав! Прав! Я прав! — яростно убеждает себя Борька.— Когда-то Артем говорил: правду нужно защищать не словом, а делом! Сам так говорил...»

Долго еще мучается Борька. Трудно следовать велению долга, когда тебе всего тринадцать лет, а выступать надо против собственного брата.

Он возвращается домой. Артема нет.

«К Томке своей прощаться побежал», — догадывается Борька.

Он скидывает тужурку, бросается на диван. Да, сложная штука — жизнь!

Уткнувшись головой в диванную подушку, он чуть не плачет от ярости и обиды.

«Что же все-таки делать? Что?..»

И вдруг вскакивает с дивана... Замечательный выход! Такой простой и такой чудесный! Как только он раньше не сообразил?!.

Борька даже повеселел. И почему-то почувствовал, что здорово голоден. Еще бы! Он, кажется, забыл пообедать? Идет к буфету, отрезает себе толстый ломоть хлеба, кладет на него кусок ветчины и с аппетитом жует.

Смотрит на часы. Половина десятого. Поезд у Артема в одиннадцать. Из города в одиннадцать. А до города еще сорок минут на электричке. Так... Значит, Артем вот-вот явится. Пора...

Борька идет в кабинет к Артему. В углу стоят связанные в распорках лыжи и маленький кожаный чемодан. Все упаковано, все готово к отъезду.

Борька берет лыжи. Ох, тяжелые! Обе тащить не к чему. Он торопливо развязывает лыжи, одну оставляет, а другую выносит в прихожую. Надевает тужурку, берет лыжу, хочет идти.

«Так-то, Артем! На одной лыже не очень распрыгаешься!» И вдруг останавливается. А что, если Артем все-таки поедет? Возьмет у кого-нибудь лыжи и поедет?! На чужих, правда, далеко не прыгнешь. Но все-таки...

Он возвращается в кабинет, быстро окидывает его взглядом.

Ага! На столе железнодорожный билет. Годится! Борька сует его в карман и выходит из дома. Наверно, они никогда не выйдут вместе и не пойдут знакомой дорогой к большому трамплину. Это позади. Этого не будет. Пусть! Зато и другого не будет! Не будет того чужого, нового Артема, с которым все равно стыдно пройти по улице.

Борька идет по заснеженным тропинкам к приятелю; прохожие удивленно поглядывают на улыбающегося чему-то мальчишку с одной-единственной лыжей на плече.

Штурм

В. КОСТРОВ

Спрятавшись за снежными бойницами
и за стенкой,
скованною льдом,
Петькина команда не боится и
стойко защищает снежный дом!
Отступили мы,
оставив им его,
и пускай обедать всем пора,
но нельзя уйти:
ведь штурмом Зимнего
эта называется игра!
И, снежок сжимая в пальцах скрюченных
(в порванном ботинке тает лед),
раз уж мне командовать поручено,
говорю отцовское:
— Вперед!
Да смелее,
ну, чего бояться-то!
Попадет снежком — так ведь игра!
Дедов и отцов тогда, в семнадцатом,
пулями встречали юнкера,
злобные, нахальные и сытые,
Петькиной команде не чета,
не скользили — падали убитые...
Кто из вас про это не читал!
Лучше мы совсем не победаем,
все равно,
пускай пока в игре,
мы должны прийти домой с победою,
как отцы и деды
в Октябре!

Рисунок Г. Сундырева.

Фото И. Гричера.

СЫН ПОЛКА

На дворе стояла оттепель, и обувь явно нуждалась в просушке. Поэтому вечером в казарме у батарей парового отопления аккуратной шеренгой выстроились солдатские сапоги. И там-то среди тупоносых сорок вторых и сорок третьих размеров мы вдруг увидели пару совсем маленьких сапожек. Рядом с соседями они выглядели так же, как выглядит на выставке легковой «Москвич» рядом с грузовым «МАЗом».

Так началось наше знакомство с воспитанником музыкальной команды одной из военных воздушно-десантных частей Володей Горшковым. Тринадцатилетний мальчишка в хорошо подогнанной, ладно сшитой шинельке лихо козырнул нам. Настоящий сын полка! Правда, в отличие от Вани Солнцева, есть у него и родной отец.

Григорий Степанович Горшков работает сейчас слесарем на заводе. Но в годы войны он тоже был военным музыкантом, в той самой десантной части, где сейчас учится музыке его сын.

Как и отец, Володя играет на кларнете. Кроме того, он знает аккордеон и неплохо справляется с трубой. После занятий в казарме юный музыкант надевает свою солдатскую шинель и, подхватив портфель, спешит по заснеженным улицам в обычную школу, в восьмой класс.

Солдаты очень любят Володю. Это смышленый парень. За словом он не полезет в карман, и ему ничего не стоит заставить улыбнуться даже самого серьезного человека. Иногда только повздыхает, пожалуется, что прыгать с парашютом ему не разрешают. Ведь в воздушно-десантных частях с парашютом прыгают все: и музыкант, и повар, и рядовой, и генерал. Прыгал и Григорий Степанович Горшков. Сто два раза. А Володя нет... Впрочем, огорчение его быстро проходит.

— Ничего-о,— говорит он, улыбаясь.— Подрасту — буду прыгать. Мне сам генерал два раза руку пожимал. Обещал сделать из меня настоящего десантника!

А. Салуцкий

Сто пятьдесят лет со дня рождения Чарльза Диккенса

В начале прошлого столетия в одной из школ Лондона, носившей пышное название «Веллингтоновская академия», учился мальчик с озорным и веселым лицом. Фамилия его была Диккенс. Он участвовал во всех школьных проделках. Изобрел своего рода иностранный язык. На этом «языке», вероятно, говорят и у вас в школе: к каждому слогу прибавляется один лишний слог (пия пине пиприпиго-пито-пивил пиу-пиро-пика). Больше всего на свете он любил устраивать самодеятельные театральные представления. Меньше всего — слушать проповеди в церкви. Словом, это был мальчик как мальчик.

И когда через несколько лет Англия стала зачитываться «Записками Пиквикского клуба», «Оливером Твистом», «Николасом Никльби» и «Лавкой древностей», выходцам из Веллингтоновской академии даже в голову не приходило, что знаменитый, блестящий Диккенс, заставлявший людей смеяться и плакать по своей воле, имел какое-либо отношение к их однокашнику.

Но вот им попадается очерк Диккенса, озаглавленный «Наша школа». Они немедленно узнают директора — деспота и невежду, который только и делал, что разлиновывал тетради да время от времени вытягивал линейкой когонибудь из учеников по руке, и толстяка — учителя танцев, и преподавателя латыни, который лечился луком от глухоты. А главное — белые мыши! Вся школа тогда увлекалась белыми мышами. Мыши кишели повсюду — в партах, в столах, в картонках из-под шляп, в книжных шкафах и чуланах. Мальчишки обучали их всяческим трюкам, и, конечно, куда успешнее, чем наставники обучали этих мальчишек латыни и алгебре. Да, это была та самая школа, в которой они учились, и учились они не с однофамильцем Диккенса, а с самим Диккенсом.

В Веллингтоновской академии Диккенс пробыл всего два года.

Когда много лет спустя отца знаменитого писателя кто-то почтительно спросил:

— Скажите, мистер Диккенс, где учился ваш замечательный сын?

Диккенс-отец ответил:

— Видите ли, сэр, он — ха-ха! — учился до известной степени у самого себя.

Кто читал «Давида Копперфильда», узнает в этом ответе несравненного мистера Микобера, которому Диккенс — с легкой насмешкой и без сыновней почтительности — придал некоторые черточки своего отца.

Диккенс-Микобер был «до известной степени» прав.

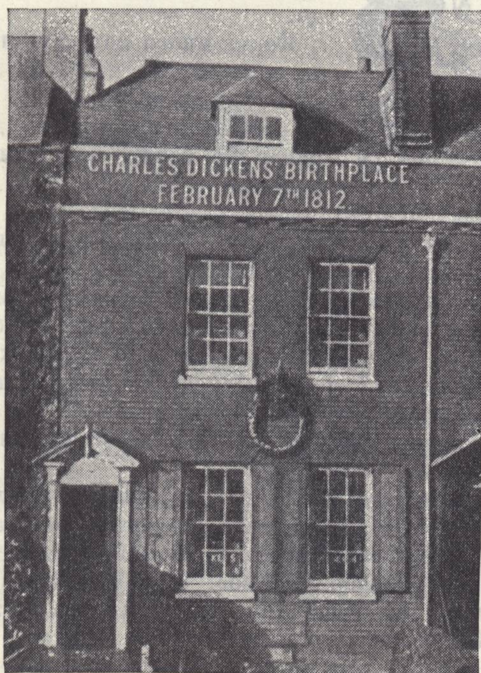
Книги и жизнь — вот кто были учителями Диккенса. Мать научила его читать и писать. Дома книг было немного, зато все превосходные: «Робинзон Крузо», «Дон-Кихот», «Векфильдский священник», «История Тома Джонса Найденыша», «Тысяча и одна ночь»... Эти же книги, если помните, служили утешением Давиду Копперфильду в его детские годы.

Всего девять лет было отпущено Диккенсу на детство.

На десятом году жизни он перешел к новому наставнику, суровому, требовательному и часто несправедливому. Его учительницей сделалась нужда. Первый урок: продай свои любимые книги. Второй: сиди целый день над банками с ваксой и наклеивай на них этикетки. Третий (арифметика): раздели шесть шиллингов на семь дней. Впрочем, всех уроков, всех лишений и унижений, которым нужда подвергает своих учеников, не перечислишь. Диккенс был уже взрослым, знаменитым и обласканным, у него уже у самого были дети, а он все еще не мог без слез проходить той улицей, по которой возвращался с работы в пору своей детской каторги.

Эта каторга длилась всего шесть месяцев, но Диккенсу она казалась бессрочной. Даже своим детям не рассказывал он о той поре, и они узнали о мытарствах отца только после его смерти — из биографии, написанной его другом.

Тайну, которую Диккенс так тщательно оберегал от близких, он рассказал всем и каждому на страницах своих книг. В «Давиде Копперфильде» и «Крошке Доррит» мы видим ту самую долговую тюрьму, в которой сидел отец Диккенса. Лавчонки мелких ростовщиков, которые Диккенс показывает нам чуть ли не во всех своих книгах, те самые, куда маленький Диккенс относил последнее, что было в доме.



Дом, в котором родился Диккенс.

1812—1870

С портрета работы художника Маклиза.

Диккенс потому и оставил по себе такой глубокий след, что для него самого ничто не проходило бесследно: все, что он видел в своей жизни, всех, кого он встречал, все, что с ним случалось, оседало на страницах его книг. Странным иной раз кажется его мир, его люди: зловещий, гримасничающий Куилп из «Лавки древностей», невыносимо глупая миссис Никкльби, задыхающийся злым и беззвучным смехом майор Бегсток из «Домби и сына», сонливый, толстый Джо из «Пиквика», готовый спать где угодно, когда угодно, как угодно — чуть ли не па голове! Где он взял всех этих чудаков и чудовищ? А он ничего не выдумывал. Просто он видел чудовищное в том, что другим представлялось обыденным.

ывало, что жена или еще кто-нибудь из домочадцев Диккенса входил к нему в комнату и заставал его за странным занятием: он стоял перед зеркалом и... строил рожи! Это значило, что он пишет Смайка, или Криклса, или Нюмана Ноггса. Диккенс сам становился на время тем, о ком он писал. Художнику, который иллюстрировал его книгу, он всегда сообщал подробнейшие сведения о своих

героях: кто где стоял, как смотрел, как был одет, из какого чайника пили чай.

К своим героям он относился страстно и пристрастно: радовался разоблачению и унижению злодеев, точно это были его личные враги, оплакивал, как по-настоящему близких людей, своих любимых героев — Нелли, Дору, Поля Домби, медлил, растягивал их кончину на несколько глав и, когда, наконец, «убивал», подолгу не мог успокоиться.

иккенс подает нам жизнь не разогретой, а горячей, такой, какой он чувствует ее сам.

Помните Сквирса и его школу Дотбойс-Холл? Если читали «Николаса Никкльби», то, конечно, помните, потому что нельзя забыть весь этот ужас несправедливости, травли и притеснений, еле прикрытый лицемерием. Помните «практический метод обучения»?

«— Где первый ученик?

— Протирает окно в гостиной.

— Ах, верно,— вспоминает Сквирс.— Мы придерживаемся практического метода обучения. Про-ти-рать — протирать, глагол, действительного залога; делать чистым, прочищать. О-ка-эн-о — окно, окошко, окнище».

А патока с серой, которой миссис Сквирс потчевала учеников по утрам — «чтобы не болели», а больше ради экономии, чтобы отбить у них аппетит!

А эти покалеченные детские души, которых несчастье и голод не сплотили, а только научили доносить друг на друга!

«— Где Болдер?

— Вот он, сэр,— отозвалось двадцать угодливых голосов».

А несчастный, забитый, затравленный Смайк, который думает, что во всем мире так же скверно, как в Дотбойс-Холле!

Зато как хорошо, когда Николас вырывает хлыст из рук Сквирса и по всем правилам искусства отделывает этого мерзкого, бесчеловечного тирана и негодяя!

Диккенс на всю жизнь остался горячим и непримиримым десятилетним мальчиком, для которого мир делится четко, как в сказке, на добро и зло, а люди — на «хороших» и «плохих».

то был веселый, могучий и деятельный человек. Все, что он делал, он делал быстро, тщательно, с блеском, лучше всех.

Он и жил необыкновенно быстро, без передышки. Единственный вид отдыха, какой он признавал,— это движение: верховая езда или быстрая ходьба.

Вот, например, как он болел, или, вернее, лечился.

«Мне нездоровится,— пишет он приятелю,— и необходимо проехаться верхом. Заходите ко мне, скажем, в два, и отправимся скакать...»

Делать дело плохо, спустя рукава он не мог: это было слишком скучно. До того, как стать писателем, он работал репортером в лондонских газетах. Для этого нужно было знать стенографию, и он ее изучил, эту малоинтересную и нудную науку, да так, что никто из опытных репортеров за ним не мог угнаться. И самому репортерскому делу он предался со всем жаром своей неистовой натуры. Ночь. Холод. При тусклом свете фонаря, в тряской почтовой карете, несущейся с бешеной по тому времени скоростью — пятнадцать миль в час, он строчит очередную корреспонденцию, держа на весу свою записную книжку.

«Талант истинный, за что бы ни принимался, все делает хорошо, а тот, кто постоянно хватается за новое дело и бросает его, не доведя до конца, не есть истинный талант, уверяю вас!» — пишет Диккенс начинающему поэту, который имел дерзость прислать ему

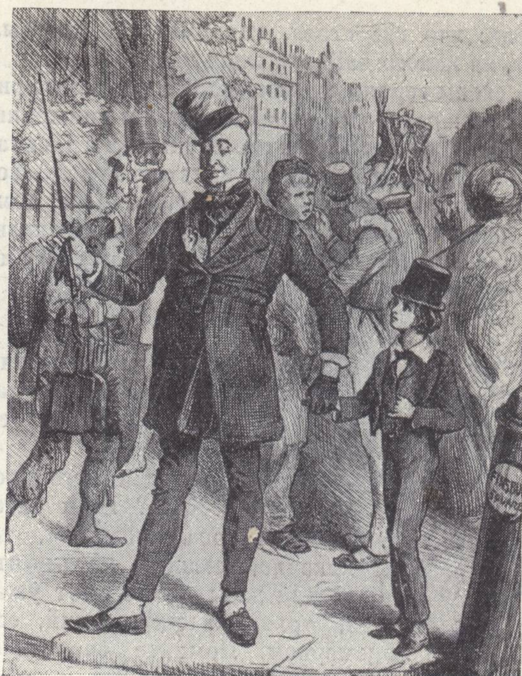
Не очень-то весело целый день мыть бутылки!
Иллюстрация Ф. Барнарда к роману «Давид Копперфильд».

на суд рукопись, не перечитав и не выправив ее сначала.

Сам Диккенс вкладывал всего себя в то, что он делал, в каждой книге оставлял частицу себя, своей жизни. Но так щедро одарила его природа, что и книги не вмещали его всего. Того, что отпущено было ему от рождения, хватило бы на двух Диккенсов. Второй Диккенс, без всякого сомнения, был бы великим актером. Он и был им. Страсть к театру, зародившаяся в нем еще с детства, не покидала его всю жизнь. Он готов был участвовать во всех любительских спектаклях, и притом его игра была отнюдь не любительской. Это видели все — от плотника, сколачивающего декорации, и до Макриди — знаменитого актера того времени.

— Как жаль, мистер Диккенс, что вы пишете книги! — сказал ему плотник.

А знаменитый актер после одного из выступлений Диккенса (Диккенс читал отрывок из «Давида Копперфильда») не мог ничего произнести, всхлипнул, бросился Диккенсу на грудь и разрыдался.



Несравненный мистер Микобер не скупился на советы своему юному другу.
Иллюстрация Ф. Барнарда к «Давиду Копперфильду».

Актерский талант Диккенса проявлялся не только на сцене. Он любил шутить, разыграть какую-нибудь роль и порою так входил в эту роль, что озадачивал самых близких людей. Однажды даже разнесся слух, будто Диккенс сошел с ума. В самом деле, что должны были подумать его друзья, когда начали получать от него письма одно безумнее другого?

«Я безнадежно влюблен в королеву,— пишет он приятелю,— и думаю похитить одну из ее фрейлин и поселиться с ней на необитаемом острове... Сожгите это письмо... Никто не должен знать...»

Другой приятель Диккенса тоже получает письмо:

«Я погряз в горе... Я хочу повеситься на грушевом дереве в нашем саду, или отказаться от пищи и умереть голодной смертью... или убить Чепмана и Холла [1] и этим прославиться (тогда *Она* услышит, наконец, обо мне, может быть, даже подпишет смертный приговор собственной рукой)...»

Третьему:

«Мы с Маклизом бредим королевой, язык бессилен выразить всю безнадежность нашей страсти... Мы ходили во дворец, бродили по коридорам...»

О своей безнадежной любви к королеве Виктории он не только писал друзьям, но говорил всем и каждому.

Самые веселые персонажи Диккенса.
Иллюстрация Физа к «Запискам Пикквикского клуба».

[1] Чепман и Холл — издатели Диккенса.

Шутка эта не такая уж бессмысленная и безобидная, как может показаться. Дело в том, что в это время состоялось бракосочетание королевы с принцем Альбертом, и Диккенс просто-напросто пародировал верноподданнические восторги обывателя по поводу этого придворного события.

Диккенс не всегда смеялся добродушно и весело. Когда вы будете читать «Крошку Доррит», описание «министерства волокиты» и многочисленного семейства Полипов вас, конечно, заставит смеяться. Но тогдашним беспомощным и недобросовестным правителям Англии было не до смеха. Ведь это они были Полипами, они заправляли в «министерстве волокиты». И недаром какой-то журналист — из семейства Полипов, конечно! — назвал этот едва ли не лучший роман Диккенса «болтовней».

Гневный смех Диккенса в «Николасе Никкльби», направленный против «педагогической» системы, которая особенно процветала в Йоркширском графстве Англии, имел самые неожиданные последствия. Содержатели заведений, подобных Дотбойс-Холлу, были вынуждены закрыть их: родители взяли оттуда своих детей. Но и это не все. Несколько владельцев школ узнали себя в душегубце Сквирсе, кое-кто из них безуспешно пытался возбудить против Диккенса дело о клевете, а один, имевший особенно веские причины считать, что Диккенс изобразил именно его, от бессильной ярости и досады просто... умер! Это был настоящий злодей и убийца, так что можно о нем особенно не жалеть.

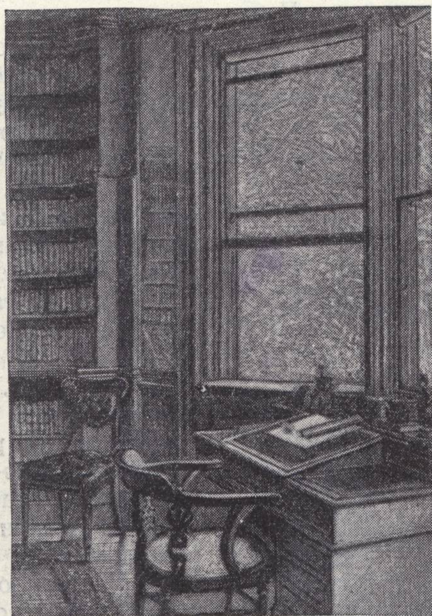
Но книги пишутся долго — год или два по крайней мере. А Диккенс был человек нетерпеливый. Когда он видел зло, он должен был с ним бороться, сейчас же, немедленно, ведь он был настоящим журналистом.

Он писал о голоде голодных, о бездомности бездомных, о бесправии бесправных, называя вещи своими именами. А иногда придирался к пустячному, казалось бы, поводу, чтобы высказать отнюдь не пустячные мысли. Так, когда при английском парламенте созвали специальную комиссию для того, чтобы решить, можно ли позволить простому народу ходить в пивные и чайные по воскресным дням, Диккенс разразился едкой, гневной и остроумной статьей, которую озаглавил «Большой ребенок».

— Почему у членов парламента,— спрашивает Диккенс в этой статье,— такое нелепое представление о народе?

«— Не потому ли,— отвечает он сам,— что для них «народ» — понятие отвлеченное, что он в их глазах всего лишь большой ребенок, которого следует тетёшкать и трепать по щечке в дни выборов, в воскресные дни — ставить в угол, по большим праздникам выносить на улицу поглазеть на карету, везущую королеву, а остальное время — от понедельника до субботы — держать, так сказать, под розгой, как школьника? Не потому ли, что народ представляется им этаким большеголовым младенцем, которого следует то приласкать, то пожурить, то убаюкать колыбельной песенкой, то припугнуть «букой», то поцеловать, то выпороть, а главное — не выпускать из пеленок, чтобы сам он, ножками — ни-ни!»

Читатель, конечно, понимал, что Диккенс хотел сказать: «большой ребенок», то есть английский трудовой народ, давно уже перерос своих бездарных, ограниченных и отставших от жизни нянек. Английский народ вырос из пеленок, он сам понимает, что́ для него полезно, что́ вредно. Он вот-вот пойдет «ножками».



Кабинет Диккенса. Здесь он написал свои последние книги.

Мы знаем разного Диккенса: Диккенса рыдающего и Диккенса хохочущего, Диккенса негодующего и Диккенса восторженного, Диккенса, гневно клеймящего зло, и Диккенса — мастера озорной и веселой шутки. Только одного Диккенса мы не знаем — Диккенса вялого, киснущего, равнодушного. Ни в его письмах, ни в записках, ни в дневниках и воспоминаниях современников такого Диккенса мы не найдем. Такого Диккенса не было. Потому что Диккенс — это неукротимая энергия, напор, жизнелюбие...

Т. Литвинова

БОЛЬШОЙ ТЕАТР „МАЛЫШКА"

Наталья ДУРОВА

Рисунки Ю. Владимирова, Ф. Терлецкого.

НАЧАЛО

Всякий театр, конечно, имеет свою историю. А всякая история имеет начало. Имеет историю и наш театр «Малышка», несмотря на свою молодость. Весь вопрос в том, что считать началом. Во всяком случае, я не согласна с управдомом, который склонен считать началом неприятное происшествие со штрафом за первую репетицию футбольного матча между командами «4-Пудель-4» и «Разношерстная сборная».

Итак, с чего же началось? Мы не рыли котлованов, не управляли долговязым краном, укладывая тяжелые блоки фундамента. И если бы даже наш театр имел собственное здание, его, по справедливости, украшала бы не четверка бронзовых коней, а упряжка из пуделя, бульдога, фокстерьера и двух лохматых дворняг.

Началось все с высыхающих во дворе луж, с громкого чириканья воробьев, дерущихся из-за первого червяка, словом, с того дня, когда тупоносые ребячьи калоши уступили место башмачкам-скороходам, бантики в косичках прыгали в лад с крутящейся веревочкой и слово «ручеек» уже означало не талую воду, бегущую вдоль улицы, а шумную игру, известную ребятам любого двора в любом городе.

— Пиф-Паф! — обратилась я к своему жесткошерстному другу, веселому терьеру.— А не желаете ли вы продемонстрировать свое искусство?

— Ур-р-р! Гав-гав! — Заливистая и радостная нота прозвучала в ответном лае. Хвост, поднятый торчком на манер большого пальца, пришел в бешеное движение и выжидательно замер.

Косички повернулись к нам, прыгалка упала на асфальт.

— Нет, нет, не бросайте веревочку,— сказала я,— покрутим для него.— Пиф-Паф, прошу вас.

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть,— хором считали девчонки, а мальчишки, забыв о тряпочном мяче «пешего» (без коньков) хоккея, подбежали к нам и гурьбой остановились, наблюдая за быстрым Пиф-Пафом.

— А теперь, Пиф-Паф, будьте добры: сначала вальс, потом прыжок!

— Это вместо прыганья на одной ножке,— сказали бантики.

Опять считающий хор:

— Раз, два, три!

— Погодите, ребята, пусть Пиф-Паф сам ответит, сколько раз он перепрыгнул через веревочку. Только громче, Пиф-Паф, пожалуйста.

— Гав-гав, гав-гав, гав-гав!

— А сколько раз вы опоздали прыгнуть?

— Гав!

— Один раз, значит?! Только один раз?— Я укоризненно посмотрела на Пиф-Пафа и повернулась к ребятам.— Подумайте, какой обманщик! Пиф-Паф, признайтесь же честно.

— Гав-гав-гав!

— Ой, как он здорово считает! — воскликнула девочка.

— У него по арифметике троек нет, как у тебя,— тотчас съехидничал один из мальчишек.

— А где он научился считать? А он всю арифметику знает?— наперебой расспрашивали меня ребята.

Я сделала вид, что обдумываю вопросы.

— Да, пожалуй, он одолел все четыре действия. Можете задавать ему задачи. После зарядки, уважаемый Пиф-Паф, недурно заняться и умственной работой. Ну-ка, кто ему задаст пример на умножение?

— Я!

— Нет, я!

— Я, лучше я. Мне очень нравится умножение! — облизнув губы, воскликнула толстенькая девчушка.

«Ну, Пиф-Паф, сейчас нам с тобой достанется!» — подумала я.

Примеры посыпались со всех сторон. Я даже устала в уме умножать, делить и складывать.

— Теперь вы убедились, что Пиф-Паф отлично знает арифметику?

— Убедились! — хором закричали ребята, а любительница умножения прибавила:

— Выучил на «пять».

— Ребята, а вы не рассердитесь, если я сознаюсь вам, что пошутила?

— Можно, я скажу? А я сразу знал. В уголке Дурова — там это тоже, да, показывают! — торопливо выпалил круглолицый паренек.

— Очень ты меня выручишь, если сейчас расскажешь ребятам про все, что там видел и слышал.

— Там-то? Много-о! У меня даже Бурьян после этого тоже дважды два умеет. Очень просто! Он как лаять начнет, нужно, если четыре, так после четырех тихонечко совсем щелк пальцами — и он молчит. Два нужно — так после двух щелкаешь. Вот в чем фокус. Все, и больше ничего.

— Молодец! — похвалила я, протянув пареньку руку.

А он тотчас шаркнул ножкой:

— Агафьин Михаил.

Я даже оторопела от такой изысканной вежливости и уже хотела тоже представиться, как меня перебил рыженький веснушчатый мальчуган:

— Мишка, он у нас передовой, даже в девчонский кружок рукоделия ходит!

— Вдвойне молодец, — поддержала я Михаила Агафьина. — Вот, ребята, Миша вам секрет собачьей арифметики почти разъяснил. Мне осталось немного добавить. Конечно, собака по-человечьему считать не умеет...

— Они глупые, — презрительно поджав тонкую нижнюю губу, сказала одна из девочек.

— Ты не права. Ум собаки, естественно, не такой, как у нас с вами, но глупой ее назвать нельзя.

— Пуф, наверно, обиделся, — заметил кто-то из ребят.

— Вряд ли, — возразила я. — Пиф-Паф не понимает, о чем мы с вами толкуем. Ему знакомы лишь некоторые слова: «ко мне», «сидеть», «рядом», «гулять», «лежать».

Бедняга Пиф-Паф, услышав все команды разом, заметался и стал беспокойно смотреть мне в глаза, словно спрашивая, чему же повиноваться.

— Зато у собаки прекрасно развиты и слух, и зрение, и обоняние, — продолжала я. — Собака — необыкновенно чуткое животное. Вот я и заставляла Пиф-Пафа исполнять любое действие по моему сигналу. Ну как, интересно?

Впрочем, незачем было и задавать этот вопрос. «Все было просто здорово», по определению Миши Агафьина. Я решила приступить к главному.

— А что, друзья, не устроить ли нам во дворе, прямо здесь, настоящий театр зверей?

— А можно? — с радостной неуверенностью протянула любительница умножения.

— Можно! Конечно, в нашем театре не будет ни тигров, ни львов, ни слонов, но ведь нас окружает очень много четвероногих и пернатых друзей. Артисты найдутся!

— А жаль, что без тигра. Вот бы с тигром здорово было! — мечтательно протянул Рыжик.

— У нас пудель есть, бабушка к лету всегда его подо льва стрижет. Только вот цвет у него

черный, совсем не львиный...— смущенно вставила свое слово еще одна девочка.

— Значит, решено. Завтра в шесть собирайтесь у меня, и мы по-настоящему все обдумаем. Ведь у вас скоро каникулы. А квартира моя — двести двадцать восемь.

Я поднялась к себе, распахнула окно и еще долго наблюдала за стайкой ребятишек, обступивших огромный землекопатель. С каким восторгом следили они за сжатием железного кулака, в котором кубометр земли казался легкой пригоршней! А неподалеку, впряженная в телегу, мерно пожевывала овес лошадь. Ей ребячье внимание уделялось постольку, поскольку лошадь стояла на мостовой, где, громыхая, проносились тяжелые пятитонки, не имеющие таких, как у нее, устало-грустных и выразительных глаз, но обладающие сотнями лошадиных сил. Я вовсе не сетую, что восторг отдан металлу, вобравшему в себя силу и волю живого существа. Я счастлива волнением дошколят, подростков и солидных людей, ожидающих из космического полета дворняг, знаменитых не родословием, а заслугами перед наукой, серых и белых мышей, мух и нежных листочков традесканций — все эти крупинки жизни, посланные человеком для утверждения самой жизни во всей вселенной.

Но мне становится нестерпимо больно, когда те же подростки не видят рядом с собой этой частички жизни, когда у одного рогатка для воробья, у другого камень для кошки или приблудившейся ко двору собаки. Кто же вступится, кто сломает жестокость, идущую у подростка пока не от сердца, а от избытка энергии? Вот оно, дело для тебя, театр! Ты должен вырасти во дворе дома, где живут дошколята и пионеры. Театр зверей нашего дома, разожги костер любви к четвероногим и пернатым, у которых тоже есть хрупкое, отбивающее время сердце! Разожги костер любви ко всем деревцам и травинкам, которые пустили корни в землю, дающую нам жизнь...

КАК Я СТАЛА ДИРЕКТОРОМ ЗВЕРИНОГО «ЛЖЕТЕАТРА»

— Ага, это вы?! Очень хорошо, именно вас мне и нужно.

Передо мной на пороге стояла дородная женщина, задыхающаяся от гнева и ходьбы по лестнице. Ее тон не предвещал ничего приятного. Так оно и вышло.

— Поскольку вы директор этого лжетеатра собак, кошек, крыс и прочего, надеюсь, убытки будете возмещать вы?

— Но, позвольте...

— Не позволю! Следуйте за мной!

Я накинула пальто и безропотно отправилась за женщиной. Миновав двор, который сейчас мне показался нескончаемо длинным, мы вошли в один из последних подъездов. Шли молча, поднимались на лифте тоже молча. Зловещее молчание окончилось, как только мы очутились в квартире. Нас тотчас оглушил зычный мальчишечий рев и хриплый с захлебыванием собачий лай.

Картина, представшая предо мною, была ошеломляющей. Бульдог, раскрашенный черными полосами, под тигра, лаял на меня по привычке лаять на постороннего, не прекращая попыток освободить лапы, привязанные к ножкам стола. Светлый паркет и дорогая скатерть, забрызганные той же черной тушью, напоминали окраской уже не тигра, а ягуара.

Мальчика я уже знала: хотя заплаканные глаза и нос, распухший от слез, оттеснили на второй план веснушки, это, несомненно, был Рыжик.

— Испорчена вещь,— перстом указала женщина на скатерть,— изуродована собака! Паркет придется заново скоблить. Леонид, отвечай: кто тебя научил это сделать? — Женщина многозначительно обернулась ко мне.

— Я-я сам...— тихо всхлипнул Рыжик.

— Погоди, зачем же ты...— начала я.

— Нет, это вам так не сойдет! — снова вскипела хозяйка.

И тут, пожалуй, впервые я почувствовала себя настоящим укротителем в переполненном зале. Народу собралось очень много. Жильцы толпились на лестничной площадке, стояли на ступенях лестницы, и дверь подъезда гулкими аккордами сообщала о приходе новых и новых. «Чтобы погасить ярость, надо переключить внимание»,— вспомнила я одну из первых заповедей дрессировки. Бульдог попрежнему извивался, женщина уже не крича-

ла, а визжала, виновник же всех бед, Рыжик, испуганно всхлипывал.

Чтобы переключить внимание женщины, я храбро пошла на бульдога.

— Что вы делаете, он же кусается! — тотчас забеспокоилась она.

— Одну минутку, как его кличка? — спросила я.

— Гром! — донесся из-за моей спины отчаянный голос Рыжика.

— Гром! Гром! — Строго приговаривая, я шла на бульдога, стараясь придать своим шагам твердость и властность. Собака остановилась, оскалилась и стала пятиться, насколько позволяла привязь. Я подошла вплотную и протянула руку.

— Остановитесь, умоляю, еще этого не хватало!

— Подождите, интересно, что будет дальше! — остановил хозяйку голос из публики.

Бульдог уже слабо реагировал на мои руки, которые быстро распутывали бечевки, высвобождая лапы из плена.

— Ой, кровь! У вас уже кровь на руке.

— Да не кровь, мамочка, а лак для ногтей!..

— Ты у меня еще поговори!..

— Ничего, это правда лак, — вставила я. — А теперь скажи мне, пожалуйста, что ты с бульдогом хотел сделать? — спросила я.

— Я его в тигра хотел переделать и привести к вам в театр дрессированным, а не полуфабрикатом.

— Так, ну а что же именно он должен был делать?

— А что все тигры делают: прыгать через горящий обруч.

— Вы слышите! Он еще мог устроить в доме пожар.

— Так! Видите ли, мальчик не знает, что в дрессировке используются природные данные животного. Его метод превращения бульдога в тигра ничего не имеет общего с нашим театром, которого пока еще нет: мы только задумали его создать во дворе.

Вкратце я, конечно, тут же осветила деятельность будущего театра, чтобы потом ни одна мама не сердилась на нас и не добавляла приставки «лже». Затем пошла лекция о дрессировке. Итак, следовательно, бульдог был не костромская игрушка, вроде фанерного балалаечника. Того в какую краску хочешь — в ту и покрась, и он исполняет свои коленца, если подергаешь за веревочку. Можно ли обращаться так с животными? Наверное, можно, если дрессировщик смотрит на них, как на фанеру.

Но ведь не для этого создаем мы свой театр во дворе! И метод дрессировки у нас другой. Тут стала я рассказывать о дедушке Дурове. Помнила ли я его? Конечно, нет. Мне было всего три месяца от роду, когда дедушки не стало. Меня назвали Наташей, именем его первой дочери, а в наследство дали вот это чувство огромной любви к своей работе. У работы есть лапы, хвосты, а главное, говорящие глаза.

Я рассказывала о дедушке Дурове, каким я его представляла. Обыкновенный человек, он становился волшебником, прикасаясь ко всему живому, что его окружало. Сумел из болонки сделать киноактрису, открыл свою сказочную железную дорогу, известную даже сейчас каждому малышу. Он доказал, что можно сломить инстинкт нападения и заставить мирно уживаться волка и козла, крысу и кошку, лисицу и петуха.

Дед открыл новый мир в дрессировке, и я попыталась, рассказывая, только осторожно оживить прошлое.

Но вскоре от рассказа мне пришлось перейти к показу, и бедный бульдог, единственное четвероногое для моего неожиданного представления, должен был садиться по правильной метóде. Я брала в руку печенье и заносила руку так, чтобы моя кисть была над мордой собаки, но не совсем на уровне глаз. Бульдогу хотелось печенья, хотелось не упускать лакомство из вида. Но держать голову запрокинутой было неудобно, и бульдогу приходилось присаживаться. Когда он это делал, я приговаривала: «Сидеть, Гром, сидеть!» — и давала ему вкусное печенье.

Но вот печенье съедено, дрессировка окончена на сегодня, а мне снова приходится рассказывать. Меня просят еще и еще. Я вспоминаю свое детство, проведенное в цирке. Вспоминаю сорок первый год.

Смоленск, война, а цирк работает, потому что цирк, как и все, был на своем посту. Недалеко от цирка находился детский сад. Я часто приходила туда со своим попугаем. Детям нравилось, как попугай кричал: «Доброе утро!» и объявлял: «Сегодня в цирке Дуров!»

Попугай прекрасно лаял и мяукал, в ответ на стук кричал: «Кто там?» Пожалуй, это и был весь запас его человеческих слов, если не считать одной песенки, но об этом дальше. Город был полон грохотом близких взрывов, ужасом первых бомбежек и напряженно-лихорадочным настроением людей. Попугай, как и все животные в цирке, чуявший беду, растерял от страха весь запас человеческих слов, кроме двух: ошалело он выкрикивал одну фразу: «Кто там?» Но однажды попугай оказался героем дня.

Биография попугая была неизвестна даже нам, его хозяевам. Попугая подарили отцу матросы. Он совсем не говорил, и часами хохлился в клетке, реагируя лишь на кошку. Ни одного русского слова попугай не произнес, сколько его ни учили. Как-то я зашла с ним во двор цирка, где слон принимал душ. Командуя слоном, отец кричал: «Лили, ком цурюк!», — что означало: «Иди назад!» Вообще по старой традиции дрессировщики иногда употребляют в работе немецкие слова. Услышав их, попугай неожиданно встрепенулся и залился веселой песенкой на немецком языке. Дома, уже ради шутки, отец поздоровался с попугаем по-немецки, и тот снова спел песенку. Прошел год; попугай, «вспомнив» немецкую песенку, словно обрел дар речи, легко заучил русские слова и фразы, а немецких больше не повторял. Вскоре и мы перестали вспоминать этот забавный случай, а военные тревоги и совсем вытеснили его из нашей памяти. Был получен приказ срочно эвакуировать государственные ценности и учреждения из Смоленска: фронт приближался к городу. Последнее представление в цирке, упаковка за кулисами. Вдруг появился человек, срочно требующий Дурова. Его проводят в гардеробную.

— Юрий Владимирович, хорошо, что еще успел вас застать! Уполномочен передать: приказ недействителен. Вы пока остаетесь здесь.

— Значит, цирк получил разрешение выступать в частях действующей армии? Наконец-то! — обрадовался отец.

В это время в конюшне упала «зажигалка» (так называли мы для краткости термитные бомбы). Отец бросился туда. Незнакомец остался один в гардеробной, опасливо посматривая на раздраженного бомбежкой гепарда. Возвратившись, отец застал удивительную сцену: попугай выкрикивал развеселую немецкую песенку, гепард скалил клыки на пришельца, а тот, зажатый между гримировальным столиком и стеной, боялся пошевелиться.

— Вы знаете немецкий язык? — спросил незнакомца вскользь отец, отгоняя гепарда.

— Увы! К сожалению, кроме родного русского, не говорю ни на одном, разве что чуть-чуть балакаю по-украински. Однако сейчас речь о другом. Я остаюсь от управления комитета руководить прифронтовой бригадой.

— Очень хорошо. Тогда позвольте распорядиться, чтобы прекратили упаковку. Извините, что еще на несколько минут я оставлю вас в этой веселой компании, — указал отец на гепарда и заливающегося в песне попугая.

— Только, пожалуйста, не надолго! — с досадой обронил пришелец.

Ему действительно долго ждать не пришлось. Через несколько минут два красноармейца выводили его из гардеробной. Пожалуй, в истории это был первый случай, что диверсанта помог обнаружить цирковой попугай. Конечно, находчивость проявил не он, а человек. Отец моментально сообразил, что песенку могли вызвать у попугая только слова, сказанные по-немецки.

Слониха Лили

Были и настоящие подвиги четвероногих. Смоляне до сих пор помнят выражение «Лили-бум». Лили — слониха, ей в ту пору шел тридцатый год, и весила она 240 пудов — работала и днем и вечером: днем — дружинницей на улицах, а вечером — актрисой в цирке. После вражеского налета туда, где фугасная бомба проделала воронку или в щепы разнесла дом, срочно с дрессировщиком спешила дружинница Лили. К ней привыкли, ее не боялись, и когда раздавалась команда «Лили-бум!», слониха становилась живым тягачом и подъемным краном: вытаскивала из воронки машину, разбирала бревна разбитого дома. Сколько любви и благодарности доставалось ей в те дни! Когда Лили вели на вокзал вместе с цирковой кавалькадой, суровые глаза горожан теплели, провожая ее, как солдата. Слониха шла с трудом, левая нога была прострелена и забинтована.

В вагоне Лили почувствовала себя легче, но обрушившаяся на вокзал бомбежка заставила ее «на нервной почве» совершить свой единственный дурной поступок. Людей в вагоне не было, все грузили клетки на платформы, и слониха, заметив ларь с продовольствием, без труда открыла крышку и стала жевать двухнедельные запасы на дорогу, щедро делясь со своими неразлучными

друзьями: верблюдом Баядерой и карликовым осликом Пиком. Если б не раненная на боевом посту нога, пришлось бы Лили отвечать по всей строгости: продовольствия после ее «работы» осталось только на двое суток.

Я могла бы без устали рассказывать о цирке и о четвероногих артистах, но было уже поздно. Прикорнувший у ног своей хозяйки бульдог Гром так храпел, что не хватало только молнии. И я прервала мою «краткую» речь. Она, как оказалось, длилась три часа и снискала много сторонников нашему будущему театру... И на следующий день я упивалась победой, глядя, как по двору гуляет «химический» Гром — бульдог, окрашенный в тигра чертежной тушью.

НАКАНУНЕ ПРЕМЬЕРЫ

Театр, у которого крыша — небо, а пол — земля, открыл сезон в конце июня. Не было билетов, а следовательно, не было и безбилетников. Чтобы созвать зрителей, мы прибегли к запрещенному методу: к живой рекламе. С утра, когда по всем дворам начинается оживленное движение людей, спешащих на работу, мы разделились на три группы. Кета с маленьким братишкой Ромкой возглавляла первую. Их рекламой был петух — Красный Гребень, который должен был звонким кукареканьем приветствовать прохожих и привлекать внимание к плакату:

СПЕШИТЕ! ЗАВТРА ОТКРЫТИЕ
ТЕАТРА ЗВЕРЕЙ НАШЕГО ДОМА

Петух выкрикнул пару раз «кукареку» и сыграл на гуслях, потом его разморило, и он стал часто дышать, напугав Ромку. Ромка от скуки требовал пить, но так как Кета не могла покинуть свой пост, он пригрозил ей, что будет кричать сам, как петух, и немедленно раскудахтался. Устав быть петухом, Ромка протяжно затянул:

— Хочу пи-ить, да-а-й пи-ить! Да-ай!

Он тянул свое «да-ай» жалобно и невыносимо долго, и теперь на них уже обращал внимание каждый прохожий.

— Девочка! Ты зачем обижаешь малыша? — говорили Кете сердобольные люди.

А Ромка, чувствуя поддержку, заливался плачем.

— Да-ай!

В первом этаже, поблизости, хлопнуло окно, и донесся ворчливый голос:

— Безобразие! Распустили детей. С утра отдохнуть не дают!

Ромка смолк, зато петух встрепенулся, и троекратное «кукареку» с гулким эхом прокатилось по двору.

— Ах, вы опять за свое? Ну погодите!

Над Кетиной головой снова послышался стук оконной рамы, а через секунду разъяренная тетенька в байковом халате выскочила из подъезда. А Кета с петухом под мышкой и Ромкой на буксире мчалась в свой двор.

Вторая группа вернулась не так быстро. Мише Агафьину сопутствовал успех. Наш дрессированный поросенок оказался на редкость удачной рекламой. Он танцевал вальс. Разворачивал пятачком плакатик. Бил в барабан.

Оставалась третья группа. Мы начинали тревожиться. Было уже далеко за полдень, а Леня Тютькин все не возвращался. На разведку в близлежащие дворы отправился Миша. Вскоре разведчик вернулся. Он принес несколько вороньих перьев и разорванный плакат, где уцелело лишь одно слово: «Спешите!» Лене было поручено рекламировать театр в сопровождении бульдога и вороны. Ворона должна была выдавать программки, а бульдог лаем оповещать час начала спектакля. Однако ни Лени, ни его ассистентов.

«Что с ним случилось?» — тревожно думала я.

— Вот и попробуй тут с Ленькой открыть театр! — сердилась Кета.

— А может, он не виноват, может, с ним что случилось! — вступился Миша.

Мы все отправились на поиски.

— Вы не видели мальчика, такого рыженького, с бульдогом?

— Нет, — отвечали в одном дворе.

— Нет, — отвечали в другом, и только в третьем сказали, что рыженький пробегал мимо, но без бульдога, во дворе не останавливался.

Что же произошло?

Гадать долго не пришлось, потому что изза угла выскочила незнакомая дворняжка, за ней Гром, а за ним Рыжик. Он на ходу издали кричал: «Держите!» Пропустив дворняжку, мы врассыпную бросились наперерез бульдогу.

— Уф! — с трудом перевел дыхание Леня.

— Ну?

— Что случилось?

— Где ты был? — тотчас посыпались на него вопросы.

— Уф, — вздохнул он, и, погрозив бульдогу кулаком, проворчал: — С этим Громом только и жди неприятностей! Сначала все правильно шло. Ворона первая начала. И крылья подрезаны, а ка-ак полетит в сторону! Я ловить! Гром за мной! А прохожие решили, что он на меня бросается. И давай за ним, а он от них! Три квартала гнался за ним! Я бы раньше догнал, но ведь сначала он просто так побежал, а потом увидел чужую собаку, и тут уж пошло... Как припустился! Хорошо еще, что собака в нашу сторону завернула... А то... — Не обращая внимания на провинившегося Грома, Леня сел прямо на асфальт. Из-за пазухи у него тотчас выскочила ворона.

— Ну, чего расселся! Работы сколько еще, а у нас всего один день остался, — скомандовала Кета.

— Светопреставление! — всплеснул руками Миша, поддразнивая Кету.

Конечно, когда началось наше первое представление, или, по-театральному, премьера, я нервничала: ведь и номера и артисты были зрителям знакомы до мелочей; репетиции происходили у всех на глазах. Но по тому, как, зная и наперебой рассказывая друг другу каждый следующий номер, они глядели спектакль, я поняла: театр полюбили. Теперь я не стану описывать тот день. Для нас он был большим и счастливым. Мы щедро отдали маленьким зрителям свой труд и увидели. что плоды его приносили радость.

Я приведу вам хотя бы афишу:

«ОТКРЫТИЕ
ТЕАТРА ЗВЕРЕЙ НАШЕГО ДОМА

Для вас, малыши и взрослые, мы представление начинаем. СОБАКИ станут прыгунами и математиками, помогут потушить пожар в Кошкином доме, где мыши проживают.

ВОРОНА УЧЕНАЯ — не простая.

ЧУДО-ЮДО СУХОПУТНОЕ — морские свинки.

МИРНЫЕ ПАРАШЮТИСЫ — кот и крысы.

(Позвольте здесь мне сделать небольшое пояснение: писал текст афиши начинающий поэт, он же дрессировщик и воспитатель, Леонид Тютькин. Если в «парашютисах» отсутствует буква «Т», не удивляйтесь. Леня объяснил мне, что поэтам разрешаются перестановки букв или, наоборот, недобор для рифмы, а ребята, у которых меняются зубы, все равно прочитают слово так, как написано у него в афише.)

ГОЛУБИ-АРТИСТЫ:
ЗЕМНОЙ ШАР И
ГОЛУБЬ МИРА.

Внимание!

В антракте — для любителей футбола — матч между командами «4-Пудель-4» и «РАЗНОШЕРСТНАЯ СБОРНАЯ».

Бульдог — судья.

Болельщикам с ним лучше не пререкаться. Вход в театр со своими стульями, табуретками, раскладушками. Последние своей вместимостью для зрителей очень удобны.

ЭЛЕКТРООСВЕТИТЕЛЬ — СОЛНЦЕ.

МУЗЫКА — САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗРИТЕЛЕЙ.

АДРЕС ТЕАТРА: наш двор».

* * *

Друзья мои, я вам рассказала о театре «Малышка» не для того, чтобы в Москве вы разыскивали такой двор и спешили к нам на спектакль. Нет! Мы хотим, чтоб и у вас был свой, такой же настоящий живой театр зверей. А трудностей вы не бойтесь. Их было мало. Всего две: первая — неумение дрессировать. Чтобы ее не было, я попросила своих друзей, молодых дрессировщиков «Уголка Дурова» Анатолия и Людмилу Майоровых помочь мне и научить вас дрессировке.

Вторая трудность — нетерпение. А победить нетерпение — это зависит только от вас.

Итак, в следующем номере занятия по дрессировке: вы научитесь учить кошку пируэтам, а собак футболу.

Неоконченная книга

Наверно, тебе еще не приходилось читать книгу, автор которой сам признавался бы: «И вот книга написана. Написана, но не окончена». Но, оказывается, бывает и так. Эта необычная книга называется **«С веселым другом-барабаном»**. Она выпущена издательством «Молодая гвардия» к 40-летию Всесоюзной пионерской организации.

...Это было во время Отечественной войны. Группа солдат укрылась от врага в небольшой рощице.

«— Надо бы костер развести, просушиться. Иначе погибнем,— сказал командир.— Да чтоб дыма не было. Кто сумеет развести?

Взялся я. Костер получился удачный. Дым стлался по земле и застревал в хворосте.

— Ишь ты, дым по-пластунски ползет,— удивился старый солдат Милованов.— Ты что, бывший охотник?

— Нет, бывший пионер».

«Бывший пионер» — так мог бы с гордостью сказать о себе каждый автор этой новой книги, а их, авторов, 35. Почти все они были пионерами в самые первые годы существования нашей детской коммунистической организации и могут рассказать:

когда появился первый пионерский отряд;

кто придумал первый пионерский значок;

в каком городе вышла первая пионерская газета...

Правда, это все интересно узнать?

Но главное, в этой книге ты узнаешь все про славные дела пионеров 20-х годов. Про то, как они боролись со скаутами, как перевоспитывали беспризорников, обучали неграмотных, разоблачали религию, как встречались с Горьким, Крупской, Орджоникидзе, Буденным.

«Пионер ставит общественные интересы выше личных» — по такому закону жили пионеры 20-х годов. И если ты крепко помнишь этот закон, значит, тебе и дописывать делами и жизнью эту книгу. Помнишь, она ведь еще не окончена!

С. Соловейчик

Старое и новое—в нас самих

Катька съела половину книжки. Сжевала, подлая, самое главное — конец! Сене до слез обидно. И зачем только мать купила козу?

Много разных «зачем» и «почему» одолевают Сеню, который живет в деревне Старые Дворики. Почему, например, когда мать его берет с собой в город, им приходится прятаться от милиционеров? Почему некоторые товарищи отвернулись от Сени?

Деревня называется Старые Дворики, но жизнь в ней новая. Отец и старший брат Сени, Митя, хорошо и весело работают в колхозе, а вот бабушка и мать тянутся к старому — хищному, жадному.

Они живут с оглядкой, скрытно, словно делают что-то нехорошее. И, странное дело, выходит, будто Сеня заодно с ними! И вот настал день, когда Сеня не захотел больше так жить. Он твердо сказал матери: в плохих делах он больше ей не помощник.

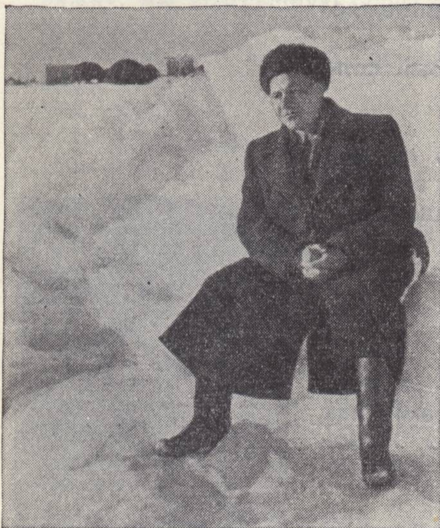
Прочти эту книжку; называется она **«Но-**

вые Дворики», написал ее **Сергей Баруздин**. Ты полюбишь смелого парнишку, который сумел повернуть жизнь по-своему. Старое и новое часто живут рядом. Каждый из нас чувствует иной раз: вот это нехорошая у меня привычка, вот тут я поленился и не помог другому, а в тот раз пожадничал и не поделился с товарищем... Знай, что в тебе тоже старое борется против нового. Сумей победить это старое, как Сеня из Двориков, которые отныне будут именоваться Новыми, потому что жизнь в них хорошая, дружная.

Р. Канделаки

ПИСАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ

НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ Н. ЛОМОВ ПОБЫВАЛ У ПИСАТЕЛЕЙ Н. Н. МИХАЙЛОВА и Ф. ТУГЛАСА, И ОНИ РАССКАЗАЛИ...



Н. Н. Михайлов на Северном полюсе.

Н. Н. МИХАЙЛОВ:

— В своих книгах я описываю путешествия. Описываю не только случаи, какие происходят во время поездки, но и сами страны, где я побывал.

Несколько лет назад я задумал рассказать, что увидит человек, если объедет земной шар вдоль и поперек.

Сначала я написал книгу, где рассказал о своем путешествии по меридиану, она так и называется — «Иду по меридиану».

Чтобы описать какую-то поездку, нужно ее прежде совершить. Я начал свой путь у истоков меридиана — на Северном полюсе, на льдине, на которой находилась дрейфующая станция. Оттуда на самолете я долетел до Москвы, из Москвы — до Черного моря. Там я сел на корабль и через Средиземное море и Атлантический океан доплыл до Антарктиды. Таким образом я прошел по меридиану.

Это было очень трудное путешествие. Особенно на Севере, где самолет совершал посадки на плавучие льдины. И в Антарктике, где пришлось участвовать в охоте на китов во время сильных штормов. Самый большой шторм считается 12 баллов, а в Антарктике было 11.

Потом передо мной встала задача пересечь земной шар в другом направлении — по параллели, вдоль экватора. Чтоб осуществить это, я совершил кругосветное путешествие на корабле. Я пересек Тихий и Атлантический океаны, прошел через Суэцкий канал и через Панамский. Побывал в Китае, Египте, в Южно-Африканской республике, на Кубе и в других странах. Но оказалось, что написать сразу одну книгу о кругосветном плавании нелегко: слишком много стран. Поэтому сначала я описал только часть путешествия: поездку по США. Книга — я писал ее вместе с З. Косенко — называется «Американцы». После США я был в Японии и сейчас пишу о ней. В дальнейшем я надеюсь соединить две части: «Иду по меридиану» и «Иду по широте» — в одну книгу о земном шаре.

— А не могли бы вы почитать отрывок из будущей книги? — попросил корреспондент.

— Что ж, пожалуйста, слушайте.

В 1961 году в Москве была у нас дома в гостях японская девушка Чикако, студентка Университета дружбы народов, сестра переводчика, который помогал мне работать во

время моего путешествия по Японии. Чика-ко привела с собой подругу — кубинку Марию Мерседес Лусию Санчес Дотрес. С нею я раньше не встречался.

Когда выяснилось, что на Кубе я бывал, разговор с Марией оживился. Она спросила, где, когда.

— В городе Сант-Яго, с советским теплоходом. Грузили там сахар в самом начале июня 1958 года. Вы, Мария, тогда были совсем юной. Как раз в те дни войска Батисты предпринимали отчаянные атаки на повстанцев Фиделя Кастро. Сант-Яго был в руках Батисты. Террор, убийства, непрерывное напряжение... Помню, бродил по улицам и, чтобы на минуту отвлечься, зашел, как в тихую обитель, в кафедральный собор, самый старинный из всех соборов обеих Америк. Пели мессу. Гудел орган. Синьориты в черных наколках с молитвенником в одной руке и с веером в другой преклоняли колена у низеньких атласных скамеечек...

Мария слушала — и вся трепетала.

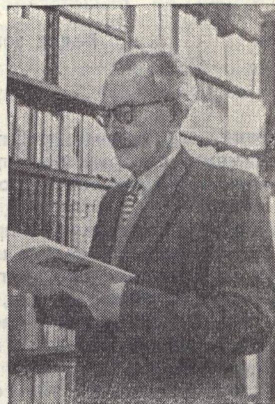
— Вы были в этом старом испанском соборе и не знали, что есть в нем потайная камера. А в камере — груз оружия для повстанцев. Его оберегала девушка, присланная партизанами с гор. И эта девушка была я.

ФРИДБЕРТ ТУГЛАС:

— Как и мой главный герой Илимар, я жил пятилетним мальчуганом в Южной Эстонии. Илимар — это я сам. И вообще выдуманных персонажей в книге «Маленький Илимар» нет. Большинство героев названо своими настоящими именами, даже кошки и собаки.

О чем я думал, когда писал эту книгу? Я думал о том, что детские годы, родные места, люди, которые нас окружают в детстве, не забываются. На всю жизнь человек сохраняет любовь к дому, где вырос.

Почти семьдесят лет спустя я ездил в родные края и думал, что никого знакомого уже не встречу. Но оказалось, что там еще живет женщина, которая знала меня маленьким. Она прочитала мою книгу и теперь рассказывает другим, что все это быль — даже то, что я выдумал...



Ф. Туглас у себя в кабинете.

КАКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ТЫ ХОТЕЛ БЫ СПРОСИТЬ ОБ ИХ НОВЫХ КНИГАХ! НАПИШИ НАМ, И МЫ ПОШЛЕМ К НИМ СВОЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА.

Советую прочитать!

Многие из ребят мечтают о подвигах. Но они думают, что подвиги можно совершить только очень далеко, например, на Севере, как считал Федя, который не видел, что вокруг него тоже совершаются хорошие дела.

Но все-таки мне понравился Федя, потому что он был любознательным и много читал, и еще Ната-Луна своей прямотой и честностью.

Я советую ребятам прочитать новую книгу **Юрия Сотника «Приключение не удалось»** и узнать про других героев.

Слава Захаров, 5-й класс

А мне очень понравилась книга **В. Володкина «Куба. 1961»**.

Кубинцы — люди отважные, трудолюбивые и веселые.

Обо всем этом рассказывают фотографии, из которых состоит книга.

Я еще нигде не видел таких интересных снимков, как здесь!

Не может быть человека, которому бы эта книга была неинтересна!

Толя Зинченко, 5-й класс

ГОРНОЛЫЖНИКИ

Продолжаем обучение слалому

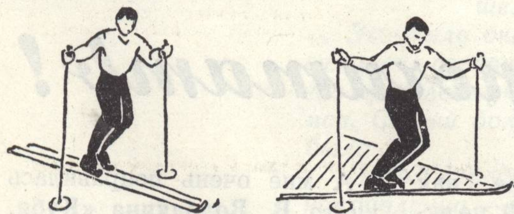
Ведет занятия заслуженный мастер спорта Валентина ЧЕРЕДОВА

Сегодня мы с вами, ребята, познакомимся с упражнениями, которые помогут вам овладеть самым красивым и совершенным поворотом: на параллельных лыжах.

Конечно, к этому можно приступать только тем из вас, кто усердно занимался целый месяц и научился смело спускаться с гор, регулировать при помощи лыж скорость своего спуска, свободно делать повороты на лыжах вокруг расставленных на горных склонах веток или флажков и преодолевать различные неровности.

На этом рисунке вы видите, как выполняется этот поворот. Когда вы овладеете им, самые крутые склоны будут вам не страшны, самые трудные трассы слалома вы будете проходить легко и красиво.

Вот те упражнения, которые помогут вам научиться этому повороту. Посмотрите внимательно на рисунок. На нем показано боковое соскальзывание.



Обратите внимание на положение тела, рук и ног лыжника и постарайтесь держаться точно так же во время движения по дуге поворота.

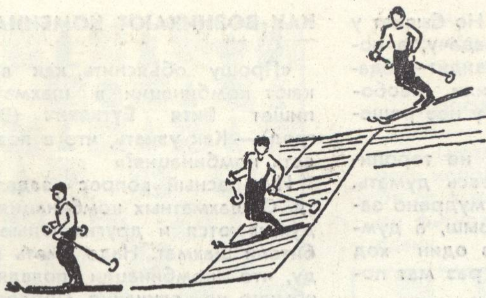
Сначала поупражняйтесь в боковом соскальзывании поперек склона из положения **стоя.** Поставьте лыжи близко друг к другу, круто на ребра, колени чуть-чуть согните и плотно сомкните, плечи поверните от склона. Ставя лыжи плоско на снег, плавно соскальзывайте боком прямо вниз по прямому скату. Скользите два-три метра в положении открытой стойки (плечи повернуты от склона). Энергичным движением переходя в основную стойку и кантуя лыжи на ребре, остановитесь. Колени и бедра при этом сильнее отклоните в сторону горы, а плечи — в сторону долины.

Стоя поперек склона, не разъединяя лыж и коленей и сохраняя при этом открытое положение плеч, легкими подскоками спуститесь прямо вниз.

Люба Николаева выполняет боковое соскальзывание.

А это Шурик Дроздов делает «змейку» из поворотов на параллельных лыжах.

Стоя в основной стойке поперек склона с сильно закантованными на ребра лыжами, энергичным движением выпрямляя ноги в коленях и резко отводя бедра в сторону горы, вытолкните пятки лыж вниз.



Научитесь свободно выполнять эти упражнения, стоя поперек склона то правым, то левым боком к спуску.

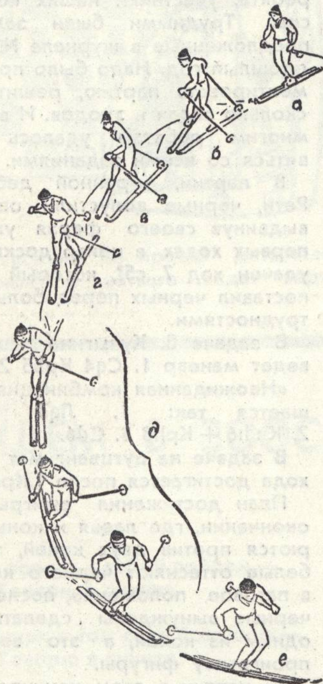
А теперь мы уже можем начать разучивание бокового соскальзывания из косого спуска.

Спускаясь наискось в основной стойке, распрямите ноги в коленях, поставьте лыжи плоско на снег, скользите прямо вниз по прямому скату. Затем, энергично закантовав лыжи на ребра, снова примите основную стойку и продолжайте спуск наискось. Отработайте этот прием как следует. Для этого поставьте на склоне несколько ворот и повторите это упражнение вправо и влево.

Затем в спуске наискось, выталкивая пятки лыж, добейтесь бокового соскальзывания вперед. Для этого, ставя лыжи более плоско, усильте давление на носки.

Все упражнения нужно повторять много раз, постепенно переходя на все более крутые склоны.

Как только вы почувствуете, что боковое соскальзывание в косых спусках получается у вас, приступайте к поворотам на параллельных лыжах. Начните с поворота из упора. Вот как он делается. Из косого спуска в основной стойке переносите вес тела на нижнюю (по склону) лыжу; слегка отводя задний конец облегченной лыжи в сторону и немного выпрямляя колено нижней (по склону) ноги, энергичным, но мягким движением переносите вес тела на поставленную под углом и слегка закантованную на внутреннее ребро лыжу. Сильнее согните эту ногу и отведите колено к центру дуги поворота. Туловище мягко наклоните от склона. Как только перенесете вес тела на внешнюю лыжу, вы измените направление спуска, то есть сделаете поворот. Во время движения по дуге поворота плавно подведите внутреннюю — освобожденную лыжу к загруженной, еще сильнее закантуйте лыжи и поверните плечи от склона. Все эти движения должны плавно следовать одно за другим, их нельзя разделять.



Заканчивать поворот нужно обязательно на параллельных лыжах. Осваивать его лучше, опираясь на палку. Посмотрите внимательно на рисунок, как это делается.

Разучивайте поворот сначала в одну, затем в другую сторону на пологом и чистом склоне. После того, как вы усвоите поворот, научитесь выполнять «змейку» из поворотов.

Запомните: чтобы стать смелым и сильным горнолыжником, надо научиться делать повороты, преодолевать неровности на склонах и, главное, спускаться на большой скорости.

Всмотритесь хорошенько в рисунки слева. Они показывают последовательность движений при повороте на параллельных лыжах из упора на внешнюю лыжу.

Изошутка А. ШАБАНОВА.

ИЗ СПОРТИВНОГО ЗАЛА

Начало атаки. Решающий бросок. И . . . !

НЕ ТОРОПИСЬ ИГРАТЬ — ТОРОПИСЬ ДУМАТЬ

В этом номере журнала разговор наш хочу я начать с писем, которые прислали мне ребята. Много их, этих писем. Юные любители шахмат шлют нам свои партии и задачи, рассказывают об интересных соревнованиях.

Огорчило меня только письмо, которое прислал **Слава Захлевный** из совхоза «Ржевка» (Белгородская область).

«Я люблю составлять задачи,— пишет Слава,— и обычно показываю свои задачи ребятам. А они надо мной смеются. Говорят, что это не задачи, а чепуха и ничего у меня не получится. Может быть, и верно ничего не получится?»

Неверно, Слава! Если ты будешь работать над шахматами, то обязательно научишься и хорошо играть и составлять красивые и трудные задачи. А совхозным вашим ребятам не следовало бы над тобой смеяться. Это не по-товарищески. Конечно, пока еще твои задачи неважные, но ведь сразу никто не становится мастером.

Надеюсь, что твои друзья впредь будут помогать тебе. И еще один совет: не торопись в своей работе, будь и сам к себе требовательнее. Ты прислал нам много задач, и все они недостаточно проверены и отшлифованы. А ведь лучше составить одну хорошую задачу, чем десяток плохих.

Это мой совет не только тебе. И другие ребята порой составляют задачи, как будто блины пекут. Вот, например, **Витя Чайко** из Димского зерносовхоза (Амурская область). Много задач прислал нам Витя. Есть среди них неплохо задуманные. Но бывает у Вити и так: пошлет задачу, а потом проверит и сам увидит—задача или не решается, или, наоборот, слишком много у нее решений.

Еще раз повторяю, не торопитесь играть — торопитесь думать. Не мудрено сыграть, мудрено задумать. Не ход выигрыш, а думка. Лучше десять раз один ход продумать, чем один раз мат получить.

А теперь хочу рассказать о письмах, которые прислали мне ребята, участники наших конкурсов. Трудными были задания, предложенные в журнале № 9 за прошлый год. Надо было прокомментировать партию, решить несколько задач и этюдов. И все же многим ребятам удалось справиться со всеми заданиями.

В партии, игранной дебютом Рети, черные допустили ошибку, выдвинув своего ферзя уже на первых ходах в центр доски. Неудачен ход 7...c5?, который сразу поставил черных перед большими трудностями.

В задаче В. Кулыгина к цели ведет маневр 1. Сq4 Крb5 2. Сd1.

«Неожиданная комбинация» решается так: 1. Лq3 Ф:q3 2. К:h6 + Крh8 3. Сd6.

В задаче на цугцванг мат в два хода достигается после 1.Кре2.

План достижения выигрыша в окончании, где ладья и конь борются против двух коней, таков: белые оттесняют черного короля в патовое положение, после чего черные вынуждены сделать ход одним из коней, а это ведет к проигрышу фигуры.

За успехи в этом конкурсе награждаю грамотой «Ферзя и ладьи» **Сережу Панько** (Ужгород), **Володю Нечвоглода** (Москва), **Борю Жарского** (Москва), **Валерия Пищугина** (Оренбург), **Славу Захлевного** (Белгородская область), **Алексея Радченко** (Луганская область) и ряд других победителей соревнования.

Награждаю также своей грамотой и принимаю в оруженосцы **Валерия Харченко** из села Копанки (Харьковская область) и **Леню Мельниченко** из села Репки (Черниговская область). Семь своих друзей научил Валерий играть в шахматы. Ребята из села Копанки провели под руководством Валерия интересный турнир.

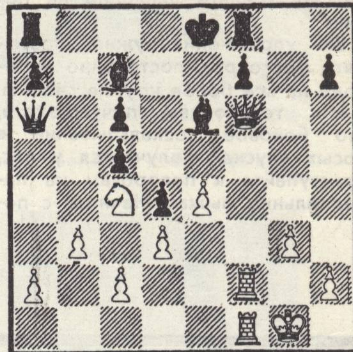
Леня принимает активное участие в работе школьной шахматной секции, учит ребят записывать партии, помогает решать задачи, проводить школьные конкурсы.

КАК ВОЗНИКАЮТ КОМБИНАЦИИ

«Прошу объяснить, как возникают комбинации в шахматах,— пишет **Витя Буткевич** (Волгоград).— Как узнать, что в позиции есть комбинация?»

Интересный вопрос задал Витя. О шахматных комбинациях задумываются и другие юные любители шахмат. Надо иметь в виду, что комбинации появляются обычно не случайно. Предпосылками комбинации является ослабление позиции противника и прежде всего позиции, которую занимает король. Если, играя партию, вы видите, что в лагере противника возникли существенные ослабления, фигуры его разъединены и плохо взаимодействуют между собой, почти наверняка есть и скрытая возможность комбинации. В таких положениях надо искать пути к быстрейшей реализации преимущества.

Вот два примера комбинаций. Известный гроссмейстер С. Тартаковер говорил, что «шахматист скорее положит голову в пасть льва, чем отдаст своего ферзя». Но в следующих положениях правильная оценка позиции дала возможность белым смело пожертвовать ферзя.

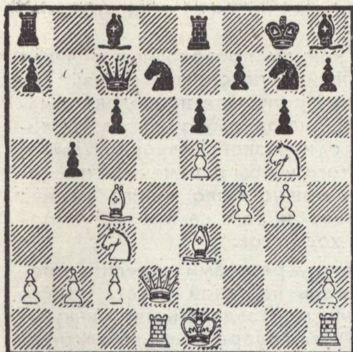


Здесь найти жертву ферзя на e6 нетрудно. Ведь все силы белых сконцентрированы по линии «f», а черный король занимает неудачную позицию в центре. Последовало: 1. Фf6 : e6+f7 : e6 2. Лf2 : f8 + Кре8 — d7 3. Лf1 — f7. Мат.

Намного сложнее комбинация в следующем окончании.

Эта позиция возникла в одной из партий ленинградского мастера К. Кламана. Черные отстали с развитием фигур, их король стеснен своими же фигурами. Это дает повод для красивой комбинации.

В партии было так: 1. Кс3—e4! b5 : c4 2. Фd2 : d7!



А теперь найдите, как белым надо продолжать атаку после того, как черные возьмут ферзя.

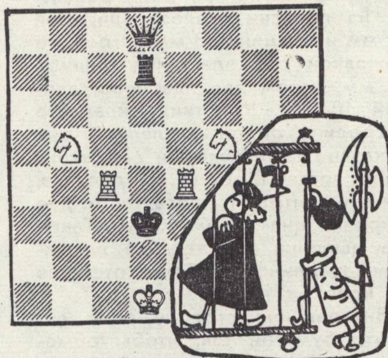
Советую вам внимательно разобрать это окончание на занятиях школьной секции. Это поможет вам научиться находить неожиданные комбинационные удары.

ПОПРОБУЙТЕ РЕШИТЬ

Две интересные позиции мы включаем в наш традиционный конкурс решений. Победители конкурсов получат грамоту «Ферзя и ладьи».

КОРОЛЬ В МЫШЕЛОВКЕ

Да, незавидно положение черного короля в следующей задаче. Он со всех сторон окружен белыми фигурами, попался в мышеловку.



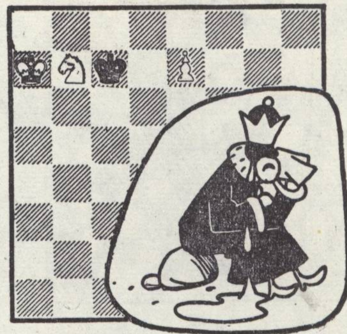
И все же не просто дать мат черным в четыре хода: ведь ферзь и ладья черных готовы выручить попавшего в беду короля.

ТРОЕ НА ОДНОГО

А в этой позиции один король сражается против трех белых фигур. Именно фигур! Ясно ведь, что пешка е7 в любой момент может быть превращена в какуюлибо белую фигуру.

Найдите, как белые дают мат в семь ходов черному королю.

Решения на конкурс можно присылать до 1 апреля.



МЫ ИДЕМ В ЗООСАД

С. ГАЛКИН

— В зоосад с тобой пойдем,—
Говорю я внучке.

— Звери в том саду большом,—
Говорю я внучке.

— Только ты не бойся их,
Диких хищников лесных,—
Говорю я внучке.

— Зверь хитер, а мы хитрей:
В клетки заперли зверей,—
Говорю я внучке.

— У ворот услышишь рев
Леопардов, тигров, львов,—
Говорю я внучке.

— Но едва ты ступишь в сад,
Звери тут же замолчат,—
Говорю я внучке.

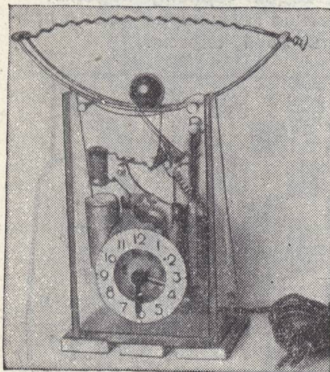
— От зверей пойдем с тобой
К птице сине-золотой...—
Говорю я внучке.

— Да не бойся, дед! В саду
Я с тобой рядком пойду! —
Говорит мне внучка.

Перевела с еврейского Ю. Нейман.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ ЧАСЫ

Нравятся вам эти часы? И вы можете сделать такие же, а может быть, если постараетесь, то и лучше. Попробуйте! В этом номере нашего журнала мы открываем часовую мастерскую.



Купите набор «Юный часовщик». Вам понадобится часовой механизм ходиков. Раздобудьте стальной шарик диаметром 20—24 миллиметра. Остальные детали сделаете сами.

Электромагнитное реле делается из полоски железа шириной 20 мм и толщиной 3 мм. Отрежьте ножовкой две пластинки длиной 35 мм, потом две пластинки длиной 10 мм. Короткие склепайте посредине одной заклепкой, как показано на рисунке,—и сердечник реле готов! В торце сердечника, между центрами, просверлите две дырочки диаметром 10 мм. Такие же дырочки просверлите в пластинках длиной в 35 мм, отступив от края на 15 мм.

Внутреннюю сторону реле оклейте бумагой так, чтобы обмоточный провод нигде не касался металла. Затем намотайте на него до 200 витков провода сечением 0,3 мм или 0,2 мм. Изоляция может быть лаковая или шелковая. Готовое реле прикрепите к корпусу часов. К длинным концам реле по наружной стороне их припаяйте согнутую по радиусу стальную проволоку диаметром 2 мм с таким расчетом, чтобы катящийся по ней шарик не касался полюсов реле.

К концам проволочных рельсов припаяйте пластинки, сквозь которые пропустите проволоку с нарезкой на одном из концов. На конец с нарезкой наверните гайку, для того чтобы натяжением проволоки можно было менять радиус рельсов и тем самым регулировать ход часов.

Между рельсами укрепите прерыватель на такой высоте, чтобы шарик мог задевать пружинку и чуть-чуть поворачивать контактную пластинку 5 и поворачивать контактную пластинку 8 так, чтобы она соприкасалась с контактом 9. Один конец обмотки соедините гибким проводником с контактной пластинкой 8. Второй конец ее пойдет к источнику питания — к батарейке карманного фонаря. Проводничок от второго полюса батарейки присоедините к контакту 9.

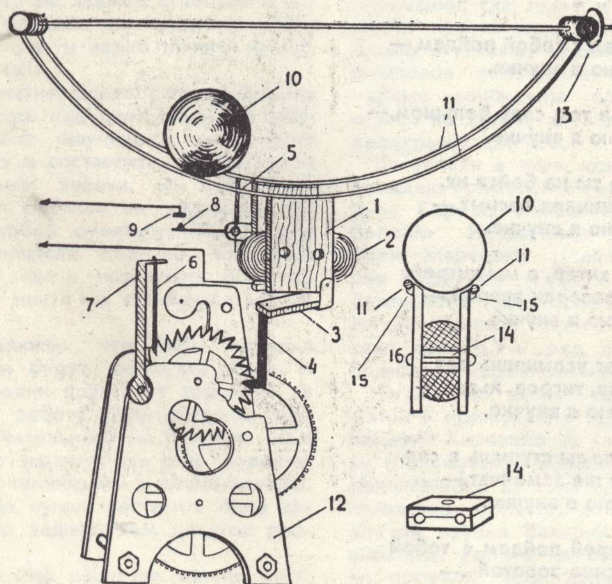
Пружинка прерывателя 5 делается из лезвия безопасной бритвы. Лезвие сначала нагрейте на зажженной спичке, а когда оно остынет, вырежьте ножницами из него полоску по всей длине лезвия и шириной 2—3 мм. Вырезанную пластинку припаяйте к контактной пластинке 8.

Когда шарик замкнет контакты, в реле возбудится магнитное поле, шарик начнет притягиваться к полюсам реле, и, когда он дойдет до середины их, контакты разомкнутся.

Вместе с шариком притянутся и якорь 3 с пружинкой 4 (эту пружинку тоже вырежьте из лезвия бритвы), и колесо механизма повернется на один зуб.

На конец пружинки 4 припаяйте кусочек металла и запилите его по форме зуба. Вторая пружинка 6 укрепляется на стойке 7, она не дает повернуться колесу обратно.

Обратите особое внимание на изготовление и установку прерывателя. Подвижная часть его должна свободно вращаться в угловой части на оси. Ось крепится непосредственно к реле или корпусу часов. С нижней стороны пластинка 8 должна иметь опору, к которой она прижимается пружинкой, сделанной из балалаечной струны. В места соприкосновений пластинок 8 и 9 вклепайте контактный металл — кусочек серебра или контактный металл от старых реле. Если все сделаете аккуратно, часы у вас получатся превосходные.



1. Реле; 2. Обмотка реле; 3. Якорь реле; 4. Пружинка якоря; 5. Пружинка прерывателя; 6. Опорная пружинка; 7. Стойка пружинки; 8. Подвижный контакт; 9. Неподвижный контакт; 10. Шарик; 11. Проволочные рельсы; 12. Механизм ходиков; 13. Натяжная гайка; 14. Сердечник реле; 15. Пайка оловом; 16. Шарнир якоря.

А. Абрамов

В ЧАСЫ ДОСУГА

УРАЛЬСКИЕ СКАЗЫ

Многие из вас, ребята, читали чудесные сказы замечательного советского писателя Бажова.

На этой страничке даны рисунки к пяти сказам Бажова и текстовые отрывки из них. Вспомните названия этих произведений и впишите их в клеточные ряды. Некоторые буквы попадут в номерные клетки. Если выписать эти буквы в порядке номеров, то составится название еще одного сказа Бажова, одноименного с названием его знаменитой книги.

Составил Вл. Грязев.

1. МЕДНОЙ ГОРЫ ХОЗЯЙКА
2. ГОЛУБАЯ ЗМЕЙКА
3. КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК
4. ТАЮТКИНО ЗЕРКАЛЬЦЕ
5. ОГНЕВУШКА = ПОСКАКУШКА

„МАЛАХИТОВАЯ ШКАТУЛКА“

1. Схлопала в ладошки, ящерки набежали, со Степана цепь сняли.

2. Только пропел, видит: на него с горки голубенькое колеско катится. Да того легонькое, что сухие былинки и те под ним не сгибаются. Как ближе подкатилось, Лейко разглядел: это змейка колечком свернулась.

3. Низ камня отделал. Как есть, слышь-ко, куст дурмана. Листья широкие кучкой, зубчики, прожилки... Прокопьич и то говорит: живой цветок-то, хоть рукой пощупать.

4. Прибежали, видят: верно, над забоем зеркало наклонилось, и кругом из породы явственно рама обозначилась, как руками высечена.

5. Глядит: в дыму-то появилась махонькая девчонка... Поглядела веселыми глазками, зубенками блеснула, платочком махнула, ножкой притопнула и давай плясать.

Чубчик птицей
с кручи мчится...

Только надо же
случиться...

Рисунки В. Чижикова.

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**
Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе, В. И. Орлов, В. А. Поддубная** (ответственный секретарь), **М. П. Прилежаева.**
Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28, комната 11. Телефон Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.
Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00024. Подписано к печати 6/II 1962 г. Тираж 565 000 экз. Изд. № 342. Зак. № 91.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда». Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Для вас эти песни, ребята!

(Песни и ноты издательства «Советский композитор»).

АФАНАСЬЕВ Л. **Здравствуй, лето!** Для детского хора с фортепьяно (баяном). 1960. Цена 10 коп.

БЛАНТЕР М. **Прощальная школьная.** Для голоса с ф-но. 1957. Цена 8 коп.

БОГОСЛОВСКИЙ Н. **Дорожная песня.** Для детского хора с ф-но. 1959. Цена 15 коп.

БОГОСЛОВСКИЙ Н. **Песенка ремесленников.** Для детского хора с ф-но. 1959. Цена 5 коп.

ГЕВОРКЯН Ю. **Костер.** Детская песня для голоса с ф-но. 1961. Цена 80 коп.

ГЕРЧИК В. **Земляника.** Детская песня для голоса с ф-но, хора с ф-но. 1959. Цена 5 коп.

ГЕРЧИК В. **Песенка о веселом ручье.** Для детского хора с ф-но. 1960. Цена 5 коп.

Детские хоры. Вып. I. (Без сопровождения). 1960. Цена 40 коп.

ЖАРКОВСКИЙ Е. **Далекие дороги.** Песня для детского хора с ф-но. 1959. Цена 5 коп.

Играй, горнист. Пионерские песни. 1960. Цена 20 коп.

Играй дома. (Мелодии детского театра, радио, кино). 1961. Цена 40 коп.

ИОРДАНСКИЙ М. **Зимние гости. Зорька нас в поход зовет.** 1960. Цена 8 коп.

КАБАЛЕВСКИЙ Д. **Спокойной ночи** (артековская песня). 1959. Цена 5 коп.

ЛЕВИНА З. **Мы поем.** Для голоса с ф-но. 1957. Цена 5 коп.

ЛЬВОВ-КОМПАНЕЕЦ Д. **Песня молодости.** Для хора с ф-но. 1958. Цена 78 коп.

МУРАВЛЕВ А. **Детские песни.** Для голоса и хора с ф-но. 1960. Цена 10 коп.

МУРАДЕЛИ В. **Верь, отчизна, своей комсомолии.** Песня для школьников. 1959. Цена 8 коп.

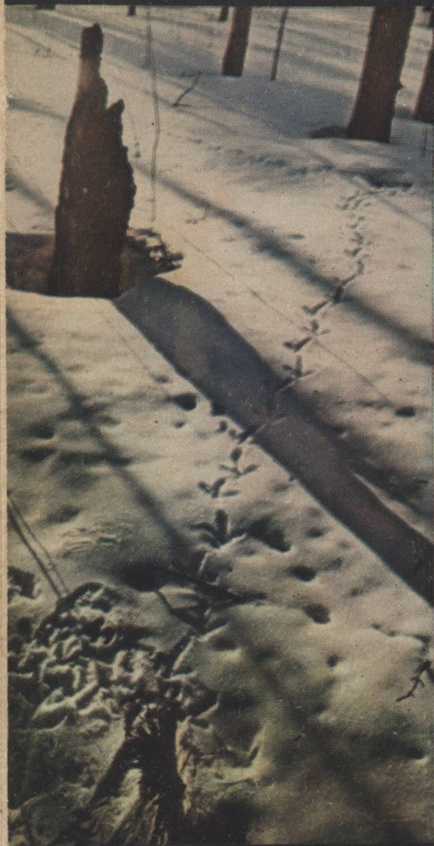
МУРАДЕЛИ В. **Дружба всего дороже.** 1957. Цена 8 коп.

РАУХВЕРГЕР М. **Американские детские народные песни.** 1960. Цена 25 коп.

Эти песни можно купить в нотных отделах и нотных магазинах книготорга.

«Союзкнига».

Цена 25 коп.



СНЕЖНЫЕ ПИСЬМЕНА

Февраль — месяц следов. С морозом в две смены работа оружая крепкий наст. По наст ложится снег. На таком снег и ясно записаны происшествия жизни. Хотите, прочитаем с письмена, перенесенные фо рой к нам в журнал?

Вот следы глухаря протяну сосенки к сосенке. Ведь хвоя харинный хлеб зимой! На ф дом — следы куропаток. Одна ла широким, размашистым шаг могая крыльями. В конце след

Фотографии

В. ГИППЕНРЕЙТЕРА

вается: взлет! Вторая куропа едала почки на кустиках. Нае отвала и пошла лениво, впе еле ноги переставляя. На снимке — лисья тропка и р снег. Лиса добывала мышь В голодный февраль лиса и рада.

На последнем снимке зверь у подернутого ледко следы оставил — будто клад между отпечатками лап боро черчены, Это же выдра! Бор снегу оставил ее толстый хвост.